

Елена ЯКОВЛЕВА



Богатая бедная Лиза

ХРОНИКИ
КОНДРАТОВСКИЕ



DISCARD

ОЛМА
МЕДИАГРУПП

Елена ЯКОВЛЕВА

*Богатая
Бедная Лиза*

Кондратовские хроники

VIRGINIA BEACH PUBLIC LIBRARY SYSTEM
4100 Virginia Beach Boulevard
Virginia Beach, VA 23452-1767



МОСКВА
ОЛМА-ПРЕСС
2004

УДК 821
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Я 474

Серия «Кондратовские хроники Елены Яковлевой» основана в 2004 году.

Исключительное право публикации книги Елены Яковлевой «Богатая бедная Лиза» принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС». Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

Яковлева Е.

Я 474 Богатая бедная Лиза: Роман. — М.: ОЛМА-ПРЕСС; ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2004. — 318 с. — (Кондратовские хроники Елены Яковлевой).

ISBN 5-224-04810-9

ISBN 5-85197-180-0

В доме одной из владелиц детективного агентства «Мозги и ноги» Марго появляется четвероюродная родственница мужа Стаса голубоглазая Лиза. Девушка работала горничной у Кондратовского ликеро-водочного магната. Хозяева обвинили горничную в краже крупной суммы, и хозяйский сын потребовал возвращения денег. Люба сильно сомневается в правдивости произошедшего, да и в родстве Лизы и Стаса, особенно после того, как Лиза ночью сбегает...

УДК 821
ББК 84 (2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-224-04810-9
ISBN 5-85197-180-0

© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»,
издание и оформление, 2004.
© ОАО ПФ «Красный пролетарий»,
оригинал-макет, 2004

ГЛАВА 1

Терпеть не могу ангельски голубые глазки. Ну, не вызывают они у меня доверия и все тут. Буквально испокон веку. И ведь, как назло, у этой четвероюродной и чуть ли не внучатой Стасовой племянницы именно таковские. И вот сидит она, ими хлопает, хрустальные слезки роняет а между делом жалобно выводит:

— ...Тё-отя Маргарита!.. Ну, тё-отя Маргарита!..

Рядом, на диване, примостились не похожие на себя Ян с Туськой и громко хлюпают в унисон ей носами. Даже щенок таксы и кот-матрас и те к ней сочувствием преисполнились. Первый робко подывает, возложив морду на растоптанный Стасов тапок. Второй, задрав полосатый хвост, по-свойски об ее ноги трется. Я уже молчу про самого Стаса, обеспечившего нам эту в высшей степени трогательную сцену.

— Ну вот, видите, видите?.. — кашлянул он в кулак и на Марго покосился. — Видите теперь, что мы должны ей помочь?

— Так возьми и помоги, кто ж тебе не дает! — отпустила я ему бесплатный совет, пока Марго по своему обыкновению в глубоких раздумьях пребывала. — Раз тем более она твоя родственница!

— Н-но... — поперхнулся от неожиданности Стас, — а что ж я могу сделать?..

— Ну, хотя бы оплати то, что она...м-м-м... задолжала, — предложила я для проформы, заранее зная, что услышу в ответ. А именно, что в данный момент таких денег у него нет и в ближайшие лет сто не будет.

– Да... Да где ж я столько возьму? – не заставил меня долго ждать Стас и захлопал глазами в такт своей юной, невесть откуда свалившейся на наши головы четвероюродной родственнице.

Что касается самой голубоглазой Лизы, то она вскочила с дивана как ужаленная и выпалила на одном дыхании:

– Я ничего не крала!

И тут же в сторону прихожей рыпнулась, только Стас и удержал. Кто его просил! А она еще стала вырываться и в сердцах выкрикивать:

– Да не брала я, ни копеечки у них не брала, в том-то все и дело!.. А если... А если вы мне не верите, то вот вам, смотрите!..

Эта нахальная девчонка расстегнула сумочку, которую она держала на коленях, и вывалила на диван все, что в ней было. Записную книжку, расческу, пудреницу, носовой платок и кошелек, маленький, почти игрушечный, весь в каких-то чудных золотых узорах.

– Вот, видите? Это вся моя наличность! – потрянула она своим дурацким кошельком, а из него, точно по заказу, одна-разъединая сиротливая монетка выпала, достоинством в десять копеек и укатилась под допотопное «вольтеровское» кресло Марго.

И что б вы думали, эта убогая художественная самодеятельность прошла на бис у всех присутствующих! Кроме меня, разумеется. Нет, ну ладно б еще Ян с Туськой, которые, конечно, немедля полезли под кресло за укатившейся Лизаветиной «наличностью», а то ведь и Марго со Стасом туда же! В смысле не под кресло – до этого, слава Богу, дело не дошло, – а сочувствием прониклись. Уши развесили, губишки раскатали. Короче, бери голыми руками.

А Лиза, не будь дура, специально, чтоб эффект усугубить, опустилась возле дивана на колени и стала свои манатки обратно в сумочку собирать, безутешно сквозь судорожные всхлипы приговаривая:

– Так я и знала... Так я и знала, что вы мне не поверите!..

Ха-ха, вот это здорово! Мы еще, такие-сякие, и виноватые, оказывается! А чего б мы ей верить должны, спрашивается? Вот я, например, конкретно не нанималась. Тем более, мой богатый жизненный опыт подсказывает, что верить кому-либо можно лишь в самых крайних случаях. А данный явно не из их числа, поскольку для начала я вообще сомневаюсь, что эта хитрющая ангелоподобная бес-тия со Стасом в родстве состоит. Хоть бы и самом отдаленном.

Да и кто б не засомневался! Когда Стас добрых полчаса свое развесистое генеалогическое древо вдоль и поперек исследовал, прежде чем вспомнил, что да, была вроде такая баба Нюся, двоюродная сестра его деда Ипполита. А уж про то, что у этой бабы еще и пятеро детей, семеро внуков и двое правнуков имелось, сколько ни силился, ничего вразумительного сказать так и не смог. А в результате остальные родственные связи эта подозрительная четвероюродная племяшка уже без его непосредственного участия обрисовывала. И столько при этом всякого наплела, что лично я так и не поняла, кем же она ему на самом деле приходится. В лучшем случае, седьмая вода на киселе. Если не восьмая или девятая.

– ...А мне еще дома все твердили, ты там, в Кондратове, первым делом к дяде Стасу зайди, а мне как-то неудобно... Что, думаю, буду людей стеснять... – захлебывалась она от эмоций уже после того, как на Стаса наконец озарение по поводу бабы

Нюси снизошло. – А тут еще сразу все наладилось вроде... Ну, с работой... А потом я несколько раз хотела вас разыскать, но все время в последний момент как-то не складывалось...

Короче, все это еще туда-сюда было, пока она до самого главного не дошла. Ну, до того, почему у нее несколько раз «не складывалось», а потом вдруг раз – и «сложилось». А штука вся в том оказалась, что ее с работы поперли да еще и при очень даже щекотливых обстоятельствах. Поскольку работала она не кем-нибудь, а горничной. И не где-нибудь, а у самого Москальца. Ну, хозяина Кондратовского ликеро-водочного завода, широко известного в нашем регионе, благодаря водке «Гордая княжна» и прочей популярной в народе продукции горячительного свойства.

– ...Я... Я все честно... Клянусь! – мяла в руках платочек эта новоявленная Стасова родственница. – У меня даже в мыслях такого не было... А они... Они обвинили меня... Ну, будто бы я у них крупную сумму украла! А я не брала! Не брала я!.. И вообще у нас в роду воров никогда не было! Ведь так же, дядя Стас?..

– Не было, не было! – закивал Стас, рад стараться. – В нашем роду – никогда! – А нет бы сперва досконально разобраться, о каком таком роду все-таки речь.

– Ну вот, а они... А они меня выгнали, – голубые Лизины глазки снова наполнились горячими слезами.

Ну, и как вам такая душещипательная история? Явно рассчитанная на сельских идиотов, каковыми мы с Марго этой шустрой девице, судя по всему, и представлялись. Да и не только ей, в принципе. Потому что, если перечислять желающих втереть нам очки по порядку, то на руках и ногах пальцев не

хватит. И это только за последнее время. С тех самых пор как, измаявшись от хронического безденежья, мы подались в ясновидящие, а из них – в частные сыщицы.

А уж какие экземпляры были! Не чета этой Лизе-подлизе. Того же красавца Феликса взять, из-за которого наша с Марго крепкая женская дружба чуть по швам не затрещала. Однако ж ничего, обошлось. Устояли мы, несмотря на все его мужские чары. Хотя, чего скрывать, сильно пошатнулись поначалу. И это притом, что тогда же еще одна юная «сиротка» лапшу нам на уши вешала. И тоже, кстати, крупная специалистка по борьбе с пылюкой в господских хоромах. Сонькой ее звали, змеюку эту.

– Ну... И что мне теперь делать?.. – бедная Лиза издала особенно жалостный вопль, персонально на Марго рассчитанный. Поскольку она в процессе безутешных Лизиних стенаний и словечком не обмолвилась, а все больше глубокими вздохами да пытливыми взорами отделывалась.

– Э-э-э... – заворочалась в кресле Марго, и я приготовилась услышать наконец суровую отповедь в адрес приткой самозванки, да только дальше этого «э-э-э» дело не пошло. Внешние обстоятельства помешали. В виде звонка в дверь. После которого Марго немедленно сослала меня в прихожую – проверить, кого там еще принесло, попутно напомнив, чтобы я сначала всенепременно в глазок посмотрела и ни в коем случае дверную цепочку не снимала.

– А то я не знаю!.. – буркнула я и, выполнив все ее инструкции, внимательнейшим образом обозрела сумрачную лестничную площадку, но никого не

* Речь идет о событиях, имевших место в повести «Вечность с комфортом» (авт.)

увидела. И только когда я уже собиралась вернуться в гостиную, в которой основные события разворачивались, за дверью какой-то шорох послышался.

– Эй, кто там? – снова прикинула я к глазку и напоролась взглядом на сверкнувшие из полумрака очки.

– Здравствуйте, я по объявлению, – донеслось до меня вслед за этим, – откройте, пожалуйста.

А уже потом я слегка потянула на себя дверь, и предо мной предстал щуплый юнец в коротком драповом пальтеце и светлом кашне на цыплячьей шее. Ну, а про блестящие очки вы уже знаете.

* * *

Пока Марго с ошарашенным видом рассматривала нашего нового визитера, я тихо ликовала. А почему, вы со временем поймете. Когда узнаете, по какому объявлению к нам этот оципанный цыпленок пожаловал. А он явился в наше детективное агентство «Мозги и ноги» наниматься! Вот так-то, ни больше ни меньше.

Да, а тщедушный тинэйджер, заметив замешательство моей боевой подруги, расстегнул свой портфельчик и газетку из него достал. Нашу местную «Кондрашку». Ну, в смысле «Вечерний Кондратов». Развернул и подсунул Марго:

– Вот. Это же ваша реклама?

– Ну, – тупо кивнула Марго.

– Тогда я вас поздравляю! – торжественно объявил этот заморыш в очечках. – Потому что я – это именно то, что вам нужно!

– То есть.. – Марго захлопала своими греческими очами, почти как сомнительная Стасова племянница, – но ведь в объявлении... Что там написано?

– Что? – прикинулся полудурком паренек с портфелем. А, может, он и не прикидывался вовсе, а от рождения как раз таки им и был.

– Что нам требуется мужчина от тридцати до сорока пяти лет. Желательно бывший военнослужащий или сотрудник правоохранительных органов, – монотонно пробубнила Марго, уставившись в «Кондрашку». Наверное, чтобы удостовериться, что тамошние журналюги впопыхах чего не перепутали. – Понимаете, мужчина!

– А я что, по-вашему, женщина? – возразил на это шустрый юнец.

– Гм-гм... Да нет как будто... – не очень уверенно отозвалась Марго. Первый раз на моей памяти она перед каким-то сопливым мальчишкой стушевалась. – Но... Видите ли, нам нужен зрелый человек... Спортивного телосложения... Сильный...

– Гора мышц, короче, – презрительно усмехнулся на редкость нахальный тип. – А зачем?

– Как зачем? Соппротивление в случае чего оказать... Ну и так далее... – обернулась ко мне Марго, видимо, подразумевая, что я выступлю с ней единым фронтом. Только зря она на меня рассчитывала, потому что я с самого начала против этой дурацкой затеи с объявлением возражала. Больно мне охота с кем-то там денежками делиться, когда самой не хватает!

– Соппротивление! – хмыкнул парнишка, можно сказать, по-хозяйски на моем законном табурете расположился – а дело на кухне происходило, – ногу за ногу закинул, а свой плоский, как блин, портфель у себя на коленках пристроил. – А вы что же, выражение «против лома нет приема» ни разу не слышали?

– Почему?.. Слышали... – переглянулись мы с Марго.

– Ну, тогда вы должны понимать, что на вашу грудь мышц всегда найдется какой-нибудь хилак с пистолетом, а то и автоматом, против которого никакая грудь не устоит, – паренек снял свои очечки,дохнул на них и протер извлеченным из кармана носовым платком. После чего снова водрузил их на костистую синеватую переносицу и посмотрел на нас с ехидной пройдошистой ухмылкой: – А отсюда вывод, что брать надо не мускулами, а чем?..

– Чем? – дружно выдохнули мы с Марго, признаться, несколько заинтригованные.

– А вот этим! – юный нахал постучал длинным указательным пальцем по своей голове подозрительной яйцевидной формы, сколько я понимаю в таких делах, неопровержимо свидетельствующей о том, что роды у его драгоценной мамочки не без осложнений протекали. – С помощью так называемого серого вещества!

– Ах, серого!.. – протянула я разочарованно, поняв, что ничего принципиально нового он нам мне предложит. И добавила, бросив мимолетный взгляд на Марго. – Ну, этого добра у нас, слава Богу, и так хватает. Иногда даже излишки случаются. А вот с ногами – серьезные перебои...

– Чи-во? – в этот раз и на нашего резвого задохлика проруха нашла. – Это как понимать?

– А так, что идеи генерировать у нас есть кому, – я тоже оседлала табурет, только тот, что обычно Марго занимает, – а вот по части их претворения в жизнь – затруднения. А также сбора информации и прочего. Короче, всего того, что с перемещением в пространстве связано.

– Ну да, ну да, конечно-конечно, – осклабился юнец и радостно просигнализировал, что с абстрактным мышлением у него все в порядке. – Вы же «Мозги и ноги» называетесь! Но тогда тем более!

Потому что эти ваши перебои с перемещением в пространстве говорят только об одном! О том, что ваша работа организована из рук вон плохо. А в результате ноги страдают!

– Почему же так сразу и плохо? – обиделась за нашу славную совместную деятельность Марго, и сама прежде без устали талдычившая практически то же самое, что и этот неоперившийся птенец.

– А потому, – сверкнул на нас очечками нестигаемый желторотик, – что если организовать работу как следует никакие ноги вообще не понадобятся. Не говоря уже о мышцах. – И плюхнул на наш обеденный стол свой тощий портфельчик. – Вот, пожалуйста! Я здесь небольшой бизнес-план набросал... Сейчас покажу.

– Какой еще бизнес-план? – не на шутку взволновалась я, почуяв неладное.

– Да элементарный! – вдохновенно затряс своим яйцевидным отростком для серого вещества явившийся к нам по объявлению в «Кондрашке» отрок. – Пока что в общих чертах, конечно, но примерное представление вы составите... Одним словом, менеджмент, менеджмент и еще раз менеджмент!..

Ох, лучше бы он этого слова вслух не произносил!

– Что-о? – от возмущения у меня перед глазами сначала зарябило, а потом поплыло. А уже в следующую минуту я обнаружила, что держу этого гаденыша за шиворот, а заодно коленкой под тощий зад подталкиваю. В направлении прихожей. А предательница Марго не только предпринимает попытки его у меня отбить, но и подсунутую им визитку в карман халата запихивает!

И все-таки с лестницы я его спустила. Швырнув вдогонку портфель с бизнес-планом. После чего

тщательно вымыла руки с мылом и, глядя в раскрасневшееся лицо Марго, выпалила:

– Короче так. Одно из двух. Или я, или этот сопливый менеджер!

ГЛАВА 2

Я не находила себе места еще с час примерно. А Марго, она ничего, как ни в чем не бывало, с племяншкой Лизой беседовала, вместо того, чтобы выставить ее вслед за новым претендентом на должность моего погонялы. Участиливо расспрашивала ее о мытарствах в доме кондратовского ликеро-водочного короля. А та на полную катушку невинной овечкой прикидывалась, вся из себя несчастная-разнесчастная:

– ...Да все как обычно было... Я как раз в каминном зале убиралась, и вдруг Виктория Васильевна... Ну, хозяйка... И говорит: где деньги, которые в спальне на туалетном столике лежали? На какое-то лекарство для похудения... А я ведь... Я ведь их даже не видела! Ну, так и сказала... А она как разозлится! Кричит: вон, испытательного срока не прошла!..

– Испытательного срока? Это ты про что? – насупила брови Марго. Ну, скажите на милость, на кой она в эти подробности вдалась?

– Так ведь меня с испытательным сроком взяли, – печально вздохнула сомнительная Стасова племяншка, – на три месяца...

– Серьезно? – присвистнула Марго.

– Ну да, – сиротинка стала край джинсовой юбочки теревить. – Так меня еще в агентстве предупредили. Ну, насчет испытательного срока. Но сказали, что, если пройду, платить будут очень хорошо...

— А это агентство случайно не «Рабыня Изаура» называется? — ввернула я от скуки, хотя первоначально и не собиралась вникать в бразильские Лизины перипетии.

— Нет, — серьезно ответила мне бедная Лиза, — оно называется «Все для вас»...

— Странно, — фыркнула я. — Что-то у них с фантазией не очень. Не то, что у некоторых здесь присутствующих. — Намекнула я на Марго, благодаря которой наше совместное предприятие носит звучное имя «Мозги и ноги».

— А... Это очень солидное агентство... Десять лет на рынке услуг... — наставила на меня свои эмалевые глазки Стасова племянница. — И потом, там не только горничные... Но и эти... Гувернантки... Репетиторы, няньки... Про него еще почти каждый день реклама в газете бывает...

— Точно. Есть такое, — Марго зашуршала позабытой юным менеджером «Кондрашкой» и себе под нос пробормотала. — Агентство «Все для вас»... Десять лет на рынке услуг... Гувернантки, горничные, сиделки, помощницы по хозяйству... М-м-м... Проспект Демократов, восемнадцать, контактный телефон... — Потом отшвырнула газетенку в сторону и на свою новоявленную родственницу уставилась. — Слушай, а зачем ты вообще в эти горничные подавалась? Молодая, симпатичная девчонка...

— А куда? — пожала плечами поникшая Лиза. — У нас в поселке работы вообще никакой нет. А здесь, в Кондратове, можно только на толкучке устроиться. Но туда я не пойду, проторговаться боюсь... И бандитов тоже...

— А в чужой дом, значит, идти не испугалась? — поинтересовалась Марго, исподлобья наблюдая за обиженной сироткой.

— Почему не испугалась? — окончательно пове-

сила нос Лиза. – Еще как страшно было. Тем более, у них там такая красота кругом... Одного хрусталя видимо-невидимо, всякие вазы фарфоровые... Все время боялась чего-нибудь грохнуть... Ну и хозяйка опять же... Она вроде бы не злая, но такая... Сегодня одно настроение, завтра другое... Тяжело! А дом, какой огромный! Дворец! Не успеешь убратся, снова начинать надо... Вечером – буквально без ног, а ведь я к работе привычная... Но я же старалась! Чтобы испытательный срок пройти и хорошие деньги получать! А теперь что?.. И срок не прошла, и... Что же мне теперь делать?.. – Закрыла она лицо маленькими короткопалыми ладошками.

– Ну-ну, не стоит так отчаиваться, – подбодрила ее Марго приторно-жизнерадостным тоном. – В конце концов, факт кражи еще доказать надо. А, кроме того, я лично думаю, что, если б они так уж хотели тебе напакостить, то сразу бы в милицию заявили. Со всеми вытекающими последствиями. А поскольку они тебя всего лишь выставили, то, скорее всего, дальше этого дело не пойдет. Так что, езжай себе домой и передавай привет бабе Нюсе.

Понятно, что после таких здравых рассуждений, прозвучавших из уст Марго, я совсем уж собралась вздохнуть с облегчением, да, видать, поспешила. А все потому что Лиза самое главное напоследок приберегла.

– Да как же я поеду, – захныкала она, – когда Дэн... Ну, Денис, хозяйский сын, нагнал меня на вокзале и сказал... Сказал, что если я эти деньги не верну, они потребуют их с моих родителей... А у отца полгода назад второй инфаркт был... Он... Он не переживет... А еще... Родители думают, что я в мясо-молочном техникуме учусь, а я... Они не знают, не знают...

– Еще не легче! С этого и надо было начинать! – Буркнула Марго и на меня посмотрела. А я нарочно

взгляд в сторону отвела. Мол типа, а я-то тут при чем, это ваши дела, семейные.

И как раз в этот момент из детской Стас вывалился в сопровождении Яна с Туськой и, потрясая в руках какой-то фотографией, радостно к нашей несчастной сиротке бросился.

– Вот! Вот! – заорал он. – Вот она, баба Нюся!

– Ага, это она, – подтвердила та, глотая слезы. – Еще молодая...

Я тоже от нечего делать с пожелтевшим снимком ознакомилась и увидела на нем девицу лет двадцати и парня чуть постарше. У обоих были, я бы сказала, несколько ошалелые физиономии, а на девице еще и чудная шляпка, заметно налезаящая на круглые глаза, и впрямь сильно напоминающие васильковые Лизины, хотя об их цвете по черно-белой фотографии судить, как вы догадываетесь, трудно.

– А это, – Стас ткнул пальцем в сидящего рядом с девицей в шляпке парня, – это мой покойный дед Ипполит! Смотри, Ян, какой у тебя шикарный дедушка был!

Кстати, Стаса я тоже с его покойным дедом сличила, но ничего общего между ними не нашла. Потому что, в отличие от сутулого вырожденца Стаса, его дедок представлял из себя бравого широкоплечего крепыша. И единственное, что их хоть как-то роднило, так это слегка придурковатое фамильное выражение.

Да, между прочим, пока я эти несложные физиогномические опыты проводила, Марго продолжала из себя великую мыслительницу изображать. То переносицу потрет, то щеки озабоченно надует.

– Ну что ж, – наконец изрекла она, – хочешь-не хочешь, а ситуацию как-то разруливать надо.

Хо-хо, наострила я ушки, интересно будет послушать, какие дальше рекомендации последуют.

Однако Марго замолчала, и в гостиной воцарилась тягучая пауза, периодически нарушаемая судорожными Лизиными всхлипываниями, сосредоточенным посапыванием Яна и Туськи и сочувственным поскуливанием щенка.

Ну, я подождала-подождала и высказалась со всей своей рабоче-крестьянской прямотой:

– Так пусть Стас и разруливает. Заодно на родину предков смотается. А то когда еще такая возможность представится!

– Ничего себе! – возмутился Стас, который всего лишь пять минут назад своим распрекрасным дедусей похвалялся. – Это ж триста кэмэ по железке, а потом еще семьдесят пять на перекладных!

– Ну, тогда не знаю, – развела я руками. – Денег у тебя нет, ехать к родственникам ты не желаешь... А что еще остается?

– А может... – это уже Марго дар речи обрела, – может, к Косоротову обратиться?

– Это к Мишке-то? – хмыкнула я. – Ты че, с дуба рухнула?

– А что? – Марго еще и хорохорилась. – Мы же с ним вроде как слегка подружились.

Подружились они, надо же! Ну да, было такое, приходил он к нам, чтобы с нашей, как всегда бескорыстной, помощью в деле Коли Три Губы* разобраться, и даже был непривычно вежлив, так и что с того? Да если на то пошло, то он и свои майорские звездочки не без нашего непосредственного участия получил, а где благодарности? Что-то не припомню. В отличие от гадостей. Сколько раз он только в «обезьянник» упечь меня грозился!

Но эта мне Марго, она же как начнет в одну точ-

* Речь идет о событиях, имевших место в повести «Вечность с комфортом» (авт).

ку долбить! Короче, не слезла с меня, пока не требовала обещание немедленно отправиться к Косоротову. Ясное дело, попервой я упиралась, чем только могла, а потом прикинула про себя и решила, что, глядишь, оно и к лучшему. Поскольку Мишка меня, конечно же, пошлет, Марго волей-неволей придется спустить это дело на тормозах. За неимением других вариантов.

Сразу скажу, Мишка моих ожиданий не обманул. В том смысле, что послал меня. Правда, не сразу. Сначала помариновал в коридоре под видом чрезвычайной занятости, а потом все-таки принял. И, что особенно примечательно, чуть ли не с распростертыми объятиями:

– А, Воробьева! Давненько не виделись! Как там твоя замечательная подружка поживает?

– Привет тебе передает и просит кое в чем помочь, – порадовала я его и без долгих предисловий изложила историю бедной Лизы.

Так вот, до того как я произнесла фамилию Москальца, все было туда-сюда. Во всяком случае, мой бывший одноклассник, а ныне майор милиции Мишка Косоротов меня не перебивал и типичных для него ехидных замечаний не вставлял. Но стоило мне помянуть всуе нашего ликеро-водочного короля, Мишку словно подменили.

– Стоп, Воробьева! Не части! – прикрикнул он на меня. – А от меня-то ты чего хочешь?

– Как чего? – я исправно проводила в жизнь линию, намеченную Марго. – Чтобы ты защитил бедную девушку. А то что ж получается: за работу ей не заплатили, а потом еще обвинили в краже и выставили!

– Хочешь сказать, что на нее дело заведено? – посуровел Мишка.

– Да нет, насколько я знаю, – честно признаться,

я не очень-то усердствовала в Мишкиной обработке, ибо заранее знала – это такойдохлый номер, что дохлее не бывает. – Они ей неделю на возвращение этих денег дали. Ну, хозяева...

– И все? – почесал затылок Мишка. – Тогда чего ты мне тут баки забиваешь? Пусть отдаст деньги и спит спокойно. Или она уже того, на булавки их спустила?.. Ну, тогда скиньтесь по-родственному и возместите хозяевам ущерб.

– Здорово! – присвистнула я. – А если она ничего не крада?

– А ты что, так в этом уверена? – по-ленински прищурился Мишка.

– Конечно! – выпалила я, хотя, на самом деле, зуб бы за эту Лизу не дала. По причине множества факторов, в суть которых я уже успела вас посвятить, а посему повторяться не буду. – И вообще, как же эта... М-м-м... Презумпция невиновности!

– Ой! Вот только громких слов не надо, ладно? – сморщился Мишка, как от кислого яблока. – А то нахватаются, понимаешь ли! Такие все грамотные стали! Презумпцию им подавай! Я б еще понимал, если б на вашу Лизу заявление накатали, а то так, пожурили бедняжку... Короче, Воробьева, хватит мне мозги пудрить и отнимать драгоценное время. Ты тут со своими глупостями, а у меня куча нераскрытых дел! Вот! – Шмякнул он кулаком по лежащему перед ним на столе хлипкому бумажному скоросшивателю: – Здесь у меня убийства, ограбления и изнасилования, а ты – со всякой ерундой!

– Здесь? – уныло уточнила я, покосившись на Мишкин скоросшиватель, но не разглядела на нем ничего, кроме большого жирного пятна.

– Да, здесь, – подтвердил Мишка, не моргнув глазом, и премерзко осклабился. – Кстати, Воробьева, мне вообще странно от тебя такие речи слы-

шать. Помогите, защитите... А как же ваше знаменитое детективное агентство? Что, лавочка уже прикрылась? Или великим сыщикам за подобные негромкие дела браться не с руки? Тем более что с этой клиентки, похоже, много не сдерешь. Да и породственному, поди, неудобно. Вот вы и решили свою племянку мне сбавить. Так, что ли?

– Ну... Ну Косоротов!.. – прошипела я, взбесившись по большей части из-за того, что этот поганец Мишка, походя, на мою больную мозоль наступил. Действительно, ну какой навар с этой сомнительной Лизы? Одни только лишние хлопоты. Или, того хуже, неприятности. А тут еще и солидный клиент к нам с Марго упорно не идет. Да и никакой, если честно. А все потому что наш Кондратов – дырища невиданных размеров, и народ в нем поголовно темный и малокультурный. А еще произведениями Ульяны Дунайцевой зачитывается!*

Короче, с Мишкой мы расстались не то чтобы очень тепло, скорее, даже холодно. А в довершение ко всему я уже дома крепко с Марго поцапалась. Все из-за той же бедной Лизы, будь она неладна!

– Нет, мы должны, мы просто обязаны ей помочь! Ты пойми, она же совершенно к этой сволочной жизни не приспособленная и не постоит за себя! – горячилась Марго, плотно закрыв кухонную дверь, чтобы новоявленная Стасова родственница не услышала из гостиной, какие мы по ее поводу дискуссии ведем. – Представь, что такое с твоей Туськой, когда она вырастет, случится, и всем наплевать будет.

– Ну, уж нет! – запротестовала я. – Хренушки! С моей Туськой такого не случится никогда! Потому

* Здесь и далее Ульяна Дунайцева – автор бесчисленных детективов, один из персонажей повести «Мозги и ноги» (авт).

что!.. Потому что я, как мать, о ней позабочусь и обеспечу такое светлое будущее, что ей не придется за кем-то там пылюку вытирать! Да если на то пошло, то у нее у самой горничная будет! А, может, и две!

– Ага, скажи еще, что мажордом! – подсказала мне Марго с ехидной ухмылкой.

– Мажор... кто? – насторожилась я, заподозрив подвох.

– Управляющий имением, – Марго только что пальцем у виска не покрутила. Типа, тупая ты, Люба, как печная заслонка, а потому сиди и помалкивай.

Естественно, было бы удивительно, если б я после такого утерпела и не завелась с пол-оборота:

– Конечно, куда уж нам, дубинам стоеросовым!.. Только, может, я и дура, но кое в чем кумекаю! Например, я этой твоей Лизе, чтоб ты знала, ни одной минутки не верю! Ну, чем она докажет, что не обчистила свою хозяйку?

– Тише!.. Тише ты!.. – зашикала изменившаяся в лице Марго и даже полотенцем на меня замахнулась. И это вместо того, чтобы питательным ужином меня накормить!

А я, когда голодная, злая, как хучка, а потому на этом не остановилась, и мы с Марго еще долго собачились. Пока спать не улеглись. Уже после того, как Марго пристроила нашу бедную овечку в кухне на дежурной раскладушке. Предварительно что-то на ушко ей нашептал. Заботливая четвероюродная тетушка! Ой-ой, как трогательно, сейчас заплачу!

А потом я еще полночи ворочалась и, кажется, только-только заснула, когда Марго заорала мне в ухо:

– Люба! Люба! Она сбежала!

– Кто? – застонала я, с трудом продрал глаза.

– Да Лиза, конечно. Кто же еще!

ГЛАВА 3

— А ты проверила, она ничего у нас не свистнула? — первым делом осведомилась я, высунув нос из-под одеяла.

А Марго, та сразу на меня вызверилась:

— Ты что совсем сдурела? Девчонка ушла посреди ночи неизвестно куда! Да она, наверное, слышала, что ты про нее говорила!

— Вот и хорошо! — зевнула я и повернулась к стенке. — По крайней мере, теперь она знает, что мы не такие идиотки, какими на первый взгляд кажемся.

— Да что ты плетешь? — вместо того чтобы спокойно улечься баиньки, Марго продолжала меня трясти. — Ты хоть понимаешь, в каком она сейчас положении?

— Слушай, отстанешь ты от меня, или нет? — потянула я на себя одеяло. — Я спать хочу!

— Значит, ты в состоянии сладко дрыхнуть в тот момент, когда судьба бедной девушки висит на волоске? — нависла надо мной глыбой неугомонная Марго.

— Да, я в состоянии! — рявкнула я, притом что, на самом деле сна у меня уже ни в одном глазу не было. — Еще как в состоянии!

— Что? Что такое? — выглянул из детской Стас. Просто удивительно, как это он проснулся. Его же обычно из пушки не добудишься!

— Что-что!.. — огрызнулась Марго. — Лиза куда-то ушла!

— Как? — Стас картинно за сердце схватился. Типа, совсем от горя убитый. — Почему?

— А она нам записки не оставила, — внесла я ясность в этот вопрос и, завернувшись в одеяло, отправилась на кухню. Посмотреть, что она из себя представляет после Лизиного бегства. Оно, конеч-

но, сомнительно, чтобы наша сиротка на кастрюли позарилась, но бдительность никогда не помешает. Особенно после уже известного вам случая с Сонькой. И потом, не стоит забывать про жестяную коробку из-под импортного печенья, в которой мы средства на текущие расходы храним. И которую я, между прочим, на месте не обнаружила!

– Вот! Полюбуйтесь! – скрежетнула я зубами, указав на опустевшую верхнюю полку, когда на кухню вслед за мной Марго со Стасом пришкандыбали, и еще с минуту наслаждалась их скорбно вытянутыми физиономиями.

Пока Стас близоруко в угол не уставился:

– А это что там?

– Где? – одновременно вскричали мы с Марго.

– Да вот же! – Стас наклонился и поднял с полу крышку от жестяной коробки, а за ней и саму коробку с тонюсенькой пачечкой бумажных купюр на дне.

– Кот! Это кот... З-зараза! – свалила все на нашего безответного матраса Марго, разглядев возле мойки еще и россыпь монет, и мстительно на меня посмотрела.

– А ты пересчитай! Пересчитай на всякий случай! – я не собиралась сдаваться без боя.

– И не подумаю! – назло мне заупрямилась Марго. – И так вижу, что ты против Лизы настроена и готова всех собак на нее повесить. И даже кошек!

– Ну, а как насчет закровов родины? – ревниво намекнула я на тщательно охраняемое Марго энзэ, к которому даже я доступа не имела и которое моя глубокомысленная компаньонка вознамерилась на расширение наших штатов пустить. В результате чего к нам разные менеджеры таскаются. От горшка два вершка, а уже туда же, поруководить мною мечтают.

Но Марго мне так ничего и не ответила, а вот Стас настоящую истерику закатил. С показательным заламыванием рук.

— Довели! Довели девчонку! — заметался он по кухне. — А если она что-нибудь с собой сделает? — А затем в два прыжка подскочил к вешалке в прихожей и плащ на себя натянул. Прямо поверх майки и семейных трусов.

— Так, а ты куда собрался? — всполошилась Марго.

— Куда-куда, Лизу искать! — гордо провозгласил Стас.

— Еще чего! — Марго кинулась прятать его ботинки. — А кто потом тебя искать будет?

— Но Лиза! Как же Лиза? — дал петуха Стас. — Что с ней будет?

Ну вот, а теперь полюбуйтесь на заботливого четвероюродного дядюшку, который еще вчера даже не подозревал о существовании своей любимой племянницы и ничего, как-то без нее обходился. По крайней мере, вопрос, где она шляется по ночам, его нисколько не занимал. И разве кому-то от этого было плохо?

— Все! Осточертело! — объявила я этим глубоко обеспокоенным родственником и, сграбастав со стула одежду, укрылась в ванной. И уже почти что оделась, когда Марго в дверь поскреблась:

— Эй, что ты там делаешь?

— Собираюсь, — буркнула я, натягивая через голову свитер.

— Куда? — тут же раскудахталась Марго.

— За вашей заблудшей овечкой, разумеется, — ударом ноги я так резко распахнула дверь, что Марго еле-еле успела отскочить. — Только не вздумайте меня отговаривать!

Это я так пошутила, потому что отговаривать меня, как вы, наверное, уже догадываетесь, никто и не

собирался. Я вам больше скажу, эти двое тут же на меня набросились со своими наставлениями и предположениями, где в данный момент может их драгоценная обиженная сиротка находиться.

— Сначала на вокзал! — твердили они в две луженые глотки. — Потом на автостанцию, затем в больницу...

— А потом в морг, — логически продолжила я этот ряд.

— Типун тебе! — побледнела Марго, а Стас уже второй раз за последние полчаса за сердце схватился. Ну, просто смотреть на них тошно было!

И только, чтобы не смотреть, я из дому и сорвалась. Ну и чтобы не слушать заодно. А кроме того, спать они мне все равно бы не дали. Хоть бери в другой раз и в машине ночуй. И на кой только черт я свою квартиру квартирантам сдала? Опять же по совету Марго. Сейчас бы сидела на законной жилплощади и в ус не дула. А тут срываюсь в ночь-полночь...

Ну и досталось же моей «пятере», потому что я, за неимением более подходящего объекта, все скопившееся во мне раздражение на ней выместила. Обозвала ее коровой и старой рухлядью и всего лишь за то, что она завелась не с первой попытки, а с седьмой. А разве она виновата, что я такая дура? Вместо того чтобы торговать на барахолке лифчиками, все время ищу приключений на свою худую задницу.

И подружка у меня такая же. Только еще и с принципами. К примеру, никогда не выходит из дому. И это никогда уже три года длится. С тех самых пор, как мы столкнулись с ней в коридоре детской поликлиники, когда привели к «ухо-горло-носу» наших вечно сопливых отпрысков.

Да, между прочим, кроме непрактичности и соплей, нас с Марго еще и крах в семейной жизни объединяет. С той разницей, что у меня он неприкры-

тый, а у нее — закамуфлированный. Ибо я со своим бывшим супругником Ванькой давным-давно расплевалась, в то время как она продолжает из себя заботливую женушку корчить. Правда, на расстоянии. Поскольку Стас в основном на фазенде обитает, в дачном домике, и этой маленькой притворе бедной Лизе сильно повезло, что она его по месту прописки застукала.

Кстати о Лизе. Хотела бы я знать, где ее черти носят. Хотя бы для того, чтобы довести до ее сведения, что, какой бы фокус она не задумала, со мной он не прохиляет. А заодно настоятельно порекомендовать ей оставить нас в покое. Потому что у нас и без нее проблем хватает.

Короче, вы теперь знаете, какие чувства переполняли меня на подступах к нашему кондратовскому вокзалу, куда я первым делом устремилась. Да только Лизы в нем не оказалось. И вообще народу там мало было. В основном спящие на полу бомжи. А чего вы хотите, если до Кондратова один-разъединный поезд ходит. И тот через день. Не считая пары проходящих.

В общем, я совсем уже было засобиралась перенести Лизины поиски в район автостанции, но тут мне показалось, что за вокзальным окном со стороны перрона мелькнул знакомый унылый силуэт. Но что поразительно, когда через какую-то минуту я выскочила на улицу, четвероюродной Стасовой племянницы там уже не наблюдалось. Я завертела головой, кинулась туда, сюда и вдруг увидела одиноко стоящий посреди перрона чемодан. Подбежала к нему, осмотрела со всех сторон, а затем, почуввав тревожный толчок в сердце, на цыпочках подобралась к краю перрона и заглянула вниз. Так и есть: Лиза лежала на рельсах, мечтательно уставившись в стылкое февральское небо.

* * *

– Ну и что ты там делаешь? – вкрадчивым тоном поинтересовалась я у неугомонной голубоглазой сиротинки.

– Поезд жду, – сообщила она и предприняла попытку поудобней расположиться на рельсах.

– И какой, если не секрет? – хмыкнула я.

– А без разницы, – равнодушно молвила четвероуродная Стасова племянница. – Какой первый придет...

– Ну-ну, – покачалась я с носка на пятку, – мое дело, конечно, маленькое, только я на твоём месте для начала бы все-таки с расписанием ознакомилась.

– А что? – Лиза-подлиза тревожно вытянула шею.

– А то, что ближайший поезд, к твоему сведению, только в десять утра будет, – известила я ее, зябко поежилась и подняла воротник. Февраль у нас в Кондратове обычно почти весенний месяц, но в этом году все наперекосяк. Холодьюга собачья, одна радость – снег стоял.

– Ну и плевать, – буркнула шальная Лизавета и отвернулась.

– А мне тем более, – я стала пританцовывать, чтобы немного согреться. Нет, но скажите мне на милость, с какой стати я глухой февральской ночью мерзну на кондратовском вокзале вместо того, чтобы мирно дрыхнуть на диванчике?

– Ну, так уходите, я вас не держу, – глухо вякнула с железнодорожного полотна Стасова племянница.

– А ты мне не приказывай! – рявкнула я на нее.

– А я и не приказываю! – вяло огрызнулась Лиза и снова затихла.

А я еще немного постояла и в сердцах пихнула ногой ее чемодан:

– Эй ты, униженная и оскорбленная, быстро вылезай оттуда!

На что ответа с рельсов не последовало.

– Слышала, что я сказала?! Вставай сейчас же! – меня трясло от холода и злости, а эта упертая девушка даже не шелохнулась. Совсем, типа, оглохла.

Ну ладно, первый поезд в десять пойдет, но есть же еще и товарняки, в конце-то концов!

Короче, пришлось мне тряхнуть стариной и сигануть с перрона на рельсы.

– Ну, все! Хватит вылеживаться! – пнула я эту поганку сапогом под ребро.

– Ой! Больно! – взвизгнула она.

– Ах, ей больно, оказывается! Надо же! – я наклонилась и со всем своим удовольствием заехала ей по уху. – А когда паровозом переедет, значит, не больно будет?

После этого наша сиротинка громко, в голос заревела:

– Но я не крала! Я ничего не крала! И вообще, где справедливость?

Ну, вот, еще не легче! Справедливость ей, видите ли, подавай! Среди ночи! И где только, спрашивается, слов таких нахваталась? Того и гляди, права человека приплетет!

– Ну, знаешь ли, – для острастки я заехала ей по уху еще разок, правда, уже по другому, для симметрии. – крала ты или нет, в данный момент значения не играет. Ты сейчас, главное, это... Магистраль для проезда освободи, будь любезна! Имей совесть, не отрезай Кондратов от остального мира, а то мы тут совсем одичаем.

Хотите, смейтесь, хотите, нет, но эта моя глубоко прочувствованная речь таки произвела на Лизу

должное впечатление, и немного покопошившись на рельсах, она с моей помощью взгромоздилась на перрон. А там уселась на свой чемодан и продолжила обреченное нытье:

– А что ж вы мне предлагаете? Смириться, да? И жить с клеймом воровки до конца своих дней?

Ну, я вам скажу, и повезло же нам! Это ж надо, а? Нежданно-негаданно такую идейную родственницу заполучить! В каком заповеднике ее выращивали, хотела бы я знать!

– Ну, вам, вам бы каково было, если бы вас в подобном обвинили? – пытала она меня дрожащим голосом, громко хлюпая носом.

Вот же навязалась на мою шею!

– Нет, вы скажите, скажите!.. – не унималась четвероюродная Стасова племянница, горевшая желанием открыть дискуссионный клуб прямо на перроне.

– В общем, так, – оборвала я эти бессмысленные излияния, – бери свои манатки и пошли отсюда, пока тебе последние мозги не повыдувало.

– Куда? – встрепенулась безутешная сиротка.

– Пока что к машине. – буркнула я. – Если заведется, через пятнадцать минут будем на месте, а то там твои родственники уже по потолку бегают.

С этими словами я включила свой мобильник, который тут же зазвонил, а потом, когда я поднесла его к уху, проорал запыхавшимся голосом Марго:

– Люба, почему ты не на связи? Мы тут с ума сходим!..

– Как раз потому я и не на связи, – желчно просипела я в трубку. – А что касается вашей Лизы, то очень скоро вы будете душить ее в своих объятиях. Только смотрите, от радости кишки из нее не выдавливайте!..

ГЛАВА 4

— Нет, с этим надо что-то делать, — Марго расхаживала по гостиной от елки в моих головах до своей доисторической румынской «горки» у противоположной стены. — Иначе она и правда на себя руки наложит!

Да, кстати, если кто не в курсе насчет елки, то не подумайте чего плохого. Она действительно стоит у нас в квартире. Несмотря на конец февраля по календарю. И к тому же еще и с первых чисел декабря. По щучьему велению наших с Марго отпрысков, не желающих расставаться с новогодними праздниками, прежде чем следующие не наступят. И, по опыту предыдущих лет, благополучно простоит до начала мая. Так что к тому моменту, когда мы наконец-то вынесем ее из квартиры, бывшая лесная красавица превратится в жалкий раскорячившийся «скелетик».

Бедная елка и к сегодняшнему дню почти что целиком осыпалась. И все равно я каждое утро обнаруживаю у себя в волосах колючие иголки. Поскольку, как я уже заметила, располагается эта несчастная как раз возле дивана, на котором я сплю. Вернее, пытаюсь спать, потому что удается мне это не всегда. Можно даже сказать, что в исключительно редких случаях.

А все из-за Марго, которую, хлебом не корми, только дай мною покомандовать. Вот и сейчас, когда все, включая и беглую Лизу, уютно посапывали в своих постельках, она мельтешила у меня перед глазами и трагическим шепотом мне внушала:

— Ты понимаешь, что будет, если она суицид совершит? Тогда вся тяжесть моральной ответственности на нас падет!

— А почему на нас? — недоумевала я. — В конце

концов, не мы же ее воровкой обозвали и с работы, не заплатив, выперли, а Москальцы! Так что, пусть эта тяжесть на них и падает!

— Люба! — Марго посмотрела на меня так, как будто я какую-нибудь самую святую святыню осквернила. — Ты что же, предлагаешь нам на этих бесчувственных водочных олигархов равняться?

— А чего б и нет? — отвалилась я на подушку и мечтательно вздохнула. — Они вон живут, как в «Санта-Барбаре», и в ус не дуют. На «мерсах» опять же разъезжают... А я на ржавой «пятере», которая не сегодня-завтра рассыплется.

— Боже, но не все же деньгами меряется! — сделала совершенно бездоказательное открытие Марго.

А я по ходу дела вспомнила лозунги, которые Лиза, лежа на рельсах, провозглашала, и пришла к неутешительному выводу, что неумная тяга к справедливости — это у них наследственная, передающаяся из поколения в поколение болезнь. И все они от нее в конечном итоге и вымрут. Как мамонты. В результате эволюции.

— Нет, скажи мне, скажи, — наседала на меня Марго. — Тебе, выходит, ее ничуть не жаль?

— Почему? Жаль, — подтянула я одеяло к подбородку, — но вообще-то и поспать бы уже неплохо.

Однако и в этот раз мое естественное человеческое желание, к сожалению, так и не осуществилось. Потому что Марго ни в какую не хотела униматься. Все толкала мне свои теории о высших материях и призывала к солидарности с безбашенной сироткой Лизой. А уже к рассвету и того хуже — изложила мне свой грандиозный план по Лизиному спасению. Хорошо, что еще не бизнес.

И сводился он — лучше сядьте, чтоб копчик себе не отбить — к моему внедрению в дом, из которого

склонную к суициду четвероюродную Стасову племянницу выставили за кражу.

— Ну и как ты себе это представляешь? — фыркнула я. — Внедрение, тоже мне! В качестве кого? Бедной родственницы из деревни?

— Зачем родственницы? — Марго и бровью не повела. — Всего лишь в качестве Лизы.

— Как это? — поморщилась я, выудив из своей взлохмаченной шевелюры очередную елочную иголку.

— Очень просто, — Марго повернулась ко мне своим величественным греческим профилем, — поступишь на ее место, горничной и в процессе работы выяснишь, что там у них творится.

— Да ты что! — я моментально дошла до точки кипения. — Да что бы я!.. Да что бы я за кем-то там пылюку вытирала! У тебя совсем что ли крышу снесло, раз ты такое мне предлагаешь? Нет, это ж надо, а? Чтобы я пошла в какие-то горничные!

— А что? — эта мне Марго, ну хоть бы капельку смутилась! — Не понимаю, откуда у тебя такое предубеждение. Во-первых, любой труд почетен, а во-вторых, ты же будешь, как этот... Ну, крот, одним словом!

— Какой еще крот? — отбросила я одеяло.

— Агент, работающий под прикрытием, — просветила меня Марго со свойственным ей апломбом. — Ну, знаешь, таких в разные там банды засылают или на зоны.

— О боже! — закатила я глаза, не зная, горевать мне или радоваться тому, что Марго меня всего-навсего в логово главного кондратовского буржуина откомандировывает, а не на ту же зону, к примеру. А что, с нее бы случилось.

— Вот только трагедий не надо! — продолжала усиленно обрабатывать меня Марго. — Подобные

перевоплощения входят в число профессиональных навыков любого частного сыщика. И даже самые знаменитые детективы никогда не брезговали к ним прибегнуть ради раскрытия преступления.

– Так то ж преступления! – воскликнула я. – А у нас неизвестно что! В конце концов, может, эта твоя Лиза тайная клептоманка, – перешла я на шепот, чтобы сопящая на кухне носом Стасова племянница не вздумала вдругорядь поменять раскладушку на рельсы. – И потом... Где гарантия, что ее не перли из горничных специально заради того, чтобы денежки не платить. Тем более, что Москальцы ее с испытательным сроком нанимали. А я как последняя дура буду веником махать!

– И вовсе не как последняя, – утешила меня Марго. – К тому же, что там на самом деле произошло и какая у всего этого дела подоплека, ты как раз на месте и разберешься!

– Хорошо, пусть так, – произнесла я хриплым голосом. – Но кто в таком случае оплатит мне мои профессиональные кротовые подвиги? Неужто Лиза? Из своих скромных накоплений.

– Так я и знала! – самым коренным образом изменилась в лице Марго. – Какая же ты все-таки меркантильная! Просто ужас!

– Ага, летящий на крыльях ночи! – радостно подхватила я. – Только учти, задарма я вкалывать не буду!

После такого моего ультиматума Марго взяла минуту на обдумывание, пощелкала костяшками пальцев и изрекла:

– Ну что ж, тогда я оплачу тебе твои услуги.

– Из моих же кровных, разумеется? – тут же откликнулась я, имея в виду те, совместно заработанные нами средства, которые Марго узурпировала под видом накопления начального капи-

тала. Якобы с целью их последующего использования для расширения нашего детективного дела. А в действительности – на всяких там сомнительных менеджеров, вроде того, что буквально вчера к нам приволакивался со своими бизнес-проектами.

– Нет, из своей доли, – сквозь зубы процедила Марго и залилась багровой краской.

– А, ну тогда другое дело, – посмотрела я в потолок, прикидывая, на сколько эта самая доля может в у.е. потянуть. – По крайней мере, есть о чем на досуге подумать.

– Еще она думать будет! – разъярилась Марго, потрясенная моей черной неблагодарностью. И вдруг оборвала свой обличительный спич на полуслове и прислушалась.

Я последовала ее примеру и тоже ушки топориком сделала. Уж больно подозрительные звуки с кухни доносились. Черт, а если эта шизонутая сиротинка уже на люстре болтается, а мы тут распинаемся? И зачем я ее только, спрашивается, с вокзала приперла? Да останься она на рельсах, нам бы, во всяком случае, не пришлось бы ее сейчас из петли вынимать!

И мы с Марго, не стовариваясь и буквально сбивая друг дружку с ног, ринулись на кухню. Где и застали совершенно неожиданную картину. Лиза-то, оказывается, не под потолком раскачивалась, а кастрюлю в раковине драила!

– Вот, – стеснительно улыбнулась она, узрев нас в дверях с перекошенными физиономиями и языками на плечах, – решила тут у вас немножко прибраться. Если вы не против...

– Лично я – нет, – покосилась я на Марго и без сил на свой законный табурет между столом и вечно дребезжащим холодильником рухнула.

А Марго, та по стенке сползла и торжественно на пол опустилась, вытянув ноги перед собой.

* * *

А теперь перенесемся на проспект Демократов, бывший Коммунаров, на котором у нас в Кондратове основная политическая и деловая жизнь сосредоточена. Ну, там администрация, как водится, а также банки с обменниками и куча всяческих контор и конторок. Типа, этой... Уолл-стрит, короче. Да тут же, между прочим, и мой родной дом располагается, выходящий окнами на центральную площадь, одним боком упирающуюся в наш главный отель «Кондратов», а другим – в главную же городскую барахолку.

Но в своей двухкомнатной «сталинке» я уже давно не живу. А все из-за евроремонта, который усилиями житомирского гастарбайтера Миколы Перевертайло, протекал почти два года и чуть ли не плавно в следующий перешел. Правда, в этот раз уже мой сосед сверху расстарался. А вернее, тот гад, что его уколошил и в ванне утопил, а кран закрутить не удосужился.* После чего мое жилище выглядит намного хуже, чем до евроремонта. Паркет вздыбился, навесные потолки покорежились и пожелтели, обои лохмотьями повисли. Плитка в ванной и та отвалилась. Спасибо, хоть триумфальные арки устояли.

Впрочем, чего это я от основной темы-то отклонилась? Оно, конечно, понятно – все-таки о наболевшем речь зашла – но вам-то, поди, не терпится узнать, за каким дьяволом я с нашей с Марго шес-

* Речь идет о событиях, имевших место в повести «Вечность с комфортом» (авт).

тиметровой кухни на проспект Демократов переместилась.

Так вот, объясняю, это Марго мне в очередной раз руки выкрутила и послала в агентство «Все для вас», чтобы в горничные к обиравшим нашу бедную Лизу Москальцам наниматься. А это самое агентство как раз таки на проспекте Демократов находится. В особнячке, не скажу, в каком стиле, зато скажу, чего в нем раньше, при коммунарах было. Баня! Я, как сейчас помню, туда в детстве с бабушкой ходила. Там еще такая мраморная лестница – зашибись!

Ну вот, а теперь свежеевыкрашенный фасад бывшей бани весь вывесками облеплен. Тут тебе и Кондратовское отделение партии «Прогрессивная Россия», и «ООО «Супер-Ультра»», и «Дом моды Вени Лапотника», и охранный предприятие «Бронекорсет», и, надеюсь, неизвестное вам уже «УМ-РУ», что как Унитарное Муниципальное Ритуальное Управление расшифровывается... Словом, я чуть глаза себе не сломала, пока нужную мне вывеску углядела. Тем более что табличка «Агентство «Все для вас», помощь для дома и офиса» довольно скромно на отшибе притулилась.

Убедившись, что мне сюда, я толкнула тяжелую дверь и увидела ту самую величественную мраморную лестницу, которая так запала мне в душу, и бесчисленное множество с деловитым видом снующих по ней клерков и менеджеров.

– Э-э-э... Не подскажете, где здесь агентство «Все для вас»? – ухватила я за рукав ближайшего из них.

– В парилке, – буркнул он на ходу.

– Где-где? – открыла я рот.

– Второй этаж, офис 217, – не оборачиваясь, пояснил «белый воротничок» и усвистал вдаль.

Я пожала плечами и поднялась по мраморной лестнице наверх. Прошла по длинному кишкообраз-

ному коридору, обескураженно соображая, куда это подевался громадный помывочный зал со скользкими мраморными скамьями и мятыми тазами из нержавеющей стали, прежде чем наконец уткнулась в слегка перекошенную дверь с пришпиленной кнопками бумажкой «Офис 217, Агентство «Все для вас»..

Зато во внутреннем убранстве «офиса 217» до сих пор сохранились отдельные, напоминающие о его прежнем предназначении детали. И в первую очередь деревянные полаты вдоль стен, лежа на которых энтузиасты-завсегдатаи парилки хлестали друг дружку березовыми вениками. Ныне же на месте завсегдатаев валялись пожелтевшие кипы перевязанных веревками бумаг да пылились морально устаревшие пишущие машинки, повсеместно замененные на компьютеры.

Впрочем, как раз компьютера в парилке не наблюдалось. Поскольку помимо полатей и подслеповатого окошка, в ней были только стол, пара стульев да тетка в перманенте.

– Вы наниматься? – сразу взяла быка за рога офисная тетка и раскрыла лежащий перед ней гротеск. – Кем? Домработницей? Гувернанткой?..

– Горничной, – не стала я ее томить.

– А рекомендации у вас есть? – пытливым воззрением она на меня.

– А у вас? – отфутболила я ей ее же вопрос, задумчивым взором окидывая непрезентабельно облупившиеся стены бывшей парилки.

– Гм-гм... То есть... – опешила было тетка, но быстро очухалась и бойко отбарабанила как по писанному и про то, что они «уже десять лет на рынке услуг», и про то, что у них «большая база данных». Чего именно, правда, не уточнила.

Я, равнодушно кивая, выслушала эту муру, после чего удовлетворенно констатировала:

– Значит, я вам не подхожу.

Почему удовлетворенно, спросите вы. А потому что, полученный в этом парильном агентстве от ворот поворот меня бы больше чем устроил. Тогда бы я отпрапортовала Марго, что в горничные меня не взяли, и, глядишь, она бы с меня слезла. Со своей склонной к суициду Лизой-подлизой.

Однако офисная тетка давать мне вожделенный отлуп почему-то не торопилась.

– Ну-у, зачем же так сразу... – заерзала она на стуле, – рекомендации, конечно, желательны, но что делать, раз их нет... Просто вы должны понимать, что в случае их отсутствия на агентство дополнительные обязательства налагаются. Поскольку мы должны за вас перед клиентом поручиться. А то, знаете ли, всякие случаи бывают, а наша репутация страдает...

– Да, и какие же, интересно? – подняла я брови, втайне надеясь услышать Лизину историю в новой интерпретации.

– Разные, – уклончиво ответила тетка и пододвинула мне какой-то листок. – Вот, заполните пока анкету.

– А это еще зачем? – насторожилась я.

– Как зачем? – тетка сложила губы бантиком. – Для базы данных. И еще... – Стрельнула она в меня вороватыми глазками. – Вы должны будете заплатить нам в кассу по таксе...

– По какой еще таксе? – сурово набычилась я.

– Так ведь за подбор клиента. Мы же, как агентство...

Кажется, у офисной тетки на этот счет была целая речь заготовлена, но я ее слушать не стала, процедила сквозь зубы: «Не больно-то и хотелось» и, толкнув плечом хлипкую дверь бывшей парилки, решительно покинула агентство «Все для вас», ко-

торое следовало бы в «Рабыню Изауру» переименовать. Однако когда я уже в направлении мраморной лестницы шаг печатала, по коридору пронесся крик:

– Женщина! Женщина! Да куда же вы? Подождите!

Я недовольно обернулась и увидела все ту же тетку в перманенте, по пояс высунувшуюся из дверей своего парильного офиса.

– Вернитесь! Да вернитесь же вы! – замахала она руками.

Я нехотя потопала обратно, подошла к ней и выдохнула:

– Ну?..

– Минуточку... – она снова меня в свою парилку заманила и, подхватив лежащую на столе телефонную трубку, ванильным голоском прощебетала: Да-да, Анна Трофимовна, это опять я... Конечно-конечно, у нас найдется подходящая кандидатура для вас... Можете не сомневаться, я вам самую лучшую подберу... Что, уже завтра?.. Хорошо, будет завтра... До свиданья, до свидания... – Тетка положила трубку на рычаг и на меня уставилась: – В общем, так. Считайте, что вам сильно повезло. В дом директора ликеро-водочного завода как раз горничная требуется. Это очень, очень хороший вариант. Хозяева – исключительно интеллигентные и уважаемые люди! – трещала она без умолку.

– А как насчет оплаты по таксе? – бесцеремонно оборвала я ее на полуслове.

– А...Мы вас от нее освобождаем, – быстро сориентировалась тетка и, заглянув в свой пыльный гроссбух, тожественно объявила: – Как тысячную посетительницу.

– И, конечно же, только за один сегодняшний день? – ядовито уточнила я с тяжелым сердцем.

ГЛАВА 5

— Вот видишь, как все удачно складывается, — довольно потирала руки Марго, — Как я и предполагала, они выгнали Лизу и тут же стали себе новую горничную подыскивать...

— Ага, очень удачно, — огрызнулась я, вяло помещивая чай в чашке. — Просто удачнее некуда! А что я там делать буду? В этом вражеском логове!

— Ничего, Лиза тебя проконсультирует, — ободрила меня Марго и вызвала из гостиной нашу приبلудную сиротинку.

Та явилась по первому зову и скромно застыла в дверях. Ну, прямо, чего изволите какое-то! Чего не скажешь о наших с Марго отпрысках, прискакавших вслед за ней и тут же на ней гроздьями повисших. Нашли, понимаешь, себе очередную живую игрушку! А впрочем, нет худа без добра. По крайней мере, кот с щенком целее будут. А то эти юные натуралисты их совсем замордовали.

— А скажи-ка нам, Лиза, — Марго кивком головы пригласила четвероюродную Стасову племянницу занять единственно остающееся свободным почетное место у мойки, — какие функции в твои обязанности горничной входили?

— Функции? — обвешанная нашими неугомонными чадами Лиза с трудом протиснулась в кухню. — Да обыкновенные... В основном уборка. Ну, пылесосить там, постели убирать, зеркала вытирать... В общем, все по дому... — С этими словами она придиричивым взглядом обвела нашу микроскопическую кухню, кстати сказать, между прочим, подозрительно блиставшую чистотой, с тех пор как в Лизе скоропостижные родственные чувства открылись.

— З-замечательно! — сложила я руки на груди и, закатив глаза к потолку, попыталась представить

себя в почтительном полупоклоне с тряпкой в одной руке и шваброй в другой. А после того, как из этой затеи так ничего и не вышло, приложила массу усилий к тому, чтобы Марго в той же позе вообразить. Получилось еще хуже, потому что Марго, которая, конечно, плохо-хорошо, но готовит, да и то, если честно, все больше морковными котлетками отделаться норовит, во всех прочих домашних хлопотах не сильна.

– Так-так... – мое демонстративное недовольство Марго столь же демонстративно проигнорировала, целиком на Лизе сосредоточившись, – ну а жила ты где? Там же, у них?

– Ага, – кивнула Лиза, – с тетей Тоней. Ну, поварихой ихней.

– А у них еще и повариха имеется? – мы с Марго переглянулись.

– Конечно, – Лизу нас вопрос не смутил, – а еще охранник и...

– ...Мажордом! – подсказала я.

– А кто это? – в этот раз Лиза растерялась, но самую малость.

– А это управляющий имением, – просветила я ее с едкой ухмылкой.

– Нет, вот чего нет, того нет, – озабоченно покачала головой Лиза, – есть только Анна Трофимовна.

– А это что еще за птица? – я вспомнила, что то же имя и тетка из парильного офиса называла, когда по телефону рассусоливала.

– Ну... – Лиза наморщила свой чистый лобик, – Анна Трофимовна, она почти как член семьи у них. Сначала за детьми присматривала. А сейчас они все взрослые, и она... За порядком в доме следит... Всегда знает, что где лежит... Ну и мне всегда говорила, чего прибрать, а потом проверяла... Вообще-то, она

очень такая, ну строгая короче, но мы с ней, ничего ладили. А вот тетя Тоня, повариха, терпеть ее не может и за глаза зовет Банным Листом.

— А что, Банный Лист — это неплохо, — оценила поварихино чувство юмора Марго и с глубокомысленным видом потерла едва заметную горбинку на своем греческом носу. — Ну что ж, с холопами более-менее разобрались, теперь к барам перейдем... Гм-гм, а что ты про хозяйку нам скажешь?

— Это про Викторию Васильевну? — имя обидчицы привело нашу сиротинку в уныние. — А что про нее сказать? Характер у нее не дай боже. А если ее еще Кирка накрутит, то вообще держись...

— М-м-м... А Кирка что за персонаж? — сразу заинтересовалась Марго.

— А Кирка — это ее подружка, — буркнула Лиза, — они вместе худеют. Ну, в том смысле, что Кирка Вике все время таблетки какие-то специальные таскает. Очень дорогие. Вот... А вчера она должна была вроде бы особенные принести, которые ей из-за границы привезли... Вика приготовила ей деньги, и как раз они и пропали... — В незабудковых Лизиних глазках, как и накануне, слезы заблестели.

— Ну-ну... Не расстраивайся, — не в меру сердобольная Марго погладила Лизу по плечу. — Подумай лучше, кто бы мог эти деньги взять?

— Не знаю! Не знаю! — бедная Лиза затряслась в рыданиях, к которым немедленно присоединились проникшиеся к ней состраданием Ян с Туськой. А уже минуту спустя к этому душещипательному трио и лежащий в прихожей под вешалкой щенок присоединился. В качестве аккомпанемента.

А видели б вы Марго! Лично у меня такое впечатление было, что она вот-вот им всем компанию составит. Слава Богу, обошлось. Давиться соплями она не стала, ограничилась тем, что приняла

Лизу в свои почти материнские объятия и очень долго утешала. Ну, просто глаза б мои на это не смотрели!

– Не плачь, не плачь, девочка. Не стоят они твоих страданий, – просюсюкала Марго, когда Лиза стала хлюпать носом с чуть меньшей интенсивностью. – Постарайся сосредоточиться, это важно.

– По... Постараюсь... – послушно проблеяла Лиза.

– Вот и славно, – похвалила ее добрая тетя Марго. – Давай-ка, теперь о других членах семейства поговорим. Например, о хозяине.

– А что хозяин? – судорожно вздохнула Лиза. – Его дома почти что и не бывает. Обедает и то на заводе. Я его за все время раза три и видела... Так что всем в доме Вика заправляет. А точнее, Кирка. Потому что Вика ее слушает, чего она ни скажет. А та с утра до ночи твердит, что Вике нужно себя в форме держать, чтобы Москалец ее не бросил. А этого Вика ужас как боится. Тем более что он на ней вторым браком женат... Или третьим, я точно не знаю...

– Ха! Кто бы сомневался! – фыркнула я. – Все уважающие себя денежные мешки меняют старых жен на молодых! А то и на двух сразу!

– Ну вот, – печально продолжила свою исповедь Лиза, – а Вика она вообще склонная к полноте, а потому переживает. А, главное, никакие таблетки ей не помогают... Потому она и бесится, боится, что Аркадий Петрович себе кого постройнее подыщет... А тут еще его дочь, ну Инна Аркадьевна, все время масла в огонь подливает. Прямо в открытую советует ей особенно к красивой-то жизни не привыкать, поскольку, дескать, долго она не протянется...

– А что, дочка тоже с ними живет? – перебила ее Марго.

— Ага, живет, — кивнула Лиза. — А тут еще, как нарочно, такое дело... В общем, не знаю, как точно назвать это мероприятие... Короче, Москалец задумал поставить памятник этой... Прекрасной княжне, что ли...

— Не прекрасной, а гордой, — поправила я эту сестрость и с большим удовольствием тоном строгой учительницы отчитала: — Между прочим, стыдно таких элементарных вещей не знать!

А что нет, скажете? Да о нашей Гордой Княжне легенды слагаются и из уст в уста передаются! Спроси любого первоклашку, который еще таблицу умножения не вызубрил, и он не задумываясь отrapтует, что Гордая Княжна — это дочка древнего кондратовского правителя, которая отвергла то ли хазарского, то ли половецкого хана, а потом в знак протеста в Беглянке утопилась. Кажется, то ли в десятом, то ли двенадцатом веке, не помню. Но, что нашей эры, это точно.

Кстати, об этом можно б было и у Марго спроситься, как у дипломированного историка, но что-то неохота. Проще на бутылке прочитать. Потому что «Гордая княжна» — это, как вам, наверняка, уже известно, еще и главный кондратовский торговый брэнд. А именно — одноименная водка, на этикетке которой трагическая история древней княжны изложена во всех подробностях. А также изображена на картинке. В виде краснощекой девицы в русском сарафане, монументально застывшей на краю высокой кручи.

— ...Ну, хорошо, пусть гордой, — виновато потупилась Лиза, выслушав мое справедливое замечание, а Марго, вместо того, чтобы поддержать меня в моем патриотическом порыве, зашипела, что в данный момент это такого уж большого значения не имеет.

– Так вот... – продолжила, чуть осмелев, Лиза, – как раз этой княжне и собираются памятник ставить. Ну и вроде как конкурс специальный для местных девушек объявили, чтобы выбрать лучшую. Ту, с которой его будут... Ну, как это... Лепить, что ли...

– Не фига себе! – присвистнула я.

Марго укоризненно на меня посмотрела. Мол, сбиваешь Лизу с мысли. А я специально разве? Просто не каждый же день у нас в Кондратове такие дела творятся. Памятник гордой княжне, это ж надо, а? Надеюсь, она, по крайней мере, не с бутылкой в руках будет?

Что касается Лизы, то она не подымая головы добавила:

– А Москалец, он... Он жюри этого конкурса возглавляет. Потому-то хозяйка, ну Вика, и бесится.

– Понятно, – задумчиво молвила Марго, а я многозначительно хмыкнула. Уж куда понятней-то!

Затем Марго прочими домочадцами поинтересовалась и получила в ответ довольно подробную справку.

Выяснилось, что в богатом дворце ликеро-водочного олигарха помимо него самого, его снедаемой ревностью молодой супруги Виктории Васильевны, великовозрастной дочери Инны, домоправительницы Анны Трофимовны и поварихи Антонины, проживают муж Инны Олег и ее младший брат Денис. Последний, правда, наездами, поскольку учится в Москве. Что, однако, не помешало ему стать чуть ли не главным Лизиним гонителем. Поскольку именно он, угрожая нашей сиротке немыслимыми карами, потребовал, чтоб она вернула пропавшие у его мачехи деньги. Которые Лиза, по ее словам, не брала, а там пойдй проверь. Впрочем, как раз таки заняться этим мне и пред-

стояло. Путем внедрения в логово олигарха под видом горничной.

А потому мне волей-неволей пришлось прислушиваться к Лизиным рассказам об обитателях дома, из которого ее накануне выперли.

— ...Ну, Олег, он ничего, веселый, общительный, — по просьбе Марго на муженьке Инны Москалец Лиза отдельно остановилась. — Никогда не придирается. Опять же, когда дома бывает. Потому что он же тоже на ликеро-водочном какая-то шишка, а потому из командировок не вылезает. А как они между собой ладят, без понятия. Чтоб ругались, никогда не видела. Но, вообще-то, пара они, конечно, мягко выражаясь, странная. Инна она... Одним словом, невзрачная. И немного прихрамывает на левую ногу... Или на правую... Но не важно... А Олег, он красавец и, по моему, моложе ее... Теть Тоня, ну повариха, та считает, что он на Инку только из-за денег ее позарился. И еще она думает, что он от Инки... Погуливает, короче...

— Да уж, веселенькое семейство! — крикнула я.

А Марго уточнила, всех ли из живущих в доме Лиза перечислила.

— Практически да, — подтвердила Лиза. — А про Алика я вам уже говорила ... Ну, это сторож-охранник... Он хороший парень, в Чечне служил. А еще я немножко знаю Сергея. Он при Аркадии Петровице личный телохранитель...

— И это не считая службы безопасности на самом ликеро-водочном! — добавила я. И, чтоб вы знали, не наобум лазаря ляпнула, поскольку с этой самой службой мне уже приходилось сталкиваться при самых драматических для меня обстоятельствах. Больше скажу, не подоспей они тогда вовремя, вы бы сейчас этим моим повествованием не зачитыва-

лись, потому как некие медицинские злодеи меня бы точно на эксперименты пустили.*

— Ага, и служба тоже, — поддакнула Лиза, — ну и еще Макарыч. Это шофер. Он специально к дому приставлен, чтобы возить хозяйку за покупками ну и так далее. Нормальный дядька, веселый... Вот.. А теперь, кажется, я обо всех рассказала... Да, иногда еще Лариса, это тетя Тонина дочка, к ней заходит, но редко.

— Так что же она, эта дочка, получается, без матери растет? — озаботилась судьбой какой-то чужой дочки наша не в меру участливая Марго.

— А она не одна, а с бабкой, а по пятницам у Антонины всегда выходной, — Лиза, как выяснилось, была посвящена во все подробности поварихиной жизни. — И потом, Лариска уже вполне взрослая, в мясо-молочном техникуме учится.

— Ну что ж, картина более-менее ясная, — подвела баланс Марго, когда сиротинка наконец замолчала, и многозначительно на меня посмотрела. — Ну вот, Люба, теперь ты со всеми, с кем тебе завтра столкнуться придется, заочно познакомилась.

Сто лет бы с такими не сталкиваться, тоскливо подумала я.

* * *

А уже завтра в десять ноль-ноль я как штык была, где бы вы думали? — А на Заречной. В самом что ни на есть буржуинском месте. На живописном и экологически чистом берегу речки Беглянки. Неподалеку, кстати, и небезызвестная вам Стасова ферма располагается. Правда, ниже по течению.

* Речь идет о событиях, имевших место в повести «Мозги и ноги» (авт).

А потому с экологией там уже не фонтан. Почему, спросите вы? А потому что в соответствии с законами природы вся буржуинская канализация вниз по Беглянке сплавляется.

Впрочем, ближе к делу. Итак, ровно в девять я нажала на торчащую из калитки обнесенных высокой глухой стеной владений ликеро-водочного олигарха кнопку переговорного устройства.

– Кто вы? – строго спросил меня невидимый молодой басок.

– Э... – признаться, я несколько растерялась, – я новая горничная... Из агентства «Ра...», то есть, «Все для вас»...

– Минутку, – сказал молодой басок и отключился. Наверное, с хозяйкой связывался.

– Ну вот, стой тут еще, как бедная родственница, – пробурчала я, переминаясь с ноги на ногу.

В этот момент калитка, звонко лязгнув, отошла вовнутрь, а из динамика снова сочный молодой басок донесся:

– Проходите.

Я прошла и очутилась на небольшой заасфальтированной площадке, представлявшей из себя что-то вроде тамбура между внешней глухой стеной и металлической оградой, за которой просматривался «господский» дом с прилегающей к нему территорией.

А пока я соображала что к чему, из маленького, уместившегося сбоку кирпичного домика вышел молодой парень и распахнул передо мной калитку теперь уже внутренней ограды.

– Вам туда! – махнул он рукой в сторону трехэтажных хозяйских хором и снова скрылся в маленьком домике.

Наверное, это Алик, сообразила я и потопала в указанном им направлении. Не слишком торопясь,

чтобы побольше рассмотреть, а потом уже, как водится, с вами впечатлениями поделиться.

Так вот, докладываю. Лично у меня от увиденной картины дух перехватило. Такая там была красота. Ну, прямо помесь дендрария с музеем под открытым небом. Одного Ниагарского водопада и не хватало. С Эйфелевой башней. И нечего удивляться, что молодая хозяйка себя заморскими таблетками травит, лишь бы подольше подобную картину из окна созерцать!

Ну, а уж внутреннее убранство дворца кондратовского ликеро-водочного короля я даже и описывать не берусь по причине отсутствия подходящих слов в лексиконе. А то еще обзову чего-нибудь не так, вы же первые меня и засмеете. Мол, темная какая. Скажу только, что больше всего прочего меня тамошняя лестница поразила. Поскольку она была точь-в-точь такая же монументальная, как и та, что в бывшей бане на бывшем проспекте Коммунаров, а ныне Демократов!

И как раз по этой самой лестнице мне и пришлось протопать в сопровождении хмурой дылды-домоправительницы, прежде чем на аудиенцию к младой ликеро-водочной королеве попасть. Которая, надо отметить, приняла меня не в тронном зале, а в тренажерном. Уж такие они нынешние королевы демократичные.

Итак, королева Виктория предстала передо мной скромно крутящей педали тренажера в черном, обтягивающем крутые ляжки трико и мокрым от пота топе. И сразу скажу, активно мне не понравилась. И не потому что и впрямь корова коровой была, а по той причине, что, мягко выражаясь, не вызывала во мне симпатий и прежде. Когда, будучи еще простой и незамысловатой парикмахершей, она в салоне «Мимоза» ножницами орудовала. И

так меня однажды оболванила, что я на всю жизнь ее запомнила.

А вот она меня – нет. Судя по равнодушному взгляду, которым она меня удостоила. Что, наверное, и неудивительно. Да вы сами-то посудите, где ж ей всех, кого она изуродовала, упомнить?

ГЛАВА 6

Ну, теперь-то вам, надеюсь, понятно, почему у меня к этой разкоровевшей королеве сразу классовое чувство вскипело. Которое только усугубилось после того, как она, не удостоив меня и кивком головы, небрежно осведомилась у стоящей за моей спиной хмурой дылды-домоправительницы по прозвищу Банный Лист:

– Так эту, что ли, из агентства прислали?

– Ее, – сухо ответствовала Банный Лист.

– Рекомендации есть? – эта корова на тренажере посмотрела на меня, как на пустое место. – А впрочем, чего они стоят... Здесь же, кроме нашего, и домов-то приличных нет!

Вы и представить себе не можете, чего мне стоило удержаться от соблазна и не отпустить какой-нибудь комментарий по поводу услышанного. Небольшой, но емкий. Максимум из трех слов.

А эта зазнавшаяся парикмахерша, вместо того чтобы успокоиться на достигнутом, взяла и присовокупила к вышесказанному еще одну фразочку, от которой у меня не только что язык, но и кулаки зачесались:

– Ладно, будем надеяться, что хоть эта воровать не будет!

После чего заработала педалями в ускоренном темпе.

Такого я, конечно, стерпеть не могла и уже открыла рот, чтоб достойно ответить, да тут эта дылда-домоправительница подроспела. Вцепилась мне в руку и выволокла из спортивных королевских покоев.

– Не стоит обижаться, – сухо обронила она уже за дверью, – просто у нас тут неприятные случаи были.

– Ха! – зарычала я, как рысь. – У них тут, понимаешь, случаи, а я крайняя! А мне, между прочим, фирма интеллигентных хозяев гарантировала!

– Неужели? – дылда окинула меня коротким, но очень пронзительным взглядом, от которого у меня где-то в районе мозжечка ощутимый холодок возник.

Но, замечу в скобках, я ее тоже без внимания не оставила. Изучила, так сказать, по мере возможности. И не нашла в ней ничего такого, что могло бы вызвать острое желание познакомиться с ней поближе. Типичнейшая гримза с подозрительным взглядом из-под угрюмо нависших бровей. Знаю я эту породу. Доводилось уже на узкой тропинке с ее отдельными представителями сталкиваться. Все ноги мне оттоптали, пока научилась их за версту чутать и двадцатой дорогой обегать. Вот только эту, к сожалению, не обежишь!

– Ладно, перейдем к делу, – заявила домоправительница после непродолжительной паузы, видимо, понадобившейся ей, чтобы тоже кой-какие выводы на мой счет сделать. Подозреваю, что неутешительные. – Для начала, меня зовут Анна Трофимовна.

– А меня Любовь Васильевна, – я намеренно сделала ударение на отчестве. Очень мне надо, чтоб меня здесь какой-нибудь Любаней кликали. И вообще, пусть заранее знают, что я им не сенная девка Палашка!

– Как пожелаете, – на тонких губах Банного Листа промелькнула ироническая усмешка. – Тогда, Любовь Васильевна, я вам сейчас вашу униформу выдам. Ну а потом покажу, где вы будете спать, и ознакомлю с фронтом работы. Да, заранее предупреждаю, условия у нас одинаковые для всех. Испытательный срок три месяца и один выходной в неделю. Причем, по скользящему графику. Ну, пойдемте, пойдемте со мной, – и стала по лестнице спускаться.

– А испытательный срок – это как? – прикинулась я дуручкой, хотя уже знала, что испытательный срок – это просто грабеж среди бела дня. Уж больно мне было интересно, какую лапшу она мне на уши повесит.

– Да очень просто, – Банный Лист на короткое мгновение на нижней ступеньке замерла. – В течение этих трех месяцев вы должны будете доказать, что подходите нам. И когда вы это докажете, мы зачислим вас в постоянный штат с соответствующим денежным вознаграждением.

Да, изящно же она выразилась, ничего не скажешь! Вот уж действительно, комар носа не подточит! Но я-то, слава те Господи, не бессловесное насекомое, а потому все-таки попыталась получить более подробные разъяснения. Например, о размерах «соответствующего вознаграждения», аргументировав свой законный интерес тем, что прежде чем я начну доказывать хозяевам, что я им подхожу, им бы тоже не помешало мне то же самое доказать.

Не могу сказать, чтобы моя любознательность застала Банный Лист врасплох, но удовольствия уж точно не вызвала.

– Не волнуйтесь, вам здесь будут платить очень достойную сумму. Особенно по кондратовским меркам, – отчеканила она и, резко повернувшись на

каблуках, углубилась в какие-то сокровенные уголки королевского дворца, в тыльной части которого имелись бесчисленные потайные дверцы. А за ними – столь же бесчисленные швабры, ведра и тряпки, вид которых угнетающе подействовал на мою тонкую и ранимую психику.

А уже после инвентаря дошла очередь и до униформы. Будь она неладна!

– Вот, можете сразу переодеться, – продемонстрировала мне Крокодил висящие в одной из подсобок на плечиках глухое синее платье и белый передник, вроде того, что я в школьные годы чудесные носила. – Оно вам подойдет.

– А что... Без этого никак нельзя? – с тоской уставилась я на дурацкий прикид.

– Нет, нельзя, – тут же последовал короткий и, как всегда, совершенно безапелляционный ответ.

Тогда я плюнула на предрассудки и, пока Банный Лист дожидалась меня за дверью, напялила на себя это форменное уродство.

– Отлично, – оценила мой внешний вид Банный Лист, придирчиво осмотрев меня с ног до головы, – только постарайтесь быть поаккуратнее. Фартук все-таки белый.

– Вот именно! – хмыкнула я. – Это ж кому только такое в голову пришло, чтобы унитазы в таком наряде драить!

– Хозяйке, – спокойно молвила в ответ Банный Лист.

Так я и думала. А чего еще от этой бывшей парикмахерши ожидать? Насмотрелась, небось, мыльных сериалов!

Ну а уж после того, как я переоблачилась, Банный Лист мне бесплатную экскурсию по дому устроила, чтоб, значит, фронт работы показать. Так вот, пока мы только все обошли, у меня ноги отва-

лились. А теперь представьте, что со мной будет, если я тут со шваброй, как они надеются, побегаю? Да мне же уже на второй день инвалидность оформлять придется!

* * *

— Что ж, а теперь можете приступать, — заявила Банный Лист, когда мы снова в исходной точке очутились.

— К чему? — опешила я.

— К своим непосредственным обязанностям, — не моргнула глазом Банный Лист.

— А... А как же?.. — я вовремя вспомнила про свои захваченные из дому пожитки. — А вещи мне куда девать?

— Ах да, — Банный Лист слегка поморщилась, — я же вам вашу комнату не показала. — И снова повела меня в район подсобок, который я мысленно Гарлемом окрестила.

— Это здесь, — толкнула она дальнюю дверь, — здесь вы будете ночевать. Комната, как видите, просторная и рассчитана на двоих. Вы будете делить ее с Антониной Леонтьевной, нашим поваром. Да, вон та кровать, у окна, ее, а вы занимайте свободную. В общем, располагайтесь. А через пятнадцать минут я за вами зайду.

Расщедрилась, можно сказать. Целых пятнадцать минут, чтобы как следует на новом месте осмотреться!

Хотя, если честно, разглядывать там особенно и нечего было. Обстановка, почти как в казарме. Две кровати — одна у окна, другая сбоку от двери — две тумбочки, два стула. Да еще шкаф у стенки, ну, такой старорежимный полированный, с перекошенными дверцами. Куда я и зашвырнула свою сумку,

попутно отметив, что гардероб моей соседки по скромному жилищу всего-то платьем да кофтой представлен. А также стоптанными шлепанцами под кроватью.

А больше о поварихе Антонине в этой казенной комнате ничего не напоминало. Хотя нет. Имелась еще фотография какой-то лупоглазой девицы на тумбочке возле поварихиной кровати. Да патрончик дешевой губнушки на подоконнике.

Что касается вида из окна, то он меня не вдохновил. Поскольку выходило оно на задний двор с гаражами и прочими хозяйственными постройками. Короче, Гарлем он и в Кондратове Гарлем. Не поверите, но мне даже как будто свою предшественницу Лизу немного жалко стало. А может, во мне классовая солидарность с нею проснулась? Короче, называйте, как хотите, но в шкуре горничной не больно-то уютно.

И так мне вдруг, доложу я вам, взгрустнулось, что словами не передать. В общем, села я на кровать, на которой мне будущую ночь коротать предстояло, и стала тосковать по всем по очереди, начиная с Туськи и кончая котом-матрасом. Того гляди, и всплакнула бы, не сбей меня с настроения зазвонивший в моей засунутой в шкаф сумке телефон.

Конечно же, это была Марго. Интересовалась моей кротовой участью.

Ну, я вкратце ей все изложила. Про «теплый» прием бывшей парикмахерши, про Банный Лист и про каторгу, на которую она, Марго, меня ради своей сомнительной племянницы отрядила.

— Учти, — предупредила я ее, — ты там, как хочешь, а я здесь долго не продержусь.

— Да кто ж тебя заставляет-то долго, — залебезила в трубке Марго. — Может, все к вечеру уже и выяснится...

– Ага, если я до него доживу, – пробурчала я и дала отбой, предварительно условившись, в какое время выйду на связь в следующий раз.

Отключила мобилу, запихнула ее обратно в сумку и с размаху на отведенную мне кровать плюхнулся, чтобы, так сказать, опробовать в действии, а заодно передохнуть перед барщиной, а то еще не известно, когда теперь полежать доведется. Эх, заэксплуатируют меня, бедную, как пить дать, заэксплуатируют, подумала я и стала, незаметно для себя, в приятную дрему погружаться.

Но все испортила Банный Лист, браво гаркнувшая из коридора:

– Ну что, устроились?

С перепугу я так резко вскочила с кровати, что платье горничной по швам затрещало, а с ворота верхняя пуговица отскочила и – прямым под кровать кухарки Тони. А поскольку мне было сторого-настрого приказано свою униформу, как зеницу, ока беречь, я была вынуждена опуститься на колени и рукой под поварихиной кроватью пошарить. Однако ничего кроме растоптанных тапок под ней не обнаружила.

А тут и Банный Лист подоспела.

– Начнем с плинтусов, – бодро распорядилась она, возникнув в дверном проеме.

– С плинтусов, так с плинтусов, – буркнула я недовольно и с обреченным видом за своей новой начальницей поплелась, которая стала меня чуть ли не носом в каждый угол тыкать, демонстрируя якобы скопившуюся в них пыль.

– Лестницу и коридор нужно особенно тщательно, – зудела она, как навозная муха, – и обязательно с моющим средством. А главное, помните, у вас испытательный срок!

– Как же, забудешь такое! – фыркнула я, но, скорее всего, Банный Лист моих слов не расслышала.

Их заглушили оживленные голоса где-то в холле. Мужской и женский. Оба очень пронзительные, если не сказать визгливые.

На желчной физиономии Банного Листа сразу отразилось неудовольствие, а уже через минуту я увидела эту парочку нарушителей спокойствия. Состоявшую из молодой заносчивой бабенки в лохматой лисьей дохе и длинновязого шатена со смазливym, но несколько потасканным лицом.

– Ну, вот мы и у цели, Макс! – громким фальшивым тоном плохого диктора объявила бабенка в лисе и по-хозяйски устремилаcь вверх по лестнице, не обратив на нас Банным Листом ни малейшего внимания. – Чувствуешь, какая тут аура? Чувствуешь?!

А поскакавший за ней вприпрыжку Макс усиленно завертел головой, озабоченно щелкая языком и повторяя:

– Да, аура здесь нездоровая... Совсем нездоровая аура...

Очень скоро они скрылись из виду в недрах хозяйских покоев, но до нас с Банным Листом все еще долетали реплики бесцеремонной и крикливой особы в лисьей дохе:

– Вика! Ты где? Кого я тебе привела! Макса! Специалиста по эрогенным зонам... То есть, по патогенным... Ну, помнишь, я тебе про него рассказывала? Да, между прочим, он сразу заметил, что у вас тут с аурой непорядок. Вот... А я тебе что говорила?...

Многообещающие заявочки, решила я, проводив взглядом этот шумный дуэт, а еще решила, что лохматая бабенка как раз и есть знаменитая Кирка, которая вовсю крутит новой королевой. Ну а уж та в свою очередь старым королем.

– И чего стоим? – это Банный Лист, пока я мысленно сверяла полученные от Лизы сведения со свежими впечатлениями, снова стала мне на мозги капать. – Чего думаем? Разве задача не ясна?

– Яснее ясного, – прошипела я и потащилась в Гарлем за ведром и прочими батрацкими причиндами.

Что касается Банного Листа, то она, как это ни странно, наконец-то от меня отлипла и стремительно на второй этаж вознеслась. После чего я, очень довольная этим обстоятельством, позволила себе, не торопясь, прошвырнуться по первому этажу, где, кроме холла, комнаты для прислуги и многочисленных подсобок, еще и кухня располагалась. По крайней мере, судя по доносящимся из-за плотно закрытой белой двери запахам, сильно будоражившим мое воображение.

Да уж, дорого бы я дала, чтобы узнать, что трескают за столом у ликеро-водочного короля. А еще больше, чтобы отведать. И как можно скорее, потому что с тех пор, как я на скорую руку бутербродами дома подкрепилась, уже почти два часа прошло. А если еще и стресс к этому прибавить...

Короче, не выдержала я и к заветной белой двери припала, нервно ноздри раздувая. А оттуда к тому же так буженинкой потянуло, что у меня слюноотделение почище, чем у собаки Павлова, открылось.

А не познакомиться ли мне, кстати, с поварихой Тоней, раз уж это рано или поздно все равно случится, мелькнуло у меня. А что, очень даже здравая мысль, вы не находите? В общем, я уже было за ручку взялась и даже слегка ее повернула, когда из кухни донесся разговор. Причем, на сильно повышенных тонах.

Спорили две женщины. Судя по голосам, одна постарше, другая помоложе..

– ...Опять сапоги? – ворчала та, что постарше. – А те, что осенью на толкучке покупали, разве уже сносила?

– Но это другие! Под брюки! – возражала на это та, что помоложе. Явно пребывавшая в недоумении оттого, что приходится такие элементарные, само собой разумеющиеся вещи объяснять.

– А хоть бы и под купальник! – отрезала та, что постарше. – Нету у меня денег!

– Ну, конечно, так и знала! – зашипела молодая. – На сапоги нету, а как на что другое, так есть!

– А это мое дело! В конце концов, это я здесь парюсь, а не ты! – отбрила ее та, что постарше.

После чего кухонные распри в громком скворчании потонули. Подготовка к обеду шла полным ходом..

А ты тут давай углы какие-то три, с горечью вспомнила я про данное мне Банным Листом задание и, тяжело вздохнув, потащилась дальше по коридору за ведром. Затем выбрала в подсобке подходящее, набрала в него воды, сверху чуть не полбутылки моющего средства влила и, через край переполненная классовым чувством, оттащила его наверх. Там поставила ведро на лестничной площадке и пришла к выводу, что уже достаточно потрудилась для того, чтобы небольшой перекур сделать. Хотя бы и в переносном смысле.

Потом сладко потянулась, зевнула и позволила себе легкий променад по барской половине, в процессе которого, к своему неудовольствию, на специалиста по патогенным зонам Макса напоролась. Он с глубокомысленным видом из комнаты в комнату шаркался, то и дело бормотал под нос себе «так-так» и кивал головой, как при нервном тике. Вер-

ные подружки Вика с Кирой без умолку в тренажерном зале трещали, живо обсуждали действие таблеток для похудения, Банного Листа нигде поблизости не наблюдалось. А посему я могла особенно и не горбатиться. По крайней мере, до тех пор, пока у меня не возникло предчувствие, что, если я немедленно не смоюсь, то вот-вот на глаза подружкам попадусь. В нежелательно праздном виде.

Так вот, исключительно ради того, чтобы продержаться в горничных хотя бы до вечера, я спешно в Гарлем за тряпками-щетками подалась. И пробывла там примерно четверть часа, прежде чем этот душераздирающий вопль услышала. А вслед за ним и грохот непонятного происхождения.

Правда, я еще с минуту посидела, соображая, что бы это могло означать, а потом, натянув для убедительности резиновые перчатки – дескать, я вся в трудах и заботах, – покинула свое убежище и, не торопясь, в направлении лестницы проследовала. С тряпкой в левой руке и шваброй в правой.

Так вот там-то мне совершенно жуткая картина и открылась. А именно срючившийся на нижней ступеньке Макс, весь мокрый, с неестественно вывернутой шеей и остановившимся взглядом. Рядом с Максом валялось пустое ведро, ну то, что я для мытья плитусов приготовила, и стояла какая-то незнакомая мне длинноногая особа в элегантном пальто из светло-серой каракульчи.

ГЛАВА 7

– Что? Что такое? – на лестничной площадке, с которой все еще капала пролитая из перевернутого ведра вода, первой Кира появилась. За нею – Вика

в махровом халате и с обернутой полотенцем головой. Затем – Банный Лист, а потом уже молодой парень лет двадцати с небольшим в джинсах и флисовой толстовке. Судя по всему, тот самый Денис, или Дэн, хозяйский сын, который так запугал нашу приبلудную сиротинку Лизу, что она на рельсы улеглась. Наследный принц, так сказать. Чтоб он без наследства остался!

Внизу, кстати, тоже зевак прибавилось. Компанию мне и длинноносой незнакомке в каракульче составили крупная тетка в белом халате и белом же колпаке и молодая кобылка в тесном свитерке и короткой юбчонке. И если в первой я без труда вычислила повариху Антонину, то вторая, вне всякого сомнения, была лупоглазой девицей с фотографии, которую я видела на тумбочке в Гарлеме.

– Да что случилось? – меж тем вопрошала королева Виктория, перегнувшись через перила. – Чего он там лежит?

– Вероятно, потому что встать не может! – с язвительной усмешкой и без всякого почтения отозвалась снизу незнакомка в каракульче и, слегка прихрамывая, отошла в сторону.

Ага, значит, это и есть Инна, хозяйская дочка, которая в контрах со своей молодой мачехой, тут же намотала я на ус.

– Ну, так помогите ему там, что ли! – распорядилась капризным тоном бывшая парикмахерша. – Что вы стоите?

Но, несмотря на приказание хозяйки, желающих подсобить недвижимому Максусу почему-то не нашлось. Вместо этого все молча, как загипнотизированные, на него взирали.

– Слушайте, а почему он?.. Он случайно не того?.. – нашло на ликеро-водочную королеву запоз-

далое озарение, в результате которого глаза у нее, как две плоски, сделались.

– А ты, наверное, думала, что он отдохнуть решил? – с издевкой отозвалась снизу падчерица-хромоножка. – Хотя, вообще-то, думать тебе, насколько я знаю, не свойственно...

– Кошмар! – это уже Кира в причитаниях зашлась. – Не может быть! Он же... Он же... Нет, а вдруг он в обмороке?

– А пульс? У него есть пульс? – всполошилась бывшая парикмахерша, хотя и с трудом, но сообразившая, чем живые от мертвых отличаются. – Э... – щелкнула она пальцами: – Проверьте у него пульс!..

– Лично я не собираюсь! – дочь ликеро-водочного короля демонстративно отвернулась. – Тем более что я его не знаю. Мало ли, кто тут у вас валяется. Сделали из нормального дома проходной двор!

– Ну тогда, может быть, кто-нибудь еще из присутствующих здесь посмотрит, он жив или нет? – фальцетом выкрикнула молодая супружница ликеро-водочного олигарха.

Но и в этот раз никто и с места не сдвинулся. Включая и меня, разумеется. А чего я, рыжая, печальный факт безвременной Максовой смерти констатировать? Оно мне надо? Тем паче, что я тут без году неделя. И потом, слава те, Господи, и без меня народу хватает!

– А, по-моему, надо охранника вызвать и Аркадию Петровичу сообщить, – это, наконец, у Банного Листа уста разверзлись.

– Ну, так делайте что-нибудь! – королева-простолюдинка была близка к истерике. – Вызывайте, сообщайте!..

И вот тогда-то на передний план вышел Денис, вызвавшийся проверить, жив ли еще специалист по

патогенным зонам. Быстро сбежал вниз по ступенькам, наклонился над сверзившимся с лестницы Максом и через минуту-другую почти весело отрапортовал:

— Клиент готов!

А затем еще и добавил, глядя на свою мачеху снизу вверх:

— Да, а с тебя сто долларов за услугу, дорогая мамочка!

Да уж, чувствуется, паренек он меркантильный, если пользоваться терминологией Марго. Можно сказать, с трупа поиметь желает. Чего уж про живую-то Лизу говорить!

Ну а пока я эти свои меткие наблюдения систематизировала, в королевском дворце очень крупный скандал разгорелся. С подачи хромоногой падчерицы, заведшей речь в том духе, что ее, дескать, давно уже ничего не удивляет. В том числе и трупы в доме. И только одно, дескать, поражает, что ее дорогой папочка на старости лет мог себе в жены такую безмозглую идиотку взять. Под безмозглой идиоткой она, как вы, верно, уже догадались, бывшую парикмахершу Вику подразумевала, а ныне младую супружницу ейного папаши.

Та не снесла подобного оскорбления и ответила, что, даже если она и безмозглая, то все равно не советует некоторым свое свинячье рыло в чужое корыто совать. Ну и так далее. Верная подружка Кира тоже, кстати, в стороне от происходящего не осталась и отпустила ликеро-водочной принцессе парутройку комплиментов того же порядка. И, в конце концов, все трое в такой раж вошли, что напрочь позабыли и об убиенном Максе и вообще обо всем на свете. А в результате уж не знаю кем призванный со своего поста охранник Алик, докладывая по телефону начальству об инциденте, должен был одно

ухо пальцем затыкать. Прямо как артиллерист в героическом фильме про войну.

— ...У нас здесь мокрое тело! Не дело, а тело! То есть мокрый труп! — Надрывал он глотку, старясь переорать сцепившихся хозяек. — Гостя! Похоже, несчастный случай. Упал с лестницы. Как упал?.. Скорее всего, на ведро налетел. Какое ведро? Да такое красное, пластмассовое. С водой. Потому и труп мокрый. Что-что?.. Откуда оно взялось? Н-не знаю...

Этот Алик все разорялся и разорялся, хотя мог бы уже и уgomониться, потому что на лестнице и вокруг нее вдруг внезапная тишина установилась. Правда, продлилась она не слишком долго и оборвалась так же внезапно, как началась. Когда ликеро-водочная королева подбоченилась и обвела свою челядь грозным взглядом:

— Да, кстати, а откуда здесь ведро?

Минуто или две народ безмолствовал. Потом слово Банный Лист взяла, предварительно откашлявшись:

— Э-э... Может, это новая горничная?..

И чуть ли не пальцем на меня указала. Мол, вон она, особо опасная преступница. Держите крепче, чтоб не убежала.

Естественно, в такой ситуации мне не оставалось другого выбора, кроме как негромко, но с достоинством заявить:

— Ну и что? Вы ж мне сами велели с лестницы начинать...

— Значит, это ваше ведро? — бывшая парикмахерша так топнула ножкой, что вся лестница содрогнулась. Вместе со стоящими на ней домочадцами.

— Почему это сразу мое? — резонно возразила я. Еще мне не хватало на работу со своими ведрами

таскаться. – Когда оно как раз таки ваше. Я в него только воды набрала, принесла, поставила, а потом за тряпкой отлучилась...

И чтобы окончательно развеять чьи-либо сомнения относительно серьезности собственных намерений, я крепче сжала в своих мозолистых мое главное орудие производства – швабру.

– Что-о? – ликеро-водочная королева чуть сама с лестницы не грохнулась. Вслед за несчастным Максом. – Что я слышу? Она собиралась здесь тряпкой елозить? Это в моем-то доме?

– Кошмар! Ужас! – в унисон ей заголосила присоединившаяся подружка Кира и воздела руки к потолку: – Где вы откопали эту дремучую лохушку?

– В агентстве, – отчиталась Банный Лиет совершенно бесстрастным тоном. – И меня там уверили, что подобрали самую лучшую кандидатуру.

– Это чувствуется, – королева Виктория посмотрела на меня, как на международную террористку, которую через Интерпол разыскивают. – Наверное, моего пылесоса ни разу в жизни не видела!

– А какой поп, такой и приход! – злорадно подхватила снизу ликеро-водочная принцесса Инна и снова завела свою песню про то, что она ничему не удивляется.

Ясное дело, Вика с Кирой в долгу не остались и яростно накинулись на свою противницу, которая вызвав огонь на себя, сама того не желая, обеспечила мне временную передышку. И, между прочим, крайне мне необходимую. Для того чтобы сообразить, какой криминал они мне собственно шьют. Так вот, по всему выходило, что несоответствие занимаемой должности. И всего-то из-за того, что я моему пылесосу ведро и тряпку предпочла!

Еще и дремучей обзываются, а у меня у самой, может, дома евроремонт! По крайней мере, был до потопа. А если насчет моющего пылесоса, то я вам так скажу: не в нем счастье, дорогие мои! Например мы с Марго, ведь как-то и без него обходимся. А также много без чего еще, и ничего, живые пока!

Да, а пока я этак здраво про себя рассуждала, дружные Вика и Кира перестали собачиться с Инной и с новыми силами за меня принялись. А особенно усердствовала бывшая парикмахерша, которая до того раскалилась, что от нее запросто прикуривать можно было. Так вот, поскольку она умудрилась в кратчайшие сроки мне кучу гадостей наговорить, особенно про то место, из которого, по ее мнению, у меня руки растут, я плюнула на субординацию и честно выложила все, что я о ней думаю:

– Ой-ой-ой! Уж чья бы корова мычала! А откуда твои грабли росли, когда ты доверчивый народ в «Мимозе» под горшок оболванивала? Да еще и претензий не принимала!

Спешу вас обрадовать, снаряд мой точно в цель угодил, потому что эта задравшая нос горе-цирюльница долго не могла мне ответить. Только бешено вращала глазами и за горло хваталась, как будто у нее там застряло чего.

– Все! – наконец прорвало ее, – вон! Испытательного срока не выдержала!

– Ой, да не больно-то и хотелось! – не стала я горючими слезами заливаться. – Очень надо на всяких там спину гнуть! К тому же если на то пошло, то сами вы все тут дремучие! Потому что в лучших домах сейчас как раз экологически чистые, проверенные временем, виды уборки предпочитают. Что, между прочим, резко уменьшает риск возникновения патогенных зон!

И, что б вы думали, ведь и в этот раз я не промахнулась! Судя по тому, как вытянулись физиономии у переглянувшихся Вики и Киры.

— И вообще, мы не рабы, рабы не мы! — гордо провозгласила я и буквально с остервенением дурацкий белый передник с себя стащила, чувствуя, что все униженные и оскорбленные в этот момент мысленно со мной.

А то, ишь ты, лестницу им тут драй! Хорошо еще, что до унитазов дело не дошло!

Швырнув передник на пол, я решительным шагом в Гарлем за своими вещичками направилась, но была остановлена охранником Аликом, который все это время молча стоял у мокрого Стасова тела, как часовой на посту, а теперь, видите ли, заявил, что без специального распоряжения я из дому не выйду.

— Какого еще такого распоряжения? — понятное дело, заартачилась я и попыталась его переубедить.

Однако этот Алик, прямо как камень был. Знай, твердит свое «нельзя-нельзя». Я, конечно, ему возражала. Причем так активно, что и не заметила, когда возле лестницы новые действующие лица нарисовались.

Тщедушный сморщенный сморчок с тремя волосинками на темечке, но при этом в дорогом габардиновом пальто, длинные полы которого чуть не по полу за ним волочились, и два мордоворота в кожаных куртках по обе руки от него.

— Кто это такой? — сморчок возмущенно вззрился на мертвого Макса. — Как он здесь оказался?

— А это ты у своей женушки спроси, — прошипела сбоку вся красная после недавней «рубки» с превосходящими силами противника хромоножка Инна, и мне стало как белый день ясно, что передо мной сам ликеро-водочный король Аркадий Петро-

вич Москалец собственной персоной. Весьма неказистой на вид, если не сказать больше. Да-а, вот уж никогда бы не подумала, что нашей главной и, можно сказать, стратегической отраслью такой заморыш заправляет.

– А это Макс!.. – всхлипнула наверху «женушка». – Он... Он специалист по патогенным зонам...

– По каким зонам?.. – побагровел ликеро-водочный король.

– По патогенным, – заскулила королева. – Он сказал, что нам нужно кровать переставить...

– Зачем? – мелкий Москалец пошел крупными желваками.

– А-а... Чтобы избежать вредного воздействия, – пухлые губы Виктории задрожали.

– Идиотка!.. – глухо прокомментировала ситуацию ликеро-водочная принцесса, а ее папаша покрутил шеей и крякнул «Ясно!»

Что касается мордоворотов из его сопровождения, то они сгрудились вокруг убиенного Макса, словно желая убедиться, не притворяется ли он.

– Так-так... – олигарх утер рукавом своего роскошного пальто выступивший на лбу пот. – А как он шею себе свернул, кто-нибудь видел?

– Не знаю, – Вика посмотрела на Киру. – Я принимала душ, услышала крик, потом грохот, выбежала, а он тут... Лежит...

– А я в тренажерном зале была... – следом за ней торопливо отчиталась Кира.

А потом уже все наперебой загалдели, что ничего не видели, ничего не слышали, но твердо уверены, что роковую роль в судьбе несчастного Макса сыграло злополучное ведро с водой, которое дурагорничная на лестнице оставила. Это они про меня, уроды!

– Ну и где она, эта ваша горничная? – осведо-

мился Москалец не предвещающим ничего хорошего тоном, бараном уставившись на мой опрокинутый инвентарь и натекающую вокруг него лужу, пенную от моющего средства.

— Да вон она! — привычно заложила меня Банный Лист.

Меня ликеро-водочный олигарх рассматривал долго и внимательно. Будто картинку в неприличном журнале. Даже голову набок склонил. Затем, все так же неотрывно сверля меня взглядом, затребовал на мой счет справку у Банного Листа:

— Так это что, новая?

— Да, сегодня первый день, — отрапортовала домоправительница. — Ее из агентства по найму прислуги прислали.

— М-м-м... — пожевал губами непрезентабельный олигарх, и я приготовилась к тому, что сейчас он и у меня чего-нибудь спросит, но он продолжал изучать меня молча.

Пока один из держиморд, до тех пор вместе с напарником шаривший у Макса по карманам, не подошел к своему патрону с докладом, состоящим из одного-единственного слова:

— Ничего!

Только после этого хозяин кондратовского ликеро-водочного наконец перестал на меня пялиться и снова уставился на мертвого специалиста по патогенным зонам.

А держиморда потоптался-потоптался поодаль и снова к своему мелкотравчатому шефу подрулил. С очень заманчивым предложением:

— А, может, его того?.. Отвезти куда-нибудь подалее, и дело с концом?

— А если это провокация? — шумно выдохнул Москалец и распорядился: — Нет уж, вызывайте «скорую», милицию и кого там еще положено!..

Ну все, влипла, подумала я, живо себе представив, как обрадуется нашей очередной встрече на очередном месте происшествия мой бывший одноклассник Мишка Косоротов.

ГЛАВА 8

Предчувствия меня не обманули. Мишка мне обрадовался. Только чуть позже. А прежде я около часа проторчала в Гарлеме, в компании поварихи Антонины и ее дочки Ларисы. Ну, той самой лупоглазой кобылки с фотографии.

Сразу скажу, что поначалу я к ним обеим достаточно настороженно отнеслась. Особенно после того, чего мне пришлось под лестницей послушаться. Когда каждый, кому не лень, считал своим долгом с дерьмом меня смешать. Из-за какого-то поганого ведра! Нет, но откуда ж я знала, что этот Макс на него налетит!

А тут еще Антонина первым делом «чумой» меня обозвала. Хотя вроде бы и беззлобно. Типа по-свойски.

— Почему это я чума? — поинтересовалась я, не испытывая восторга от поварихиной фамильярности.

— А потому что разные у нас здесь были, но ты — прямо буренка-рекордсменка! — весело отозвалась со своей кровати у окна повариха.

Должна сказать, что обращение «буренка-рекордсменка» понравилось мне еще меньше, чем «чума», а потому я демонстративно отвернулась от Антонины, твердо решив не поддерживать ее разговоров.

— Ой, ты что, обиделась? — удивилась повариха. — Да я ж пошутила!

– Да у тебя всегда шуточки не к месту, – прошипела ее дочка, которая, сидя на подоконнике, уныло таращилась в окно. – Человек шею свернул, а она хихикает!

– А ты вообще, сиди помалкивай, – огрызнулась вмиг посуровевшая повариха. – А то явилась мать учить. До выходного подождать не могла!

– Да, не могла! – лупоглазая кобылка не собиралась уступать своей родительнице. – Мне сапоги нужны!

– Опять? – рывкнула на нее Антонина и тут же практически без перехода, но уже совсем другим тоном: – Нет, но это ж надо, как он свалился! И сразу насмерть! Ну ладно бы ногу там сломал или руку, а то бац – и готов! Хотя, конечно, много ему и не надо было. На вид-то он хлипкий совсем. Слишком много думал, наверное. Про эти свои зоны, как их там?..

– Патогенные!.. – протяжно зевнула дочка Лариса, и в ее круглых, на выкате, глазах отразилась неземная тоска по новым сапогам.

– Черт-те что придумают! Зоны какие-то патогенные... Это в которых потеют, что ли? А наша... Наша-то корова кровать переставлять собралась! – подмигнула мне Антонина, как бы приглашая коллективно хозяйские косточки перемыть.

А уж, когда я и на эту удочку не клюнула, подалась вперед и с заговорщицким видом выпалила:

– Слушай, чего скажу!.. Ты у нас тут с весны четвертая горничная, но ни одну так быстро не выпирали! Даже Лизавету!

Заслышав имя той, из-за которой я угодила в логово ликеро-водочного олигарха со всеми вытекающими из этого факта трагическими последствиями, я скривилась и нарушила обет молчания:

– Выходит, мне повезло!

– Это ты так шутишь, да? – догадалась Антонина и похвалила: – Молодец, остроумная! – И, бросив взгляд на дверь, перешла на громкий шепот: – Да я бы и сама отсюда ноги сделала, было б куда... Хозяйка – дура дурой, а корчит из себя английскую королеву! Горничных вышвыривает одну за другой. Чуть что – вперед и с песнями. Никто еще испытательного срока не проходил. А девчонки все до одной хорошие были, работающие. Что Светка, что Ирка. Да и Лизавета тоже.

– Лизавета? – во мне помимо моей воли проснулся интерес к Тониному трепу. – Это та, что передо мной была?

– Ну да. Вот тут она и спала, – повариха кивнула на кровать, на которой я сидела. – Мы с ней нормально жили. Не ругались ни разу. А корове-то как угождала, прямо из кожи вон лезла! А та ее тоже раз-два и выгнала!

– Как? Ни за что? – изобразила я изумление.

– Ну не то чтобы... В принципе, конечно, за дело. Но мне ее все равно жалко, – эта Антонина была настоящая находка для шпиона. Ну или для крота, как выражается Марго. – Короче, застукали ее. С хозяйскими денежками в кармане! Только пятидесяти долларов не хватало! Ну, все обыскали – не нашли! Главное, не понятно, куда она могла их деть, если всего каких-то пятнадцать минут прошло, а из дому она никуда не выходила!

Даже не знаю, стоит ли мне особенно усердствовать в описании смешанных чувств, которые я испытала, выслушав этот бесхитростный рассказ поварихи Антонины. Уверена, вы и без лишних слов легко их себе вообразите. А от себя лишь добавлю, что я, как вам опять же известно, хоть подозревала в оригинальных Лизиних кульбитах сугубо коры-

стные мотивы, на такие масштабы все равно не рассчитывала.

Да, выходит дело, на нашей сиротке клейма ставить негде. Еще та аферистка! Одного в толк не возьму, чего она от нас-то добивалась? Неужто не понимала, что в процессе восстановления ее «честного имени» мы так или иначе о ее подвигах пронюхаем? Или она все-таки какую-то другую цель преследовала? Только, боюсь, от нее я про это не узнаю, потому что к моменту моего возвращения она стопроцентно смоемся. И не исключено, что не с пустыми руками...

А что? Вот вам и мотив! Сначала втереться к нам в доверие, затем загрузить нас своими проблемами, а под шумок разнюхать, где хранится нажитое непосильным трудом! Ну, точно, зуб даю, что она уже добралась до заветной кассы, в которую эта прожектерша Марго откладывала денежки для расширения нашего детективного бизнеса. Экономя на всем, на чем только можно, вплоть до морковных котлеток!

— Ведь говорила ж я ей!.. — в полузабытьи скрежетнула я зубами, имея в виду свою патологически доверчивую компаньонку, готовую наступать на одни и те же грабли, пока они не сломаются. А затем со всех ног бросилась к шкафу за лежащим в сумке мобильником, чтобы немедленно связаться с Марго. Может, она еще успеет выставить за дверь эту проходимку, прежде чем она нас обчистит!

Так, сейчас, сейчас... Я уже достала телефон и даже успела первые три цифры набрать, когда в беззвучно приоткрывшуюся дверь комнаты для прислуги заглянул охранник Алик и, ни слова не говоря, пальцем поманил меня за собой.

Я сразу поняла, куда. На расправу к этому удаву Мишке Косоротову.

* * *

Беднягу Макса уже увезли, а то место, на котором он лежал, неудобно скрючившись, и которое уж точно было патогенным, старательно обрисовали мелом. Неподалеку от него, но чуть в стороне от лестницы, под неусыпным наблюдением мордоворотов из охраны ликеро-водочного олигарха, околачивались верные Косоротовские оруженосцы Ермаков с Петуховым и еще какой-то неизвестный мне пухлый тип с маленьким чемоданчиком. Что касается самого Аркадия Петровича Москальца и его домочадцев, то их поблизости не наблюдалось. Также, впрочем, как и Мишки, но он наверняка находился в доме. В этом можно было не сомневаться. Как и в том, что несмотря на наше восходящее к школьным годам знакомство, Мишка не будет со мною церемониться. Потому что такой уж он гад, этот Косоротов!

Кстати, где же он все-таки? Я усиленно завертела головой, а ступающий за мной Алик твердой рукой направил меня к лестнице.

— Туда? — обернулась я к нему, посмотрев наверх.

Алик кивнул, и я понуро побрела на второй этаж. Что называется, в пасть к тигру. В Мишкином лице.

Ну, а дальше так было. Алик меня зачем-то к тренажерному залу препроводил, быстро в него втолкнул со словами: «Вот, это она и есть» и, оставшись в коридоре, захлопнул за моей спиной дверь.

И только тут я увидела Мишку, который сидел среди тренажеров на пластиковом стуле, а Мишка в свою очередь увидел меня. И моментально изменился в лице. Причем, не в лучшую сторону. Да и я, если судить по моему отражению в зеркальной стене, тоже.

– Воробьева? – у Мишки почему-то левый глаз задергался. – Ты что здесь делаешь?

– Ну-у... Как тебе сказать... – я обвела взглядом помещение, в котором бывшая парикмахерша Виктория Москалец изнуряла себя физической культурой в тщетной надежде перевоплотиться из коровы в стройную газель. И это помимо заморских таблеток для похудения! А все ради кого? Ради какого-то старого сморчка, метр с кепкой!

– Так что ты здесь делаешь? – поскольку левый Мишкин глаз все еще дергался, Мишка прихлопнул его ладонью. Словно опасался, как бы он совсем не выскочил.

– А тебе разве не сказали? – за неимением поблизости стула я оседлала тот самый тренажер, педали которого крутила ликеро-водочная королева, когда я предстала перед ней в первый раз. Точнее второй, если считать тот жуткий случай в парикмахерской «Мимоза».

– Постой-постой, – пока левый Мишкин глаз дергался, правый полез на лоб, – я просил, чтобы мне привели горничную... А ты...

– А я и есть горничная, – вздохнула я и уставилась в пол, – вернее, была ею с утра. Пока меня не уволили...

– Что-о? – у Мишки теперь уже и правый глаз задергался. – Это что ж такое, а? Да что вы с этой своей Марго о себе думаете? Сыщицы великие, понимаешь, нашлись! На мою голову!

– Нет, а в чем дело? И вообще, при чем здесь сыщицы? Я ж тебе говорю, я в горничные подалась. Что тут непонятного? – пожалала я плечами якобы в недоумении, но голос мой предательски задрожал.

– В горничные? Ты? – Мишка побелел.

– Нет, а что тут такого особенного? Лично я не считаю этот труд зазорным, – в порыве надавила я

на педали тренажера. – В конце концов, не место красит человека... Кроме того, ты сам знаешь, что в нашем детективном агентстве дела пока не очень хорошо обстоят, а здесь хорошие деньги платят... Вот мы с Марго и подумали, может, удастся немного подзаработать. Ну там, на расширение того же агентства... Или опять же, самим на эти средства себе тоже эту... Ну, горничную поднать. А что, у нас же общество равных возможностей!

– Ага, скоро ты узнаешь, какое это общество! – прошипел Мишка, косясь на дверь. – Когда поймешь, с кем связалась! Потому что служба безопасности у Москальца это такое ЦРУ!.. Да ты себе не представляешь, что они с вашим замечательным агентством сделают, как только разнюхают, чем ты тут у них под носом занималась! А я тебе гарантирую, что это произойдет очень скоро, и ни тебе, ни твоей Марго мало не покажется!

– Особенно, если ты первый нас и заложишь, – я уже вовсю крутила педали.

– Да они и без меня обойдутся! – горячо заверил меня Мишка. – Потому что спецы – будь здоров. Удивительно даже, что пока они еще не в курсе. Но это я, так чувствую, потому что их главный – Пал Палыч – в отъезде. Но уже к вечеру, насколько мне известно, он будет в Кондратове, и тогда держитесь!..

Уж не знаю, было ли это Мишкой заранее запланировано или случайно получилось, но душа у меня окончательно в пятки ушла. И не исключено даже, что в прямом смысле. По крайней мере, судя по тому, с какой невероятной скоростью под моими ногами педали тренажера замелькали.

– Но... Мы же... Мы же ничего такого не сделали... Мы всего лишь хотели разобраться в этой истории с племянницей Марго...

– А еще б вам что-нибудь сделать не хватало! – прервал меня Мишка зловещим тоном. – А, кроме того, не забывай, что к сегодняшнему несчастному случаю именно ты имеешь самое прямое отношение. Если он, несчастный, конечно!

– Да ты что, хочешь сказать, что я специально, да? Ты это хочешь сказать? Или они тебе такого наговорили? – сердце у меня так и выскакивало. Кто его знает, может, я на этом тренажере уже какой-нибудь мировой рекорд поставила! – Но это же просто смешно! Из-за какого-то дурацкого ведра обвинять в преднамеренном убийстве! Да меня там даже близко не было, когда он с лестницы грохнулся!

– А вот это еще нужно доказать! – заявил Мишка и прикрикнул на меня: – Слушай, кончай ты уже мельтешить! А то прямо на нервы действуешь! Все равно на этом самокате далеко не уедешь!

– Хорошо, хорошо, – я перестала действовать Мишке на нервы. – Ты только скажи, ты серьезно считаешь, что я...

– Ой, считаю я, не считаю, дело десятое, – отмахнулся от меня Мишка. – К тому же о погибшем пока ничего не известно. А что до тебя и твоей подружки, то вы лучше подумайте, как выкручиваться будете. Потому что служба безопасности Москальца вас теперь в покое не оставит.

– А... А... –хватила я воздуху.

А Мишка еще и добавил:

– Да, а на меня рассчитывать не советую!

Вот уж чего в голову не приходило!

– Ну, а дальше-то что? – слезла я с тренажера, готовая ко всему, вплоть до «обезьянника».

– А дальше свободна. Пока, – Мишкина милость не знала границ. – но учти, на днях я тебя вызову для дачи показаний. И это... Пожалуй, возьму-ка я с тебя в этот раз подписку о невыезде...

– Но почему? – до глубины души возмутилась я фактом ограничения свободы моего передвижения, притом, что никуда особенно и не собиралась. Во всяком случае, в ближайшее время. Но мало ли! А вдруг мне срочно в Париж смотаться понадобится, что тогда?

ГЛАВА 9

В квартиру Марго я ворвалась с криком: «Где, где она?» и, не дожидаясь ответа, проверила поочередно кухню, гостиную и детскую и нигде не обнаружила ни одной живой души, если не считать кота и щенка. Марго, которая все это время семенила за мной по пятам, только бестолково пыхтела и отфыркивалась и, лишь когда я приступила к обследованию мест общего пользования, сподобилась на первую членораздельную фразу:

– Да что случилось?

– Я тебя спрашиваю, где эта проходимка? – выскочила я из ванной вся в мыле. Только в переносном смысле.

– Какая еще проходимка? – должна вам заметить, что Марго, несмотря на всю свою знаменитую начитанность, иногда такой тупицей бывает!

– Ну, твоя замечательная племянница! – меня трясло, как в лихоманке. – Где она?

– Так... С детьми во дворе гуляет. Ты разве их не видела? – Марго подошла к окну и двумя пальцами тюль отодвинула.

Я так и присела:

– Совсем сдурела! Нашла, кому детей доверить! Какой-то авантюристке! Не видела я, не видела я их во дворе и не уверена, что вообще когда-нибудь увижу!

С этими словами я понеслась в прихожую, чтобы немедленно в погоню за умыкнувшей наших чад преступницей ринуться, но Марго остановила меня возгласом:

– Да вон же они! Возле песочницы. Как ты их не заметила?

– Что-о? – я резко развернулась и тоже к окну приникла.

Что удивительно, Ян с Туськой и впрямь во дворе оказались. Смотрели на нас снизу вверх и руками размахивали. А рядом стояла коварная Лиза и улыбалась с фальшивой приветливостью, которую можно было б принять и за настоящую, не знай я доподлинно, с кем мы дело имеем.

– Ну, убедилась? – обернулась ко мне Марго. – А то устроила какую-то вакханалию! И, между прочим, почему ты здесь? Ты же в доме у Москальца должна быть!

– А! Меня оттуда выперли! – отмахнулась я от нее, не сводя глаз с коварной притворщицы Лизы, чтобы она, не дай Бог, какого нового вероломства не замыслила.

– Что? Уже? – ахнула Марго. – Да за что же?

– За кражу! – хмыкнула я злорадно и, с минуту понаслаждавшись обалделым выражением на физиономии моей верной подружки, выдвинула более правдоподобную версию: – Нет, вообще-то за профнепригодность. Вместо того чтобы моющим пылесосом воспользоваться, я стала мыть лестницу дедовским способом с помощью ведра и тряпки, а тут как на грех мимо один специалист по патогенным зонам по имени Макс пробежал, который очень неудачно оступился и свернул себе шею.

– Это шутки у тебя такие, да? – мрачно уточнила Марго, в отличие от поварихи Антонины, никог-

да не выражавшая особого восторга по поводу моего чувства юмора.

– Какие тебе шутки! – я внимательно наблюдала за перемещениями Лизы, Яна и Туськи вокруг песочницы. – Все так и было, как я рассказываю, но в данный момент это неважно. Потому что главную свою миссию я выполнила и с тем, что стряслось с Лизой, полностью разобралась.

– Постой-постой, – слегка покачнувшись, Марго сделала попытку ухватиться руками за воздух, – так ты что, серьезно? Ну, насчет этого специалиста? Он сильно пострадал?

– Хуже, – я продолжала бдительно следить за Лизой, – скончался на месте, не приходя в сознание.

– Врешь! – пошатнувшаяся вдругорядь Марго, так вцепилась в тюль, что чуть было не оторвала его вместе с карнизом, который у нас, благодаря коту, Яну и Туське, и без того на одном только честном слове и держится.

– Ага, очень надо! – фыркнула я. – Тем более что у нас тут и без меня брехунов хватает. Вернее, брехуш. Так вот, эту твою Лизу застукали с украденными ею баксами на кармане, усекла?

– Кто застукал? Почему застукал? И вообще, при чем здесь Лиза? – Марго, как всегда в минуты сильного волнения, тщательно ощупала свой монументальный смоляной «вавилон», уложенный одним из самых замысловатых способов, которые она когда-либо на моей памяти применяла.

– Как при чем? Как при чем? – ярость справедливого негодования кипела во мне, как раскаленная лава в жерле вулкана. – Ты что уже забыла, зачем меня во вражье логово снаряжала? Чтобы я выяснила, почто там бедную сиротку Лизу обидели! Так вот, ставлю тебя в известность о результатах моего

глубокого рейда по тылам противника. Можешь спать спокойно, наша сирота сама, кого хочешь, обидит. Потому что ты опять пригрела на груди змеюку. О чем я тебя, кстати, заранее предупреждала, но ты, как всегда между прочим, мои доводы проигнорировала. И вот результат. Лиза оказалась воровкой и обманщицей, Макс свернул шею, а меня целый час допрашивал Косоротов. Взял подписку о невыезде и наобещал нам массу острых ощущений в самое ближайшее время.

– Косоротов? – шумно, как запыхавшаяся собака, задышала Марго. – А что, он там тоже был?

– А как же! – я была без пяти минут взрывоопасна. – Как и положено, на Максов труп пожаловал!

– На труп, – глухо повторила Марго, как заклинание, заметно поникла и медленно-медленно к своему «вольтеровскому» креслу проковыляла. Я же осталась на боевом посту у окна, чтобы не спускать глаз с этой мерзавки Лизы, с самым невинным видом гуляющей с детьми во дворе.

– Но... – Марго заколыхалась в кресле, как малиновое желе, – насчет Лизы... Ты уверена?.. На сто процентов?..

– На двести! – отрезала я без тени сомнений и велела Марго кликнуть домой свою гнусную племяшку.

А та заохала-заохала:

– Ой... У меня что-то сил нет совсем... Лучше ты сама ее позови...

– Что, хочешь, чтобы она заподозрила неладное и какой-нибудь фокус выкинула! – окрысилась я на нее. – Не забывай, что она на все способна, а с нею Ян и Туська!

– Думаешь? – по крупному телу Марго волнами прокатилась нервная дрожь. Без кровинки в лице она поднялась с кресла, нетвердой походкой про-

шла к окну и, скорее, простонала, чем прокричала в открытую форточку:

– Лиза! Дети! Идите домой!..

* * *

Я-то думала, Лиза до последнего будет отпираться. Мол, опять ее, бедную, оговорили-оклеветали. А она чуть не с порога каяться начала. Ну и, конечно же, глазками своими ангельски голубыми хлопать. Уж не знаю, что там Марго по этому поводу решила, а я сразу сообразила: Лиза снова нас обвести вокруг пальца вознамерилась. А чего б, спрашивается, ей свой старый проверенный номер не повторить, раз уж ей в кои веки две буквально коллекционные дуры подвернулись?

– Да-да, признаюсь, я вас обманула! – истошно надрывала она душу. – Но не со зла! И потом... Все равно не так все было, не так!

– Ага, – злорадно поддакнула я, – Расскажи-ка нам, деточка, сказку про то, какая ты у нас святая и непорочная. А заодно униженная и оскорбленная! А то мы что-то давно ее не слышали!

– Нет, я не святая и непорочная! – Лиза упрямо потрянула своими светлыми кудряшками. Как и в прошлый раз, когда она нам первую порцию лапши на уши вешала. Осталось только хрустальных слезок дожждаться. Одного только Стаса, главного благодарного зрителя, а по совместительству еще и главного родственника и не хватало. Куда это он запропастился, кстати? Вернется, скажу, что много потерял!

Правда, чуть позже Лиза слегка отступила от прежнего сценария и вместо того, чтобы давиться безутешными рыданиями, выкрикнула почти что с вызовом:

– Да, может, я и не святая! И эта... Непорочная! Ну, то есть, наоборот!

– Да неужели? – всплеснула я руками и покосилась на Марго, которая сидела в кресле, не поднимая головы.

– Да, эти деньги у меня действительно нашли, и, тем не менее, я их не крада! – отчеканила Лиза и посмотрела на меня так, как будто это я, а не она окончательно завралась!

А тут еще эти преданно прильнувшие к ней с двух сторон Ян с Туськой, которые в своем трогательном младенческом неведении понятия не имели, кто такая на самом деле эта милая живая Барби с эмалевыми глазками и золотистыми кудряшками.

– Та-ак! – не выдержала я. – А кое-кому, между прочим, тут делать нечего. Пошли бы вы в свою комнату и с игрушками поиграли.

А эти поросята, что обиднее всего, и с места не сдвинулись. Напротив, только плотнее облепили хитростью проникшую в наш дом самозванку. И лишь после того, как сама Лиза дала им задание нарисовать то, что они видели на прогулке, пообещав через полчаса оценить полет их фантазии, практически безропотно в детскую удалились.

Что касается нас с Марго, то мы, потрясенные до глубины души, только проводили их ошарашенными взглядами. Вот, значит, до чего дошло! Да это ж не Лиза, а психотропное оружие какое-то. И не исключено, что расширенного радиуса действия!

Лиза же, как ни в чем не бывало, вернулась на диван и, глядя на нас с Марго исподлобья, повторила чеканя каждое слово:

– Эти деньги я не крада. А то, что их нашли в моей сумке, я могу объяснить только одним: кто-то специально мне их подсунул.

– Ну, тогда нам с твоей тетей все понятно. Мы с

ней так и подумали. Ведь, правда, Марго, – подмигнула я своей молчаливой компаньонке, тем самым намекая на то, что пора бы и ей уже хоть что-нибудь сказать, а то все я да я.

– Нет, неправда! Вы так не подумали! – отчаянно замотала головой Лиза. – Извините, Любовь Васильевна, но вы мне с самого начала не верили и сейчас не верите! Но я вас не виню!

– Ой, спасибо! – согнулась я пополам от приторного хохота. Поскольку на самом-то деле, мне совсем даже не до смеху было. – Прямо не знаю, как свою благодарность выразить!

И лишь только после этого Марго наконец изволила открыть свои медовые уста. Причем, как всегда в оригинальной манере это сделала. А именно, рывкнула на меня из кресла:

– Может, достаточно уже, Люба? Хватит паясничать!

– Что-о? – я долго отказывалась верить собственным ушам. – Это ты мне? Мне?!

– Тебе-тебе, кому же еще, – буркнула Марго и повернулась ко мне своим греческим профилем.

– Так! Замечательно! Замечательно! – заметалась я по тесной гостиной, то и дело на что-нибудь налетая. – А может, мне вообще уйти? А вы тут породственному, без меня все обсудите, – приговаривала я, в то время как в душе у меня все клокотало от возмущения предательской позицией Марго, готовой верить кому угодно, только не мне.

– Нет уж, лучше я уйду, – поднялась с дивана Лиза и в самом деле направилась в прихожую.

Я застыла посреди гостиной в ожидании, чем эта ее очередная попытка кончится, и заранее уверенная, что ничем.

Ну, и чтоб вы думали, так оно и оказалось. В последний момент Марго ее остановила.

– Не уходи, – сказала она Лизе в спину, – по крайней мере, пока все не расскажешь. А ты теперь просто обязана это сделать.

Лиза, которая уже сжимала в руках свои манатки, изобразила на своей хитрющей мордочке смятение, потом, как бы преодолев изнурительную внутреннюю борьбу, шагнула назад:

– Да, пожалуй, вы правы.

Потом бросила под ноги сумку, прижалась спиной к стене и начала свою исповедь, как пить дать рассчитанную на то, чтоб окончательно нас охмурить:

– В общем, никакая я вам не родственница. В этом я вас обманула.

– Как и в этом тоже? – нарочито ужаснулась я, за что Марго в меня взбешенный взгляд метнула.

А Лиза, так мой вопрос демонстративно проигнорировала. И вообще, она по большей части, персонально к Марго обращалась, как будто не с меня по ее милости Косоротов подписку о невыезде взял.

– Да, знаю, я перед вами виновата, – Лиза и смотрела только на Марго. Да что там смотрела, буквально гипнотизировала! Видимо, чувствовала ее слабинку и податливость. – Но так получилось... Когда мне попало это ваше объявление в газете, я сразу подумала, что только вы мне и можете помочь... Но у меня... У меня ведь не было денег, чтоб вам заплатить. И все равно я сначала хотела все как есть рассказать, а потом... Даже не знаю, затмение на меня какое-то нашло, что ли!..

– Ага, точно, затмение! Как есть затмение! Особенно там, на рельсах! – вопреки грозным внушениям Марго, мне просто страсть как хотелось вволю попаясничать. А то когда мне еще такая возможность представится, с учетом того, что по наши ду-

ши с Марго того и гляди гориллы из ликеро-водочной службы безопасности нагрянут.

– Люба! – Марго прикрыла лицо ладонями и воззрилась на меня сквозь пальцы, будто из-за решетки «обезьянника». – Ты же ей рот не даешь открыть, а ведь даже у приговоренных к казни есть право на последнее слово!

– Ладно, пусть будет ей слово! – я с размаху брякнулась на диван и сразу же попала под колючий дождь обильно посыпавшихся с нашей «вечной» елки иголок. – С условием, что оно действительно последнее!

– Говори, – повернулась к Лизе Марго, когда я замолчала и, скептически поджав губы, стала ждать, чего нам еще эта проныра-сиротинка наплетет.

– Да, я вам не родственница, – якобы послушно шмыгнула носом Лиза. – И не горничная... В смысле, никогда этим раньше не занималась и не собиралась заниматься... На самом деле, я студентка... Из Москвы. А в дом к Москальцам я специально устроилась. Практически, как и вы, – удостоилась я наконец короткого, как одиночный выстрел, взгляда ангельски голубых глазок. – Узнала, что им требуется горничная и что они пользуются услугами агентства «Все для вас»... А что касается того, что было на вокзале... Так вот, хотите верьте, хотите нет, но на рельсы я и впрямь от отчаяния легла. Потому что не знала, как вас убедить...

– ...И решила на жалость надавить! Бедная-бедная Лиза! – процедила я сквозь зубы, борясь с желанием заехать ей по уху, как тогда на вокзале.

– Ты опять? – злобно зыркнула на меня Марго из-под насупленных бровей, в то время как наша неистощимая на выдумки кающаяся Магдалина по имени Лиза выдала кое-что новенькое:

— Теперь о Денисе. А все дело как раз таки в нем... Так вот, он мне не угрожал и не требовал, чтобы я вернула деньги... И вообще, не думаю, чтобы он мог поверить, будто я их украла... Просто... Просто я его люблю. Я очень сильно его люблю и не успокоюсь, пока он это, наконец, не поймет!

Лиза резко вскинула свою прежде виновато потупленную голову и обвела комнату тоскливым взглядом затравленного зверька.

ГЛАВА 10

Воцарившуюся в гостиной мертвецкую тишину нарушил негромкий щелчок. Примерно такой же звук бывает, когда, повинаясь инстинкту, наш щенок несуществующих блошек у себя в хвосте выкусывает. Только в этот раз он тут не при чем оказался, потому что это я зубами клацнула. От неожиданности. И посмотрела на Марго, которая, в отличие от меня, никак своей реакции на очередной зигзаг в бразильской Лизиной эпопее не обозначила. Так и сидела в кресле, в одну точку уставившись.

— Эй! — позвала я ее. — Ты что, не слышала? У нас тут новые детали вырисовываются. Из серии «любовь-морковь до гроба».

И чего, казалось бы, такого сказала, а бедная Лиза решила воспользоваться моей невинной репликой в качестве предлога к очередной попытке смыться. Только теперь уже я ее задержала, вовремя сообразив, что если она смоется, то нам с Марго нечего будет орлам из ликеро-водочной безопасности предъявить. Точнее, некого. А я не желаю, чтобы меня трепали, как Тузик тряпку, из-за какой-то там Лизы-подлизы!

Это, во-первых. А во-вторых, неплохо бы было проверить ее пожитки, прежде чем она наш гостеприимный дом покинет. Потому что еще неизвестно, не захватила ли она чего-нибудь на память.

— Ну, уж нет! Дудки! — решительно тормознула я ее. — Никуда ты не денешься! Будешь здесь сидеть и дожидаться, когда к нам сердитые дядьки придут. Потому что отвечать за твои художества мы не обязаны.

— Какие дядьки? — Лиза вздрогнула. — Это вы про что?

— А про то, что пока я у Москальцов за твои погранные права боролась, там кое-что стряслось. Одно очень неприятное событие, — сообщила я, предусмотрительно в дверном проеме раскорячившись. Чтобы эта пронырливая бестия как-нибудь наружу не просочилась.

— Что? Какое еще неприятное событие? — можно подумать, Лизу невидимый водоворот подхватил, в такое она вдруг вращение пришла. — Это несчастье, да? С кем? С Денисом? Ответьте мне, с Денисом? — Не успев еще толком осознать, как это случилось, что Лиза меня в охапку сграбастала, я вдруг почувствовала себя не только подвешенной в воздухе, но и даже как бы слегка раскачивающейся из стороны в сторону. — Да отвечайте же, наконец, что с ним?! — Испепеляли меня ангельские Лизины глазки, разом в жгучие угольки превратившись.

— Да ничего! Ничего! Жив он, здоров! — с трудом оторвала я от себя эту на редкость цепкую пиявку.

— Это точно? — Лиза немного порозовела и перевела дух.

— Точнее некуда, — пробормотала я и на всякий случай проверила, все ли пуговицы у меня на месте.

— Но... Что же там стряслось? — провела она кончиком языка по своим пересохшим губам.

– Да так... Один специалист по патогенным зонам с лестницы загремел, – не стала я ее томить во избежание нежелательных последствий.

– Специалист?.. – Лиза приподняла свои аккуратные бровки и, немного подумав, вернула их на прежнее место.

– А что твоему Денису кто-нибудь угрожал? – это Марго подала реплику из кресла. Между прочим, первую с тех пор, как Лиза нам свои сердечные тайны поведала.

– Ну-у... – Лиза как будто на несколько мгновений затаилась, – я бы так не сказала... Но у нас же не просто так все сломалось! Тем более что ничего, ну ничего не предвещало! У нас с Денисом были прекрасные отношения...

– Я так понимаю, вы с ним в Москве вместе жили? – Марго не дала бедной Лизе в окончательную лирику удариться.

– Нет. Хотя Денис мне время от времени предлагал, но я в этих вопросах консервативна, а, может, старомодна, если хотите. Бывать у него бывала – он квартиру в Ясенево снимал, – а ночевать никогда не оставалась, – особо подчеркнула наша морально устойчивая сиротка.

Ага, так мы ей и поверили!

И все же я только сдержанно хмыкнула, оставив последнее Лизино утверждение на ее же совести, которая, судя по предыдущим фактам Лизиной биографии, у нее давным-давно атрофировалась за ненужностью. А вот Марго, та ее убийственной логикой к стенке прижала:

– Ну и из чего же тогда ваши прекрасные отношения состояли?

– Как из чего? – заморгала Лиза. – Мы в одном институте учились. Сервиса и туризма. Дружили... Я всегда все-все про него знала. Он, Денис, на пер-

вый взгляд может таким, ну, в общем, насмешником показаться, но на самом деле он очень тонкий и ранимый. Просто он как будто бы в защитном панцире находится...

– Понятно, – кивнула Марго, хотя чего там понимать-то было. – Но ведь что-то между вами произошло, так?

– Так, – еле слышно произнесла Лиза и сжала свои маленькие, но крепкие, как я успела на себе убедиться, кулачки. – А все эта Кармен! Как только она появилась на горизонте, так сразу все в тартарары и полетело!

– Так твою соперницу Кармен зовут? Что ж, подходящее имя для злодейки-разлучницы, – констатировала Марго, склонив свою увенчанную небывало затейливым «вавилонном» голову к плечу.

– Ну, вообще-то, это не настоящее имя, а сценический псевдоним. Она в цирке фокуснику ассистирует. Ну, знаете, он ее еще на куски разрезает. Она выходит в купальнике и ложится в ящик, а факир берет большую пилу и начинает ее пилить. Короче, дешевый трюк! – презрительно фыркнула Лиза. – А как ее зовут на самом деле, я не знаю. Попыталась выяснить, но у меня не получилось. Потому что этот фокусник со своим дурацким номером постоянно из одного цирка в другой перепрыгивает, нигде долго не задерживается. Благо этих бродячих балаганов развелось видимо-невидимо!..

– Выходит, ты ее разыскивала? – уточнила Марго, откинувшись на спинку кресла. – А зачем? По душам говорить?

– А хотя бы и так! – вспыхнула Лиза. – Я же вижу, что она на него плохо влияет!

– А если это любовь? – ввернула я, дивясь неподражаемому Лизину таланту в области навешивания лапши на уши. Уж не знаю, как там насчет

Кармен, если таковая вообще в природе существует, а Лиза нам точно цирк устроила.

– Да какая любовь! – Лиза была просто неподражаема. – Это же... Это же... Да у меня просто нет слов, что это! Одно могу сказать, она имеет на него какое-то воздействие. Он бы и рад от нее убежать, а не может!

– Как это не может? – удивилась Марго. – Но ведь в данный момент Денис здесь, в Кондратове.

– Здесь, – согласилась Лиза со вздохом, – но вряд ли это что-нибудь меняет. По крайней мере, пока я... Ну, пока меня из их дома не выставили, я могла видеть, что с ним по-прежнему что-то неладное творится...

– Да? – переспросила я, вспомнив шустрого хозяйкиного пасынка, выставившего ей счет в сто баксов за то, чтобы пульс у покойника посчитать. – А лично мне так не показалось!

– Но вы же его не знаете! А не знаете, так и молчите! – не моргнув глазом, отбрила меня Лиза.

Во дает, а? Почти что в собственном доме рот мне затыкает! В то время как Марго и ухом не ведет. Нет, если так и дальше пойдет, я за себя не ручаюсь!

– А если б иначе было, стал бы он учебу посреди года бросать? – Лиза снова сжала свои кулачки. – Хотя... После того, как эта Кармен возникла, он, считай, и не учился.

– Ну, положим, учебу, по моим наблюдениям, не один только Денис забросил, но и кое-кто еще, – молвила Марго назидательным тоном.

– А что мне еще оставалось делать? – Лиза повесила голову на грудь. – Ведь кто-то же должен его спасти!

– Спасать? А от чего? – Марго наконец-таки стала некоторые признаки своего хваленного интеллек-

та проявлять. — Если от соперницы, то он же сам от нее сбежал. Или тут что-нибудь другое? Гм-гм... А этот твой возлюбленный Денис, он случайно чем-нибудь типа наркотиков не балуется? А то я слышала, что среди золотой молодежи это сейчас очень распространенное явление...

— Нет-нет, слава Богу! — Лиза мастерски испуг изобразила. Вот уж народная артистка. — А насчет выпивки врагь не буду, случается иногда с ним такое.

Ха! Кто бы сомневался! При таком-то папаше!

— Тогда я тем более не понимаю, зачем такие жертвы? По-моему, зря ты бросила институт и в горничные подалась, — сделала заключение Марго. — Остается только надеяться, что хотя бы Денис твой подвиг оценит. Да, кстати, как он отнесся к тому, что ты в их доме объявилась?

— Ужасно! — призналась Лиза. — Разозлился жутко. А потом ничего, стал мне даже помогать иногда, когда никто не видел. Конфетами угощал. Да... И на вокзал он приезжал. Искал меня, чтобы денег на обратный билет дать, а я отказалась. А он обозвал меня душой и уехал. Вот и все. — Лиза замолчала.

— И правильно сделал, — прокомментировала я Лизины рассказы. — Потому что, если это все не враки, то дура ты и есть. Кто же еще? Спрашивается, чего ты на него вешаешься, когда ежу понятно, что ты ему как козе баян нужна? Где эта самая твоя женская гордость?

— Да уж, мне бы в центре вашего Кондратова памятник уж точно не поставили, — горестно усмехнулась Лиза и в очередной раз своими светлыми кудряшками потрянула. — Ну и плевать!

— Нет, ты слышала? — поискала я поддержки у Марго. — Что за молодое поколение такое? Куда мы катимся, а?

А Марго вместо того, чтобы проявить со мной полную солидарность, взяла и очередную свинью подложила:

– Да ладно тебе, – поморщилась она, – тоже мне полиция нравов выискалась.

И не дав мне и словечка в ответ молвить, снова все свое внимание на Лизу переключила.

– Значит, ты все это затеяла только для того, чтобы снова рядом со своим горячо обожаемым Денисом оказаться? – осведомилась она у этой маленькой врушки, выдававшей себя за четвероюродную Стасову племянницу.

– Ну да, – Лиза задумчиво посмотрела на торчащие из-под дивана Стасовы тапки, все в отметинах от острых зубов нашего щенка. – Я думала, вы как-нибудь докажете, что я ничего не крала и Вика меня обратно позовет...

– Всего-то-навсего!.. – прошипела я, внутренне готовая придушить Марго, если только она и после этого по своему обыкновению вздумает Лизу-подлизу оправдывать.

Но ничего, обошлось. Марго ее оправдывать не стала, хотя и подобающей выволочки не сделала. Так, слегка пожурила:

– Да, заварила ты кашу, милая. И видишь теперь, что из этого вышло? В каком мы положении из-за тебя оказались! Теперь, когда в доме несчастный случай произошел и Любовь Васильевна, – Марго покосилась на меня, – его невольной свидетельницей стала, огласки всей этой истории нам не избежать. Нам придется объясняться с милицией, службой безопасности Москальца, а то и с ним самим и, боюсь...

Однако остальные страхи Марго остались нам неведомы, поскольку Лиза ее на полуслове перебила:

– Не беспокойтесь, я все возьму на себя! – заявила она, гордо задрав нос. – Сейчас же поеду к ним и все расскажу. Если только они меня пустят... А, пустят, куда денутся!

И опять, значит, в прихожую – шашть!

Только и в этот раз я ее попытку оставить нас с Марго в сельских дурах решительно пресекла.

– Э, нет! – встала я грудью на ее пути. – Никуда ты не пойдешь!

– Вы?.. Вы думаете, что я собираюсь сбежать? – Лиза имела наглость обидеться. Вернее, сделать такой вид. – Тогда... Тогда поедем вместе!

– Ага, щас! Разбежалась! – такое Лизино предложение ни капельки не понравилось. – Пусть уж лучше они сюда приезжают! Если им так надо!

– Ну, как хотите, – Лиза с остервенением швырнула сумку на пол и процедила сквозь зубы. – Пусть будет по вашему. Пускай приезжают и делают, что хотят, только никаких денег я не брала! Не брала и все тут!

И тут Марго, ну как будто окончательно меня добить решила!

– Верю, – сказала. – Да, верю. А потому хочу тебя, Лиза, спросить, есть ли у тебя какие-нибудь предположения, кто бы мог эти деньги украсть, а вину на тебя свалить? Кому, как ты думаешь, это нужно было?

А эта проходимка Лиза, такие речи заслышав, естественно, тут же крылышки свои ощищенные и расправила:

– Не знаю... Честное слово, не знаю. Могу только сказать, кто из обитателей этого дома у меня меньше всего доверия вызывает. Даже не обитателей... А, впрочем, она же там целыми днями околачивается...

– Кира? – Марго включила свой запрятанный под «вавилон» компьютер.

– Она, – подтвердила Лиза. – Мне кажется, у нее нет... Я бы сказала, принципов. Да, именно. И еще... В общем, она же все время Вике эти таблетки для похудения носит. Говорит, импортные, дорогие... Толку от них, правда, нет, но Вика вбила себе в голову, что они ей помогают. Вернее, Кира ей вбила. Как придет, сразу начинает ахать, мол, Вика на глазах все стройнее и стройнее делается. А тут таблетки кончились. Как раз в тот день. И Кира принесла новые – пропавшие деньги-то как раз для этого и предназначались – и поставила флакон в спальне на туалетный столик...

– На тот самый, на котором якобы лежали деньги? – Марго сцепила пальцы на животе.

– Да, – голубые Лизины глазки потемнели, как два омута. – Но и это еще не все. Кира, она возле этого столика довольно долго возилась, а потом, когда она из спальни вышла, у нее из сумки что-то выпало. Я, конечно, подобрала. Это ж моя обязанность. Хотела даже вернуть, но не успела из-за этого скандала. Только думаю, потеря для нее невелика. Потому что это пустой пузырек из-под аскорбиновой кислоты был. Ну, витамины такие, знаете?

– Так ты хочешь сказать?.. – Марго так заворочалась в кресле, что оно закрипело почище моей «пятеры» на бесчисленных кондратовских ухабах, но довести свою мысль до конца ей не суждено было. Потому что дверь детской распахнулась, и в гостиную с шумом, визгом и лаем вкатился клубок, состоящий из Яна, Туськи, кота и щенка, таксы.

– Вот! Вот! – наши с Марго отпрыски стали совать Лизе рисунки, над которыми они терпеливо

чуть ли не битый час корпели, пока сама Лиза нам свою неземную лав-стори излагала.

А еще битый час у нас на подробное изучение детского творчества ушел. Что и сказать, потрудились они на славу. Чего только не изобразили. Во-первых, Лизу. Причем, неоднократно. Во-вторых, щенка с котом. Еще несколько автопортретов сделали. Впрочем, и нас с Марго вниманием тоже не обошли. Запечатлели, так сказать, хотя и в самых общих чертах. В отличие от Лизы, которую они, между прочим, буквально в мельчайших деталях расписали. Вплоть до лейблов на ее потертых штанах.

За Марго не ручаюсь, а лично я, глядя на эту живопись, снова ревнивый укол в сердце ощутила. И, наверное, долго б еще себя распаляла, не случись одно событие, в свете которого мои обиды временно на второй план отступили.

А началось с того, что где-то совсем рядом громко запел телефон. Причем, судя по мелодии, не мой и не Марго. Оказалось Лизин, из лежащей на полу у нее в ногах сумки.

И поскольку Лиза отреагировала на этот звонок молниеносно, то уже через пару мгновений мы с Марго имели возможность внимать ее радостному щебетанию:

– Денис? Это ты! Ну, наконец-то! Я же знала, знала, что ты меня будешь искать! Что?.. Где я сейчас? У-у... У одних знакомых...

В спешном порядке подхватив рукой нижнюю челюсть, я посмотрела на Марго, а она так резко подалась в Лизину сторону, что едва из кресла не вывалилась.

– Скажи ему, что если он хочет тебя видеть, то пусть сюда, к нам, приезжает! – провозгласила она тоном, не терпящим даже намека на возражения. Пусть и самые робкие.

ГЛАВА 11

– Сказал, что приедет, – объявила Лиза, которая все еще сжимала в ладони мобильник и до того светила от счастья, что мне пришлось взгляд от нее отвести. В связи с отсутствием солнцезащитных очков. – Только мне, право, неудобно, что вы... В общем, как бы вынуждены в мою личную жизнь вникать... А мы с Денисом, в принципе, могли бы и на нейтральной территории встретиться, чтобы вас не стеснять...

– Да, могли бы, разумеется, – Марго напустила на себя почти материнской строгости, – но при сложившихся обстоятельствах, мы с Любовью Васильевной за тебя определенную ответственность чувствуем. Верно я говорю, Любовь Васильевна?

– А то! – поддакнула я при том, что никакой ответственности за эту наделавшую суматохи пигалицу, в отличие от Марго, на себя не возлагала. Больно мне надо! Что же касается драгоценного объекта ее девичьих грез, то он во мне тоже особенного любопытства не вызывал. Поскольку я уже имела удовольствие его лицезреть, причем всего лишь пару часов назад, и он мне, надо отдать ему должное, весьма нахальным молодым обалдуюм показался. А вовсе не тонкой, ранимой натурой, каковой его Лиза расписала.

Кстати, и в этот раз я все при том же мнении осталась. Потому что, видели б вы, как он к нам ввалился, с неимоверным трудом выдавив из себя невнятное приветствие. А как скривил свою смазливую физиономию, когда осмотрелся. Дескать, в какие трущобы я забрел. А эта малолетняя идиотка Лиза сходу ему на шею бросилась, захлебываясь от избытка эмоций:

– Денис! Денис! Ты теперь понимаешь, что тебе нужна моя поддержка?

А он только отодрал ее от себя, как котенка, и недовольно поморщился:

– Ладно, давай собирайся...

– Ага, сейчас! У меня же все вещи здесь. Вот они! Сейчас оденусь и все! – запрыгала вокруг него на одной ножке Лиза. А заметно приунывшие и готовые в любую минуту разреветься Ян с Туськой – вокруг нее.

И замечу, что продолжалось это безобразие, пока Марго свое веское слово не сказала.

– Извините, молодой человек! – поднялась она с кресла, особенно монументальная в своем парадном атласном халате. Тоже мне, нашла из-за кого вырядаться! – Так дело не пойдет. Мы хотели бы знать, куда вы эту девушку забираете?

– А в чем дело, мамаша? – наставил на нее свои наглые гляделки отпрыск ликеро-водочного воротилы. – Вам-то что, не все равно?

– Мне? – Марго ткнула себя пальцем в грудь и медленно стала багрянцем наливаясь. В то время как во мне в очередной раз классовое чувство проснулось.

– Да вам, вам, кому же еще! – и бровью не повел самоуверенный типаж, на которого эта дурочка Лиза запала. – Вы кто такая, чтобы ею распоряжаться? Она ведь совершеннолетняя. – Кивнул он на злополучную сиротку, которая стояла рядом с ним и даже не плакала.

– Я? – Марго чуть выставила вперед правую ногу, а голову немного назад откинула. Видимо, для большей устойчивости. – Я, между прочим, ее тетка. А вот кто вы, молодой человек, я, к сожалению, понятия не имею.

– Ага, ма тант, значит! – криво усмехнулся наследный Принц и к Лизе оборотился. – Правда, что ль, она твоя тетка?

– Да нет, что ты, – еле слышно отозвалась та, не подымая своих ангельских глазок, для которых все роса, как говорится в народе. Вплоть до мочи. – Просто они мне помогли... Ну, я тебе потом расскажу...

– Тогда пошли скорей, – процедил сквозь зубы Прынц и подхватил Лизин чемодан.

– Да-да, – засуетилась Лиза, даже не глядя в нашу с Марго сторону, пока мы ревущих Яна с Туськой от нее оттаскивали. Так уж они по этой предательнице убивались! Было б из-за кого!

А по мне, так пусть себе катится, тем паче, что от нее одни неприятности и никакой прибыли! О чем я так прямо ей и заявила, вернее, проорала вслед, на лестничную площадку из двери высунувшись. А потом подбежала к окну, чтобы самолично удостовериться, что мы наконец-то от нее избавились. И увидела ее уже внизу, возле важно раскорячившегося у подъезда серебристого «мерса». А также некоторое удовлетворение испытала, когда она вдруг запнулась у раскрытой дверцы, а ее разлюбезный Прынц взял и затолкал ее в свою навороченную колымагу. Да как заботливо! Как березовое полено в печку!

И все бы ничего, если б не Ян с Туськой, которые еще долго голосили «Лиза-Лиза!», нипочем не желая смириться с такой «невосполнимой» потерей. Это ж надо, как эта маленькая врушка им в душу запала! По всему видать, далеко пойдет. А мы еще и отдуваться за нее будем, когда к нам гориллы принца папеньки прискачут. Кстати, что-то они задерживаются. А Мишка-то, помнится, уже через час мне их обещал.

Что касается Марго, то она не хуже наших отпрысков, все о Лизе этой, будь она трижды неладна, горевала.

– Нет, но скажи, пожалуйста, что она в нем нашла? – вопрошала она, воздевая руки к потолку. – Ведь он же с ней, как с каким-то неодушевленным предметом обращается!

– Любовь зла, – философски обронила я в ответ, – сама не знаешь, кого другой раз полюбишь.

А что, лично со мной именно так и было. Потому что мой бывший – Ванька – тоже еще тот козел. Только без «мерса». Вот и вся разница. Хотя оно, конечно, козел с «Мерседесом» выглядит намного предпочтительнее, чем точно такой же, но на «Запорожце».

Да-а, между прочим, а не здесь ли собачка зарыта? В том смысле, что беззаветная Лизина любовь к хамоватому сыночку ликеро-водочного короля, может, всего лишь его зажиточностью и объясняется? И всего-то делов, а эта чистоплюйка Марго свои замечательные мозги зачем-то сушит.

Ну я, конечно, попыталась ее вразумить, только не тут-то было, потому что если Марго чего себе в голову вобьет, то все, амба! Нет, твердит, чувства у нее искренние. Совсем, как у ее знаменитой тетки.

Естественно, я сразу заинтересовалась, о какой такой знаменитой тетке речь? Уж не саму ли себя она в виду имеет, наша скромница Марго? Ну ладно, пусть она знаменитая, если ей так хочется, не возражаю, только, какая она, прости, Господи, Лизина тетка, когда эта юная прохиндейка принародно от нее же и отказалась?

Само собой, я ей на столь очевидный факт указала, за что на довольно обидную отповедь напоролась. Следующего содержания:

– Да не тетка, а тезка! «Бедная Лиза» – это повесть такая у Карамзина. Впрочем, откуда тебе знать?

Хорошо еще «с твоим физкультурным образованием» не добавила, и на том спасибо! А за незамедлительно поступившие разъяснения отдельная благодарность:

– Так вот, было это еще в восемнадцатом веке. Лиза жила себе с матушкой в маленьком домике, пастушка пастушкой, по дубравам ландыши собирала и в Москве продавала. И вот однажды попался ей один молодец по имени Орест, который заплатил рубль за букетик, а заодно поинтересовался, как ее зовут. Дальше события по известному сценарию развивались. Встреча за встречей, Лиза влюбилась, Орест ее соблазнил. Да только женился-то он на богатой вдове, дав Лизе сто рублей на прощанье.

– Вот гад! – невольно прониклась я сочувствием к этой старинной бедняжке Лизе, получившей в качестве моральной компенсации за девичью честь какой-то несчастный стольник, на который и колготок-то приличных не купишь!* – Ну а потом... Потом-то что было?

– Потом... – Марго вздохнула, – Лиза с горя в пруду утопилась, а Орест, по слухам, до самой смерти угрызениями совести мучился.

– Ага, мучился он, как же! Да с него, небось, как с гуся вода! – Моя б воля, я бы таких орестов, как клопов, давила!

– Ну, по крайней мере, так у Карамзина написано, – вступилась за Лизиного любовника Марго. – А я за что купила, за то и продаю. И вообще, меня в данном случае совсем другое волнует. А именно склонность обеих Лиз – и нашей, и Карам-

* В отличие от наших дней, в XVIII веке сто рублей были целым состоянием, о чем нашей героине, к сожалению, неизвестно. Но, думаю, вы со мной согласитесь, что это ей как выпускнице физкультурного факультета, вполне простительно (авт).

зинской — к суициду. — Добавила Марго и озабоченно своим «вавилонном» покачала.

— Ой, да ладно тебе! — лично я не разделяла ее опасений. — Во-первых, у нас и пруда поблизости нет. А во-вторых, с чего бы ей топить, если она на наших же глазах очень даже счастливо со своим Орестом, тьфу ты, Денисом воссоединилась?

— А как же случай на вокзале? — никак не могла успокоиться Марго. — Ведь на рельсы-то она легла!

— Ну легла, и что? Рельсы же тебе не пруд, а Лиза не Анна Каренина! — дала я понять Марго, что не одна она в русской литературе разбирается.

Не знаю, может, мы бы еще на литературную тему подискутировали, да только в этот момент в нашу дверь снова позвонили.

— А вот и они! — затаила я дыхание.

— Кто? — вздрогнула Марго.

— Кто-кто, — передразнила я ее, — полканы с ликеро-водочного. Так что готовься к параду.

Однако за дверью почему-то все тот же Лизин Орест обнаружился. И я так по этому поводу удивилась, что впустила его без всяких предварительных расспросов.

Зато он был в своем репертуаре. Не говоря ни слова, оттеснил меня в сторону. Вбежал в гостиную и заорал:

— Лиза! Лиза! Выходи немедленно!

* * *

— В чем дело, молодой человек? — Марго с ужасом наблюдала, как наследник ликеро-водочного короля, сшибая стулья и путаясь в собственных ногах, мечется по нашей квартире.

А он наконец притормозил, ошалело уставив-

шись на нашу елку, постоял так с полминуты и с придыханием выпалил:

– Где она?

– Это вы о ком? – точеные крылья греческого носа моей боевой подруги гневно затрепетали. – Если о Лизе, то ее здесь нет. Вы же сами ее забрали. Или уже забыли?

– Ага, у него провалы в памяти, – хихикнула я. – Эта как ее... Амнезия!

– То есть, как это нет? – ну, амнезия не амнезия, а какие-то проблемы с головой у Лизаветиного Прынца точно имелись. – Тогда куда же она делась?

– А вот это, извините, мы у вас спросить должны, – Марго потуже на своей необъятной талии пояс парадного атласного халата затянула.

– Черт! – Прынец снова дернулся, как паралитик, бестолково торкнулся в дверь детской и тут же ее захлопнул. – Так что... Она у вас после не появлялась?

– После чего? – уточнила Марго ледяным тоном.

– Так я и знал! – Лизаветин дружок посмотрел сначала на меня, потом на Марго и процедил сквозь зубы: – Так я и знал, что эта чумовая опять какой-нибудь фокус выкинет! Навязалась на мою шею!

Ха, и если б только на его, а то еще и на наши! Что особенно возмутительно!

– Нет, но что она себе думает? Эта кретинка! – неугомонный ликеро-водочный Прынец продолжал нам свои претензии к бедной Лизе высказывать. Можно подумать, мы ему книга жалоб и предложений какая-нибудь! – И куда только эта идиотка идейная суется? Правдолюбка чертова! Не понимает, что в такие игры играют только тигры!

– И что, это очень опасно? – так и впилась в него взглядом Марго.

– Что? – нахохлился Прынц.

– Ну, игры для тигров, – пояснила Марго, заученным движением на парадном халате невидимые складки расправляя.

– Какие еще игры? – угрюмо проворчал ей в ответ Лизин Орест. Как ленивый хозяйский бобик из будки. – И вообще, чего вы к словам цепляетесь? Хватит мне того, что эта малахольная от меня на вокзале сбежала!

– Точно сбежала? – уточнила я с кривой ухмылкой. – А то, может, на рельсах лежит, загорает?

– Как на рельсах? Почему на рельсах? – похоже, распрекрасный Лизаветин Прынц, хотя и находил, что она малахольная, понятия не имел, до какой степени. – Чего она там забыла?

– А вот про это у нее надо бы спросить. Я же от себя могу сказать лишь то, что однажды ее на них уже обнаруживала! – известила я его самым будничным тоном.

– Это что, шутки у вас такие, дурацкие? – у наследника ликеро-водочного олигарха глаза сделались, как у толстолобика, которого, прежде чем чистить с хвоста, хорошенько об стол треснули.

– А че, какие сами, такие и шутки! – подмигнула я Марго, но та моего игривого настроения не разделяла.

– Да, молодой человек, – скорбно поджала она губы, – к сожалению, все это намного серьезнее, чем на первый взгляд представляется. А впрочем, вам, насколько я могу судить, судьба Лизы абсолютно безразлична, так что...

– Ой, только вот этого не надо, а! – Лизаветиного Прынца так прямо всего и перекривило. – Воспитывать меня вздумали! Лучше б сказали, где эту ненормальную искать!

– А тебе, между прочим, уже сказали! – отрезала я. Что-то мне надоело с этим молодым болваном це-

ремонтиться. — Так что можешь уже отваливать. Тем более что ни тебя, ни твою Лизу сюда никто не приглашал. А то, понимаешь, шляются тут всякие... Сначала одна заявила. Униженная и оскорбленная. Кражу ей, видите ли, припаяли. Теперь следующий. Нет, но тебе-то чего надо, если тебе эта пигалица надоела? И на вокзал ты ее возил, чтобы подальше сплавить!

— И если б только на вокзал! — с энтузиазмом перехватила у меня эстафетную палочку Марго. — Учти, Люба, эта псевдокража — тоже стопроцентно его работа.

— А хоть бы и так! — огрызнулся Орест. — Кто ее просил в Кондратов приезжать и горничной к нам устраиваться!

— Значит, это ты у своей мачехи деньги на похуждение свистнул? — ахнула я и подбоченившись на сыночка главного кондратовского магната двинулась.

А он, еще секунду назад такой самоуверенный, заметно стушевался и попятился:

— Как раз денег я у нее не брал... Просто, когда она хай подняла, я воспользовался моментом, чтобы Лизку из дому выжить. И, кстати, те бабки, что я ей подложил, мои были...

— Вот интересно, а куда же тогда те, с туалетного столика, делись? — окатила я его презрением.

— А я откуда знаю? — забился в угол Прынц. — Скорее всего, они вообще не пропадали. Не удивлюсь, если папашина благоверная таким образом от прислуги избавляется, чтобы ей не платить... А что до Лизки, то она сама виновата. Зачем приперлась? Вбила себе в голову, что мне ее помощь нужна!

— А вы в ней, конечно, не нуждаетесь! — эхом отозвалась Марго.

– Да, не нуждаюсь, – глухо подтвердил отпрыск ликеро-водочного олигарха. – Причем, ни в ее, ни в чьей-либо еще!

– Ну тогда о чем же тут говорим? – пожала плечами Марго и демонстративно к нему спиной повернулась.

А я гостеприимно распахнула перед ним дверь и посоветовала сматываться. Что он и сделал, пробормотав на прощанье: «А пошли вы все...»

Однако, забегая вперед, замечу, что еще и пяти минут не прошло, как он у нас с Марго почти что слезно помощи запросил, но об этом уже в следующей главе.

ГЛАВА 12

– Ну, и чего опять? – осведомилась я у Лизаветиного Прынца, когда он вдругорядь к нам в дверь позвонил.

– Чего-чего... – пробурчал он, уставившись на свои суперские ботинки, – помогите мне Лизку найти...

– Так ты ж только что говорил, что ни в чьей помощи не нуждаешься, – освежила я ему память, не пуская его дальше прихожей. А то ведь не выпроводишь потом.

Да что толку, Марго сама к нему поближе подгребла и в выжидающей позе стенку своими статями подперла.

– А если нуждаюсь, – искоса взглянул на нее непредсказуемый Лизаветин дружок и раздраженно уточнил: – Что, прикажете на колени встать?

– Не стоит, – проявила великодушие Марго. – Лиза здесь, конечно, убиралась утром, но, сами понимаете, прихожая все-таки...

– А к тому же у нас еще и моющего пылесоса сроду не водилось, – подхватила я с энтузиазмом. Ну и с намеком, само собой, на который этот ликеро-водочный оболтус никак не отреагировал. Из чего я окончательный вывод сделала, что в папашинном дворце он на мою персону не обратил ни малейшего внимания. Не так, по всему виду, воспитан, чтоб всяких там горничных замечать.

А потому вдвойне странно было наблюдать его под нашей вешалкой да к тому же еще и уныло бубнящим:

– Ее надо найти... Найти ее надо...

– Так за чем же дело стало? Идите и ищите, – оборотилась к нему греческим профилем Марго. – У вас ведь есть машина? Вот возьмите и прочешите весь Кондратов.

– Ну и толку-то что? – насупился Лизаветин Прынц. – Она теперь ко мне не сядет...

– Обиделась, значит, наконец-то! – эта Лиза-подлиза первый раз во мне мало-мальски положительную эмоцию вызвала. – А давно пора было!

Что до Марго, то она задумчиво обронила:

– Боюсь, что и к нам она теперь не вернется...

Ну, прямо, того и гляди, разревется. Это ж надо, потеря какая! Прямо невосполнимая! Хорошо хоть Ян с Туськой утешились и за неимением Лизы на кота с щенком переключились.

Но самое интересное, это какой из всего Прынц вывод сделал!

– А раз так, – заявил, – то вы должны со мной поехать.

– Я? – у Марго такое выражение сделалось, как будто ей нечто в высшей степени неприличное предложили. И к тому же еще и в грубой, оскорбительной форме.

– Ну, вы же себя ее теткой называли, – угрюмо уточнил Лизаветин Прынц.

– Извините, молодой человек, но я с вами никуда не поеду! – в голосе Марго зазвенел металл. При чем, не какая-то там кастрюльная нержавейка, а что-нибудь из редких благородных сплавов, произведенных в условиях космической невесомости. – А наперед зарубите себе на носу, что я этой квартиры никогда не покидаю!

– Серьезно? – вылутился на меня Прынц, явно не рассчитывавший на подобный пафос.

– Серьезнее не бывает, – с готовностью рассеяла я его сомнения. – Ну, если только пожар или наводнение...

– Да? – Прынц задумчиво пожевал губами. – Тогда вы должны со мной поехать. Раз она не может.

– А это еще с какой стати? – ага, так я и разбежалась! Делать мне больше нечего, кроме как эту баламутку разыскивать! Да к тому же еще второй раз за какие-то сорок восемь часов!

И тут – здрасьте, приехали – у Марго снова голосок прорезался. Только теперь уже вкрадчиво-жалобный:

– И, правда, Люба... Почему бы тебе не составить ему компанию? А то мало ли вдруг с ней что-нибудь случится?

Мои бедные ноги так и подкосились.

– О, боже! Это кончится когда-нибудь или нет? – простонала я, схватившись за сердце.

– Но ведь она не местная, не кондратовская, – принялась увещевать меня Марго, – а потому мы за нее в ответе...

– Ну не знаю! Может, ты и в ответе, дело твое, а я так нет, – держалась я до последнего. – Кто она такая, эта девчонка, чтобы я из-за нее переживала? И

потом однажды я за ней уже таскалась среди ночи. И еще в одно логово зачем-то затесалась, – красноречиво покосилась я на нашего настырного гостя. – А она нам, между прочим, наврала с три короба!

– Но Люба! – Марго свела брови к переносице, и, соединившись в одну линию, они стали похожи на усы, выросшие не там, где следует.

Ну, дальше, как всегда, последовали ссылки на мою Туську, будущее которой, если верить Марго, представлялось ей сплошной чередой крупных и мелких неприятностей, но я все равно была кремнь кремнем, пока Лизаветин Прынц в кулак не кашлянул:

– Хорошо, я заплачу вам за беспокойство!

– Надеюсь, вперед? – тут же поймала я его на слове, чтобы он потом не отвертелся.

– М-м... В данный момент я на мели, – похлопал он себя по карманам, – но впоследствии обязательно заплачу. Скажите только, сколько вы хотите?

– Сто! – выпалила я и добавила: – у.е., разумеется.

– Однако! – ощерился наследник ликеро-водочного магната, который ко всему прочему еще и прижимистым оказался, как, впрочем, и все подобные ему оресты, если судить по классической русской литературе. – Неплохие у вас аппетиты!

– А это тариф у нас такой, – надула я щеки для солидности. – Строго по таксе.

– Ладно, будет вам по таксе, – пообещал мне Лизин соблазнитель.

А Марго, недаром же она в нашей фирме за мозги отвечает, выставила ему еще одно условие. Чтобы он рассказал дома правду о краже, в которой Лизу обвинили.

– Вы слышите, молодой человек, – упрямо твердила она, – это ваш долг.

– Хорошо, расскажу, – буркнул он недовольно и, видимо, решив, что дело уже на мази, стал меня подгонять.

Но, прежде чем окончательно согласиться, я еще немного поартачилась, чтоб жизнь ему медом не казалась. Хотя, сообщу вам по секрету, всю жизнь мечтала на «Мерседесе» по родному Кондратову прошвырнуться. Притом что, по большому историческому счету, при наших колдобинах на гусеничном тракторе оно сподручнее будет.

* * *

Мечта сбылась, прошвырнулась. Ох, и благодать, доложу я вам, несмотря даже на ухабы. Вот только пастушку нашу мы так и не нашли, хотя и прочесали Кондратов вдоль и поперек. От фешенебельной Заречной до НИИХАМа, нашего пребывающего в забросе академгородка, в котором Стас когда-то крепил оборонку в качестве самого младшего научного сотрудника.

Горе-Орест всю дорогу скрежетал зубами:

– ...Твою мать!.. Ищи ее теперь!.. Ну, куда, куда она подевалась?

Я же без устали вертела головой, чуть ли не в каждый куст вглядываясь, да все без толку. Ничего похожего на Лизу. А тут еще и смеркаться стало.

– А вдруг она все-таки к вам вернулась? – высказал предположение Денис, когда мы примерно в двадцатый раз по проспекту Демократов колесили. – Может, позвонить вашей этой... Марго и узнать?

– Может, – кивнула я невозмутимо, – только с твоей трубы.

А что я рыжая, оплачивать из своего кармана интересные этого юного буржуина переговоры?

– Да ради Бога! – Лизаветин принц, держа баранку левой рукой, правой достал из кармана сотовый телефон и швырнул его мне. Кстати, мобила у него была – застрелись, навороченная, со всякими прибабасиками, только что без бриллиантов. Нет, ну живут же некоторые!

Не знаю, может, я и преувеличиваю, конечно, но мне показалась, что и Марго в Денисовой трубе как-то отчетливее была, хотя и ничем нас не порадовала. Поскольку Лиза, по ее словам, пока нас не было, не только не появлялась, но и не звонила.

– Стоп! – осенило меня. – Но ведь у этой девчонки тоже есть телефон!

– Есть, – подтвердил Принц, – но она его, похоже, отключила.

– Ну, надо же, как ты ее допек! – подивилась я. – А ведь она тебе такие дифирамбы пела!

А Лизаветин дружок в ответ фыркнул:

– Да это она меня допекла! Притащилась зачем-то... А я всего-то и хотел ее на поезд посадить! И для ее же собственного блага!

– Ну, положим, у нее насчет ее собственного блага могла быть иная точка зрения, – заметила я, имея в виду то обстоятельство, что Лиза, уж конечно, не затем в Кондратов приезжала, а тем более в горничные подавалась, чтобы по первому же Орестову требованию послушно восвояси отмотать.

– Точка зрения у нее какая-то... – проворчал Принц. – Не знаю я, чего у нее на уме, но, когда я пошел ей билет до Москвы покупать, она взяла и смылась! И, главное, я сразу в машину и за ней, а она, как сквозь землю провалилась!

– Постой, а на перроне ты ее не искал? – поинтересовалась я.

– Да нет, – Денис, сильно щурясь от слепящего света встречных машин, все еще продолжал всмат-

риваться в немногочисленных кондратовских прохожих, в то время как я уже перестала. — Просто я подумал, что, если б это я на ее месте был и решил от кого-то сбежать, то сразу в город бы рванул. Там ведь легче затеряться.

— Так то ты, а то она, — здраво рассудила я. — И потом, может, сбежать в ее планы и не входило? А что, если она опять на рельсы подалась? А с тех пор, — я посмотрела на часы, — уже два поезда прошло, между прочим!

Денис сразу побледнел, хотя про рельсы это я так, для красного словца приплела, поскольку снаряды, как известно, в одну воронку не ложатся, да и не такая Лиза дура, чтобы печальную участь своей литературной тезки повторять. И к тому же, та ведь утопилась. А паровоз, как мы с вами успели выяснить, совсем из другой оперы, и даже я знаю, из какой.

А Принца нашего, представьте, вдруг ни с того, ни с сего забрало. Потому что он резко по тормозам даванул, развернул свою шикарную колымагу и к вокзалу на всех парах погнал. Так что, буквально через каких-то пять минут мы уже на перроне очолачивались.

— Ну, и где она в прошлый раз была? — почесал затылок Денис.

Я прошла немного вперед и, вытянув шею, как жирафа, посмотрела на рельсы:

— Кажется, здесь...

Лизаветин Принц тоже на рельсы уставился. А попутно достал свою пижонскую мобилу, подержал ее возле уха, сплюнул и обратно в карман засунул.

— Да ладно тебе, не переживай, ничего с ней не случится, — как могла, утешила я его. — Она ведь только утонуть может, и то в крайнем случае.

– Почему утонуть? – выпучил на меня свои глазенки наследный ликеро-водочный Принц.

– А потому что классику читать надо! – с большим удовольствием попеняла я ему. Переняла, так сказать, опыт у Марго.

– Какую еще классику? – засопел отпрыск главного кондратовского буржуина.

– А «Бедную Лизу»! – я на полную катушку наслаждалась своим интеллектуальным превосходством над этим богатыньким неучем. – Есть такая повесть у этого... Ну, не важно, короче. Так вот, там тоже пастушка Лиза была. Жила себе, горя не знала, пока не, пока не пошла в Москву ландышами спекулирвоать и не встретила по дороге одного перца с бабками. Который ее поматросил и бросил. А она с горя взяла и в пруду утопилась. Вернее, сдуру.

И вот ведь волшебная сила искусства! Дениса-Ореста опять забрало. Да еще как! Аж зашатало! Нет, но кто бы мог подумать, что он такой чувствительный, а? В жизни мне этого молодого поколения не понять! Вот скажите, чего на него наехало, когда он друг сорвался с места и засверкал от меня пятками?

– Эй! – заорала я. – Ты куда?

Но он даже не обернулся.

Я чертыхнулась и рванула за ним, чтобы на всякий случай про обещанные за беспокойство баксы напомнить, но так его и не догнала, несмотря на свое славное спортивное прошлое. Успела только полюбоваться, как красиво его «мерс» со стоянки у вокзала сорвался. Вот ведь злыдень, даже домой не отвез!

Пришлось мне назад через весь Кондратов на троллейбусе пилить, а по приезде еще и охи-ахи Марго выслушивать. По поводу все той же Лизы-подлизы. Хорошо хоть дети уже спали, а то бы, наверное, тоже к ней присоединились.

– Но ведь у нее здесь, кроме нас и Дениса, больше никого нет, – все причитывала Марго. – И что Стасу скажу, когда он меня про племянницу спросит?

– Да какая еще племянница? – покрутила я пальцем у виска. – Она же ему никто!

– Вот! Вот! В этом-то вся и проблема! – горячилась Марго. – Что в этом жестоком мире все друг другу никто! Топись, бросайся под поезд, никому нет до тебя дела! А мы, если хочешь знать, все в этом мире родственники. Потому что от одной обезьяны произошли!

– Ну, тогда уже не от одной, а, по крайней мере, от двух, – буркнула я, взясь с заевшей молнией на сапоге.

– А ты не юродствуй, не юродствуй! – Марго была необычайно воинственно настроена.

А потому просто даже не знаю, до чего бы мы еще договорилась, если б резкий звонок в дверь не поставил жирную точку в нашем научном споре.

– А вот на этот раз это наверняка они, – предупредила я Марго зловещим тоном и отбросила в сторону сапог.

– Кто-о? – сделала судорожный вдох Марго.

– Твои родственники по обезьяньей линии!

ГЛАВА 13

Их было трое. И, по крайней мере, двоих из них я уже плохо-хорошо знала. Жлоба с зализом набок, который больше других вокруг Максова трупа суетился и предлагал его куда-нибудь завезти, и невысокого жилистого дядьку с полухохляцким выговором. Что касается третьего, то он из себя типичнейшего качка представлял. Ну, вы таких, наверняка,

видели. Подбородок, как полка над умывальником, глазки, как пуговики на ширинке, а между бровями и темечком расстояние в пять сантиметров от силы.

Да, начну с того, что ничего нового они нам не продемонстрировали. Влетели со спецназовской прытью, обнюхали все углы и все пути отхода заблокировали. Тоже мне, удивили! Когда мы такие маски-шоу сто раз по телевизору видели и, как минимум, дважды в натуре, а провалами в памяти я пока, слава те, Господи, не страдаю.* Так что, если на кого они впечатление и произвели, то только на кота, который при виде посторонних зашипел и выгнул спину. А вот щенок, тот себя не с лучшей стороны показал. Даже не тявкнул, заячья душа! А я, между прочим, знавала одну собачку, простую скромную дворняжку, которая своего хозяина сразу от трех фальшивомонетчиков защитила.

Да, а дальше попервой все довольно традиционно развивалось. На манер психической атаки. Все трое выстроились перед нами с Марго по системе дураков и минут пять чекистскими взорами испепеляли. Еще б немного и от нас бы одни головешки остались, если б жилистый дядька не крикнул, склонив голову к плечу:

– А вот эту, голенастую, я уже, кажись, где-то бачил...

Это он так про меня, между прочим!

– Щас, щас, – защелкал он пальцами, мучительно соображая, при каких обстоятельствах наша предыдущая встреча состоялась.

– Операция «Гордая княжна», – глухо подсказала я, потупившись.

– О! Точно! – обрадовался дядька. – Это ж ты

* Здесь и далее речь идет о событиях, имевших место в повести «Госпожа Халява» (авт).

была там с этим, как его... Ну, хлопцем из спецслужб и французиком... Щас вспомню, как его!..

– Луи-Филипп, – я осмелела.

– Ага! Луи-Филипп! Он еще с красным знаменем по дурдому бегал! – пришел в восторг жилистый дядька. – От то была знатная драка! Как мы их тогда раскидали, этих супостатив! А то, ишь, вздумали непьющую людыну вывести! *

– Да, было дело, – с готовностью подхватила я, после чего намечавшийся было разбор наших с Марго полетов плавно в вечер добрых воспоминаний перешел. О тех временах, когда мы с этим главным ликеро-водочным полканом по одну сторону баррикад находились. А в результате вместо того, чтобы катить на меня баллон, начальник ликеро-водочной безопасности участливо поинтересовался, нет ли у меня вестей от француза Луи-Филиппа, который, по всему виду, сильно запал ему в душу.

– Так это ж у вас вести должны быть, – резонно заметила на это я. – Он же все-таки на ваш завод приезжал. Оборудование свое предлагал.

– Ага, якусь линию втуливал! – загыгыкал веселый держиморда. – Только на кой она нам? У нас же все бароновское. Может, и ржавое, зато как часы работает!

И то верно, зачем лишний раз тратиться, когда основатель Кодратовского ликеро-водочного, а также всей прочей кондратовской промышленности барон Штейнгель, унося ноги в восемнадцатом, много всякого добра в спешке побросал? Еще не одному поколению кондратовских олигархов за глаза хватит. И потом, кто там его, это оборудование, видит? То ли дело, гордую княжну в бронзе увековечить и

* Речь идет о событиях, имевших место в повести «Мозги и ноги» (авт).

на центральной площади поставить. При большом стечении народа и с надписью «от благодарных потомков» на постаменте.

В общем, слово за слово, и мы так мило разговорились, что Марго уже стала о чае хлопотать. Отчего действие мало-помалу на кухню переместилось. Где мы втроем – веселый глава ликеро-водочной безопасности, я и Марго – уютно расположились. В то время как качок со жлобом, не иначе соблюдая субординацию, остались один у двери в прихожей, другой в гостиной у окна.

Марго еще высказала о них беспокойство, поинтересовавшись у нашего дорогого гостя:

– А... А как же ваши товарищи? А то как-то неудобно...

– Да ничего страшного, – легкомысленно отозвался тот, усиленно на вишневое варенье налегая. – Они на своих боевых постах.

– А, ну тогда, конечно, – не стала спорить Марго, только чаю ему подлила.

Так что, в общем и целом, мы очень даже неплохо время проводили. И даже успели познакомиться. Предводитель ликеро-водочных держиморд представился Пал Палычем, Марго – Маргаритой Софокловной, а я просто Любой. И все же, приговорив примерно полбанки нашего варенья, наш сердечный гость затронул-таки неприятную нам тему.

– Э-э... – издалека завел он речь, – тут такая проблема, девоньки, возникла, что мне нужно с вами разобраться.

Мы с Марго, конечно же, как по команде, сразу серьезные физиономии соорудили. Дескать, мы все внимание.

– Цэ ж вы «Мозги и ноги», чи не? – Пал Палыч стал катать по столу косточки из варенья.

– Ну, мы, – дружно потупились мы с Марго.

– Да-а, нехорошо, нехорошо, – укоризненно зацокал языком мой старинный знакомец. – Цэ ж шо получается? Что вы на нашу территорию без нашего разрешения вторглись! А можно узнать, чего вы там шукали?

И пока я собиралась с мыслями, как бы мне половчее свою миссию во дворце ликеро-водочного короля обрисовать, Марго меня опередила.

– Извините, недоразумение вышло, – сложила она губки бантиком. – Одна наша клиентка нас невольно в заблуждение ввела, и мы несколько превысили свои полномочия.

– Кхм! – откашлялся в кулак мой бывший соратник по памятной операции «Гордая княжна». – Превысили! Это сильно мягко сказано!

– Да понимаете, как получилось, – я решила, что мне будет проще все объяснить, но Марго меня перебила:

– Видите ли, всему виной одна романтическая особа. Такая несовременная идеалистка. Которая не может снести позора и грозитя на себя руки наложить. А мы с Любой женщины сердобольные...

– Что-то я не очень понимаю. Романтическая особа какая-то, – нахмурился глава ликеро-водочной безопасности. – А поконкретней нельзя?

Я во второй раз попыталась потянуть одеяло на себя и рассеять Пал Палычевы сомнения, но Марго опять не дала мне и рта раскрыть.

– Ну, хорошо, – сказала она, – речь идет о Денисе и девушке-горничной. Они из-за чего-то не ладили, и он подбросил ей в карман деньги. А ее потом в краже обвинили и уволили. Ну а поскольку девушка очень сильно из-за этого переживала, мы решили ей помочь и восстановить справедливость.

– И что, восстановили? – Пал Палыча заметно перекосило.

– Да, – кивнула Марго. – Да вы можете обо всем у Дениса спросить. Тем более он осознал свой поступок.

– Однако! – присвистнул Павел Палыч. – Это ж надо, восстанавливать справедливость на нашей территории и без нашего ведома! А почему вы ко мне не обратились?

– Ну, извините, затмение нашло, – виновато промямлила я, совсем как Лиза в процессе раскаяния в своих многочисленных грехах. – А кроме того, вас же не было в Кондратове, – воспользовалась я подсказкой Мишки Косоротова.

– Да, я действительно отъезжал ненадолго, – признал факт своего отсутствия на вверенной территории глава ликеро-водочной безопасности. – И все равно это вас не оправдывает. Нет, но вы хотя бы понимаете, на что замахнулись?

– Понимаем, еще как понимаем, – молитвенно сложила я руки на груди, а Марго снова предложила ему чаю.

Пал Палыч подумал с полминуты и согласился, признавшись, что очень уж вишневое варенье уважает. А еще поинтересовался, не Марго ли его варила.

– А то кто ж еще? – радостно удовлетворила я его здоровое любопытство.

После чего Павел Иванович не преминул, заметить, что это даже по вкусу чувствуется, и этак многозначительно на Марго посмотрел.

– Да вы кушайте, кушайте, – расцвела Марго, выгружая в вазочку остатки варенья из банки.

– Не откажусь, – смачно причмокнул губами Павел Иванович и тут же запустил в вазочку ложку, не сводя с Марго своих хитрющих прищуренных глаз. Как будто она ему удовольствия не меньше, чем вишневое варенье, доставляла. А уж когда оставши-

еся полбанки прикончил, довольно погладил себя по животу и назидательно изрек: – Вот и занимались бы вы, чем вам положено, вареньем, соленьем, а то в сыщицы подались. Где это видано? Дети у вас опять же, а вы себе приключения ищете. Ну, совсем одурели бабы!

Мы с Марго, хотя, как вы понимаете, и имели по данному вопросу отличную точку зрения, предпочли отмолчаться. Чтобы, как говорится, не нагнетать. И не зря, потому что такое наше смирение произвело на Пал Палыча столь же умиротворяющее воздействие, как и вишневое варенье.

– Ну, хорошо, – удовлетворенно оглядел он горку вишневых косточек на столе, – вижу, вы все осознали...

– Осознали, осознали, еще как осознали! – хором заорали мы с Марго.

– Вот и молодцы, – похвалил нас с Марго заметно подобревший глава ликеро-водочной безопасности. – Так что, на первый раз, думаю, выговором обойдемся. Только вот еще что... Этот мужик, что шею себе свернул, он вам случайно не знаком?

– Да откуда же? – вытаращилась я на него, как таракан из-за плинтуса. – Ну, вы сами-то прикиньте, я ведь в доме всего-то за два часа до него объявилась, а, может, и того меньше. К тому же его подружка вашей хозяйки привела, а я с ним даже словом не обмолвилась. Да вы у нее, у Киры этой, про него спросите, если вам надо...

– И у нее спросим, а как же ж, – бодро заверил нас с Марго Пал Палыч. – И еще у многих. Не допустим, чтоб нашего хозяина всякие там мордували!

– А что, – переглянулись мы с Марго, – его кто-нибудь разве мордует?

– А то нет! – по гладкой физиономии Пал Палыча тень промелькнула. Как черная туча по летнему

небу. – Вы что, не знаете, что в стране творится? Каково сейчас олигархам приходится?

– Это да, – цокнула языком Марго, – что есть, то есть. Олигарха любой обидеть норовит.

– Вот то-то же, – завздыхал Пал Палыч. – Чуть что, раз и в кутузку. По малейшему поводу. А потому пошла у них такая тема... Короче, стали они, ну олигархи в смысле, вклад в государство вносить. Ну, кто чего. А наш-то недавно был в Лондоне и уже совсем было к каким-то там яйцам приценился. Почем, типа, за десяток. И тут, откуда ни возмись, какой-то хмырь московский и прямо перед носом эти яйца и увел. Не дал вклад внести, собака!

– Да вы что! – возмущенно грюкнула чашками убиравшая со стола Марго.

– Точно говорю, – крикнул в сердцах глава ликеро-водочной безопасности. – А поскольку вклад вносить, хочешь-не хочешь а надо, наш задумал памятник гордой княжне установить. А че, нормальная затея! Чего б нам свою национальную героиню не увековечить? Которая хазарам не продалась. Чтобы молодежь с нее пример брала! И с прочих своих предков, которые головы всякой нечисти рубили. А то у нас теперь, понимаешь, и идеалов нет. И гордости опять же не осталось! Что не так, скажете? – Не на шутку разгорячившийся Павел Палыч рубил ладонью воздух, почти как наши славные предки головы хазарам.

– Так, так! – синхронно закивали мы с Марго.

– Да, а памятник княжне будет какой-то важный мужик делать, у которого этих статуй немерено. Ну, столько, что в Москве уже места под них не хватает. Хоть одну на другую ставь, – объевшийся дармового варенья Пал Палыч громко икнул. – А у нас-то в Кондратове, слава Богу, есть где развернуться. Просторы, будь здоров. Жалко только подходящую кандидату-

ру для того, чтобы княжну с нее лепить, теперь не найти. Вон, как конкурс объявили, девки валом валят, а княжны среди них и нетути. Все такие квазиморды, прости Господи, ни глянуть, ни подержаться. Худые, как цапли. Никакой тебе русской стати!

— Да уж, измельчал народишко, ничего не скажешь, — поддержала я Пал Палыча, чтобы приятное ему сделать. — Буквально подчистую.

А он вдруг мне возразил:

— Ну почему же сразу и подчистую? Отдельные экземпляры еще остались. Вот у Маргариты Софокловны стати как раз очень для народной героини подходящие!

— У меня? — Марго зарделась, как красна девица на выданье.

— Конечно, — Пал Палыч был полон энтузиазма. — Такой и должна быть настоящая русская женщина.

— Но я как бы... Не совсем русская, — пришла в замешательство Марго, — честно говоря, мои предки греками были...

— Ну и что? — родословная Марго предводителя ликеро-водочной безопасности не смутила. — Главное, лишь бы не хазары. И потом, греки они наши, православные. Я вон тоже наполовину хохол, наполовину татарин, а душа у меня русская. Шир-рокая! Так что, вы, Маргарита Софокловна, не сумлевайтесь и смело на конкурс идите. Как минимум, призерских симпатий получите!

— Вы так считаете? — похоже, Марго заколебалась. — Но дело в том, что имеются некоторые препятствия...

— Муж, что ли, ревнивый? — хохотнул явно запавший на Марго Пал Палыч.

— Да нет, тут причины иного свойства, — Марго замялась. — Просто я никогда не выхожу из дому.

– Никогда-никогда? – переспросил Пал Палыч, судя по всему, как и все прочие, принявший принципиальную позицию Марго за какое-то чудачество.. – Ну, а если, к примеру, увидеться с кем-то надо?

– Ну, в таком случае я придерживаюсь правила: если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе, – выкрутилась не в меру начитанная Марго.

– А, ну если так, тогда конечно, – покрутил головой Пал Палыч, у которого, видимо, тоже с абстрактным мышлением не очень-то было, потянулся и вылез из-за стола.

– Что, уже уходите? – разом огорчились мы с Марго. – А то посидели бы еще!

– Да я бы с удовольствием, – почесал загривок предводитель ликеро-водочной дружины, – но дела не ждут.

И размеренным шагом удалился в прихожую, перед этим взяв с нас с Марго слово, что впредь мы никогда не будем посягать «на его территорию» без предварительного уведомления.

После чего я, довольная тем, что мы, вопреки страшным предсказаниям Косоротова, так легко отделались, осталась на кухне, а Марго, та нашего дорогого гостя заботливо до двери проводила. И даже пригласила его при случае заглянуть на огонек.

– А як же! – заржал на прощанье Пал Палыч. – Рази ж мы хуже какого-то Магомета!

Глава 14

– А вы здорово спелись! – похвалила я Марго, когда, закрыв дверь за ликеро-водочными полканами, она на кухню вернулась.

– У-уф!.. – шумно перевела дух Марго. – А ты бы чего хотела? Радуйся, что все обошлось!

– Так я и радуюсь, – проворчала я. Можно подумать, я эту кашу заварила! – Слава Богу, теперь все позади.

– Да, похоже на то, – согласилась со мной Марго. – Еще бы Лизу найти, и можно ни о чем не беспокоиться.

– Чи-во? – у меня возникло желание сунуть ей градусник под мышку. Чтобы проверить, не температурит ли она. – А на кой она тебе, можно узнать? Что жизнь пресна без ее фантазий?

– Ты опять? – хмуро посмотрела на меня Марго. – Кажется, мы это уже обсудили!

– Ах да! – звонко хлопнула я себя ладонью по лбу. – Она же бедная-несчастливая! Так может нам, закрыть детективное агентство и открыть приют для обездоленных? А че, от клиентов отбоя не будет. Все вокзальные бомжи к нам сбегутся. А мы будем холить их, лелеять и долгими зимними вечерами слушать их байки про то, как они дошли до жизни такой. Ну, денег мы, конечно, не заработаем, зато славы будет! Ни один заезжий аферист наш дом не обойдет!

Надо отдать должное Марго: у нее ни один мускул не дрогнул, пока она мой рассказ об открывающихся перед нами заоблачных перспективах слушала и, лишь только, когда вдохновение у меня поисскало, тихо зубами скрипнула:

– Ты прекрасно знаешь, что Лиза кто угодно, а не аферистка.

– Кто угодно? – поморщилась я. – А поточнее нельзя? Кто же она все-таки такая?

– Кто? Да всего лишь влюбленная девчонка! – звонко заявила Марго, прямо как с трибуны какого-нибудь международного конгресса по проблемам подростковой сексуальности. – И этим все объясняется. В том числе, и ее ложь. И вообще, влюблен-

ные они всегда глупости делают. Себя, хотя бы, вспомни!

А вот это уже, между прочим, удар ниже пояса называется! Глупости она мне, видите ли, вспомнить предлагает. Да, может, я их и выше крыши наделала. И что особенно прискорбно, не только от большой любви. Но разве Лизу это извиняет? И потом, мои романтические увлечения в первую очередь мне же боком и выходили, а из-за Лизиных почему-то пол-Кондратова на ушах стоит! Включая и нас с Марго.

— Вот ты на нее обижаешься, — меж тем продолжала давить мне на психику Марго. — А она очень работающая. Смотри, какой порядок у нас навела! Кастрюли-то как блестят, глаз не отвести!

— Предлагаешь, ее в горничные нанять? — я тоже не отказала себе в удовольствии на вычищенные Лизой кастрюли полюбоваться. — Ну, против этого я ничего не имею, если ты ее услуги будешь из своего кармана оплачивать.

— Все шутишь, — осуждающе засопела Марго. — А у меня душа не на месте. Как подумаю, где она сейчас может быть!

— Ага, намек поняла, — фыркнула я. — Хочешь, чтобы я по местам ее боевой славы отправилась? Ну нет, фигушки! Хватит с меня. Я и так предостаточно из-за нее за сегодняшний день натерпелась. Не забывай, что Косоротов с меня подписку о невыезде взял и, может, уже завтра для дачи показаний вызовет. И вообще, еще неизвестно, чем мне это дурацкое ведро обернется!

— А я тебя никуда и не заставляю ехать, — примирительно молвила Марго. Дескать, это дело сугубо добровольное и зависит от совести некоторых, здесь присутствующих.

Ну а раз так, то я предпочла сделать непроницаемую физиономию и громко, в растяжку, зевнуть:

– Да не переживай ты так за эту Лизу! Тем более Денис ее уже наверняка разыскал, и теперь они, как два голубка, воркуют в его «мерине».

– Думаешь? – прикусила нижнюю губу Марго.

– Да просто уверена! – вселила я в нее оптимизм. – Ты знаешь, какое там заднее сидение? Настоящий кожаный диван. Можно с таким комфортом расположиться!

Однако, вопреки здоровой логике, Марго такой мой оптимизм почему-то не понравился.

– Люба, как тебе не стыдно! – стала она меня укорять. – Вот уж не знала, что ты такая пошлячка!

Ну, уж прямо сразу и пошлячка! Вон в Америке, между прочим, это очень распространенное явление. Говорят, чуть ли не большую часть современного ихнего населения как раз таки на заднем сиденье и спланировали. И ничего, еще смотри, какие прогрессивные янки получились! А, главное, мобильные. Все время в движении. Не ждут, когда к ним Магомет пожалует, а сами к нему на авианосце с гостинцами – вжик!

– Ой, ну ладно, давай, что ли, спать, – зевнула я душераздирающе и пошатываясь в гостиную поплелась. Чтобы наконец под елочкой прикорнуть.

Ну, а Марго, разумеется, как обычно, в своем «вольтеровском» кресле устроилась.

И, хотя меня и тянуло в сон, я воспользовалась случаем и задала ей все это время занимавший меня вопрос:

– Слушай, Марго, а про какие это яйца Пал Палыч распространялся? Я что-то не поняла...

– Может, Фаберже, – закопошилась в темноте Марго.

Ясное дело, от такого ответа мне легче не стало:

– А это еще что за хрень? Фаберже какое-то!

– Не какое-то, а какой-то! – отозвалась Марго протяжным стоном. – Фаберже – это фамилия знаменитого ювелира!

– Ах, вот оно что! – вырвалось у меня поневоле. – И что у него... М-м-м... Какие-то особенные были?

– О Боже! – кресло под Марго надсадно заскрипело. – Это же пасхальные яйца, которые цари друг другу дарили! Произведения искусства! Каждое десятки миллионов стоит! Если не сотни!

– Серьезно? – пробормотала я и с головой накрылась одеялом. И, уже засыпая, ликеро-водочному олигарху посочувствовала, которому, увы, не посчастливилось свой вклад в государство яйцами внести. Но ничего, нет худа без добра, зато он нашу кондратовскую гордую княжну в бронзе увековечит!

* * *

А с утра пораньше возник Стас. Он притащился с фазенды воодушевленный и с целым мешком семейных фотографий, которые он торжественно вывалил на диван.

– Вот! Здесь вся наша родословная! – обвел он ликующим взглядом зевающих спросонья чад и домочадцев. А среди них и меня, зевающую громче всех. Кого не было, так это Лизы, притом что Стас, конечно же, только из-за нее и расстарался.

– Дети, дети, сюда! – захлопал он в ладоши. – Посмотрите, какими красивыми были ваши пращуры!

Естественно, повторять приглашение дважды ему не пришлось. Потому что рассматривать фотокарточки любимое занятие Яна и Туськи. Сразу после мотания наших с Марго нервов.

Вот только разглядыванию пращуров они предпочли снимки самого Стаса в нежном и нежнейшем возрасте. На коленях у родителей, на горшке, а также голышом приблизительно трех месяцев от роду. В то время, как на общую фотографию – с небезызвестной бабой Нюсей и дедом Ипполитом и прочими родичами – в лучшем случае одним глазком покосились. Причем, Туська, та даже повнимательнее Яна, хотя на снимках вовсе и не ее предки были. А впрочем, в свете утверждения Марго, что мы все от одной обезьяны произошли...

– Так, а Лиза, Лиза-то где? Я же в первую очередь для нее все это принес! – завертел головой Стас, обнаруживший, наконец, отсутствие своей дорогой четвероюродной внучатой племянницы.

– Э... – откашлялась Марго, – а ее нет. Дело в том, что она ушла от нас...

– Как ушла? – у Стаса даже губы задрожали. Совсем как у ребенка, которого сладкого лишили. – Но почему? Я же специально на фазенду переселился, чтобы вам здесь удобнее было...

На бедного Стаса без слез смотреть нельзя было. Уж больно близко к сердцу он эту самозванную внучку бабы Нюси принял.

– Понимаешь, – Марго прикусила нижнюю губу, – Лиза... Она не совсем та, за кого себя выдавала... Видишь ли, она не твоя племянница, как мы все думали...

– То есть?.. А как же баба Нюся? – Стас выронил фотографии. – Вы что?.. Вы, наверное, плохо с ней обращались... Вы дали ей понять... Ты! Это ты с самого начала выражала ей недоверие! – Вдруг зверился он на меня. Вот уж чего не ожидала. Всегда такой смирный был. Можно сказать, ручной.

– Нет, а че я? Че я-то? – выразила я свое возмущение не столько Стасу, сколько его пращурам, ко-

торые укоризненно таращились на меня с рассыпанных по дивану фотокарточек. – Я, между прочим, горничной к Москальцу ради нее нанялась, а вчера разыскивала ее полдня!..

– Да, Стас, ты не справедлив, – вступилась за меня Марго, чего за ней давненько не наблюдалось. Да вы, наверное, и сами уже заметили, что чаще все ровно наоборот бывает. – Люба много для Лизы сделала.

– Но почему же тогда она ушла? – тупо повторил Стас, упорно не желавший смириться с тем очевидным фактом, что Лиза ему никакая не племянница. Даже четвероюродная.

– О Господи! – закатила я глаза. – Ты бы уж лучше спросил, почему она пришла!

– Ну и почему? – промычал он, как теленок.

Пришлось ему растолковывать:

– А потому что она использовать нас решила. В своих корыстных целях. Она, видишь ли, одного богатенького сыночка с нашей помощью подцепить задумала, а он, не долго думая, вознамерился ее подалее сплавить. А в результате она сбежала. Как тот колобок из сказки. Ну, что и от дедушки ушел, и от бабушки ушел...

– Колобок?.. – физиономия у Стаса стала еще тупее, чем была до этого. Хотя, казалось бы, куда уж дальше.

– Ой, да не так все, не так! – вмешалась Марго. – Во-первых, она действительно влюблена в сына Москальца. Во-вторых, красть она ничего не крала, это уже однозначно. А в-третьих, еще неизвестно, кто кого использовал. Вон она нам все кастрюли перечистила...

– Но... Но а как же баба Нюся? – несмотря на наши усилия, Стас все еще в плену иллюзий находился. – Баба Нюся-то как?

– А что баба Нюся? – у меня уже терпения на этого тугодума не хватало. – Да бабы Нюси, считай, у каждого в роду имеются. Может, мы даже от одной такой бабы Нюси и произошли! – Слегка перефразировала я теорию Марго насчет общей прародительницы с пальмы, благодаря которой мы все друг другу родственники.

Однако Стаса мои доводы не утешили.

– Но она же похожа! Ну, прямо одно лицо! – совал он мне под нос карточку со своей драгоценной бабусей.

– Так, а я тебе что говорю? – попыталась я его на философский лад настроить. – Она и должна быть похожа, потому что все люди – братья. А те, что не братья, те сестры.

– Ты так считаешь? – похоже, в голове у Стаса все-таки что-то забрезжило.

– Вместе со всем прогрессивным человечеством! – я зевнула в последний раз и прислушалась к голодному урчанию в животе. – Кстати, а не пора ли нам позавтракать?

И вроде бы страсти улеглись, и мы гуськом на кухню потянулись, да тут, как всегда, рука судьбы все карты нам смешала. В лице моего бывшего одноклассника, а ныне майора милиции Мишки Косоротова, которого Марго впустила в прихожую после длительного изучения через дверной глазок.

– Вижу, все в сборе, – констатировал он первым делом, а потом, подхватив меня под локоть, выволок на лестничную площадку.

– Эй, ты чего, сдурел? – стала я от него отбиваться, поскольку все еще в пижаме была. – Дай хоть одеться!

– Ну, накинь что-нибудь по быстрому, – поморщился он, косясь на застывших в прихожей Марго, Стаса, Яна и Туську.

– А в чем, собственно, дела? – ну, разве это не странно, испытывать со стороны Мишки подобную бесцеремонность, когда у нас с самой ликеро-водочной безопасностью все в высшей степени благополучно утряслось? – Если тебе мои показания нужны, то я же не против!

– Да просто в одно место подъехать надо, – отводя взгляд в сторону, пробурчал Мишка.

– Это в какое же? – уточнила я, холодея от мысли, что он «обезьянник» подразумевает.

– В морг, – глухо выдавил из себя Мишка. – Племянницу вашу опознать. Ее ночью из Беглянки выловили.

ГЛАВА 15

– Ну, ты как? – склонившись надо мной, как скорбящая мать на дореволюционном надгробии, Мишка заботливо обмахивал меня своей папкой с документами.

– Не знаю, – честно призналась я и снова закрыла глаза. А когда открыла, из-за Мишкиной спины выдвинулся патологоанатом в сером застиранном халате и протянул стакан с подозрительной прозрачной жидкостью.

– Что это? – я вжалась в спинку стула.

– Всего лишь вода, – заверил меня патологоанатом и вкрадчиво поинтересовался: – А вы чего ожидали? Формалина?

– Я?.. – я в ужасе покосилась на металлический стол, на котором под грязной простыней лежало то, что, по утверждению Мишки, еще вчера было Лизой, и отчаянно замотала головой. – Спасибо, не надо!

– Как хотите, – сомнительный стакан исчез из поля моего зрения.

Я же сползла со стула и чуть ли не на четвереньках выбралась из прозекторской в коридор. В сопровождении Мишки, который, передвигаясь традиционным образом, с трудом за мной поспевал.

– ...Тогда распишись в протокольчике, – Мишка пристроил меня в каком-то жестком коленкоровом кресле, а свою папку на облупленном подоконнике, – а потом я тебя домой отвезу.

– В каком протокольчике? – заерзала я в кресле, о чем впоследствии горько пожалела, поскольку порвала колготки, зацепившись за щербатый край сиденья.

– Об опознании, – Мишка раскрыл папку и, посплюнявив палец, вытащил одну из своих многочисленных бумаженций. – Вот тут распишись поставь, – сунул он мне ручку.

– Подожди... – Я печально обозрела стрелку на своих колготках, которая, беря начало у меня под коленкой, как Беглянка, петляла вдоль икры, после чего терялась за голенищем сапога. – Но как я могу?.. У нее же практически нет лица!

Мишка сразу нахмурился:

– Гм-гм... А чего ж ты тогда в обморок грохнулась?

– Как чего? – ахнула я. – Да от такой картины у крокодила инфаркт миокарда будет.

– Черт! – Мишка не скрывал постигшего его жестокого разочарования. – Не знал, что ты такая слабонервная. А еще сыщицей заделалась!

– Ну, извини, – шмыгнула я носом и сделала попытку немного привстать с кресла, чтобы проверить, не отнялись ли у меня ноги на почве перенесенного стресса.

Мишка же тем временем перетасовал бумаги и озабоченно поскреб пальцами свой не очень тщательно выбритый подбородок:

– Погоди... А все остальное, кроме лица... Фигура, волосы, одежда, особые приметы наконец?

– Остальное? – я сосредоточилась. Насколько это, конечно, возможно в подобных жутких обстоятельствах. – Фигура, по-моему, очень похожа. Волосы... Волосы тоже. Одежда... Да... На Лизе вчера была точно такая же: джинсы, свитер, ботинки... Неужели ж это все-таки она? Но что у нее с лицом?

– А ты бы чего хотела? – равнодушно пожал плечами Мишка. – Беглянка речка, хоть и довольно мелкая, но бурная. Все-таки с гор течет. Опять же коряг в ней всяких полно и дно каменистое... Под илом. А, кроме того, ее же к опоре моста прибило. А иначе еще неизвестно, когда б ее выловили. Самое раннее через неделю и намного ниже по течению.

Да, между прочим, последнюю фразу Мишка почти мечтательным тоном произнес. Из чего без труда можно было сделать вывод, что вариант, при котором Лиза всплыла бы намного ниже по течению, доблестную кондратовскую милицию устроил бы намного больше, чем теперешний.

– Вот еще что... Насчет особых примет, – снова прицепился ко мне Косоротов. – Какие-нибудь родинки или шрамы у нее были?

– А что, документов при ней не нашли? – вскинула я голову.

– Да ничего при ней не нашли, – огрызнулся Мишка, – а нашли бы, я тебя про особые приметы не спрашивал! Ну, так были у нее родинки или шрамы?

– А я откуда знаю? – теперь уже я на него полка-на спустила.

– Как откуда? Она же твоя племянница! – уставился на меня Мишка.

– Ну-у... – это ж надо, как мы с Марго влипли! – Честно говоря, это не совсем так... То есть, совсем

даже не так. Вообще-то, она мне никакая не племянница. Да и Марго тоже.

— Та-ак! — крикнул Мишка. — Но ведь ты же сама мне говорила!..

— Да, говорила, — вздохнула я и выложила ему все по порядку. И про то, как Лиза у нас появилась, и про то, как исчезла на «Мерседесе» своего Ореста. Пардон, Дениса.

Сказать, что на Мишку мой рассказ произвел очень сильное впечатление, все равно, что ничего не сказать.

— Так я и знал! — стукнул он кулаком по своей папке. — Так я и знал!

— А чего ж тогда спрашивал, если знал? — вяло огрызнулась я, сползла с коленкорового кресла и, хромя на обе ноги, поковыляла к выходу, чтобы наконец свежего воздуху хватануть.

Мишка, разумеется, следом за мной потащился, попутно все мои известные ему прегрешения перечисляя. А лучше бы про то, как сам в школе в девчачью раздевалку подглядывал, припомнил. Маньяк несчастный!

— Нет, но что мне с вами делать прикажете? — зудел он, как навозная муха над коровьей лепешкой. — В «обезьянник» вас что ли до выяснения всех обстоятельств законопатить? Потому что вы в буквальном смысле для общества опасны! Это что ж получается, а? Обратившаяся к вам за помощью девица почему-то тонет в Беглянке, а специалист по патогенным зонам почему-то сваливается с лестницы и сворачивает шею!

— Ну, этот-то, положим, к нам не обращался, — глухо опровергла я гнусные Мишкины измышления.

— И все равно это его не спасло! — не желал успокаиваться на достигнутом Мишка.

Я содрогнулась:

– Нет, а куда ты клонишь? И на что намекаешь? Я же вчера его в первый и в последний раз в жизни видела. Ну, сколько можно повторять, а? А если ты из-за ведра, то это даже смешно! Еще бы сказал, что я и Лизу утопила!

– А что, может, еще и скажу! – обрадовал меня Мишка. – Следствие ведь только начинается!

– А вот и дудки! Даже не мечтай! – предупредила я Мишку, чтоб не очень-то надеялся на меня свой «висяк» пристроить. – И заруби себе на носу, что мы с Марго Лизу вчера с рук на руки Москальцову сыночку передали. Между прочим, в целости и сохранности. А уж что там промеж ними потом было, лично я без понятия. А может, как раз этот Денис ее и утопил!..

– Тише! Тише ты! – зашикал на меня Мишка, испуганно оглядываясь.

– Ага! – злорадно усмехнулась я. – Что, ликероводочного ЦРУ боишься? Конечно, нас-то с Марго намного проще закатать, чем сына олигарха!

– Да что ты плетешь, Воробьева? – Косоротов поежился и втянул голову в плечи. – Знаешь, что за клевету бывает?

– А ты сначала докажи, что это клевета, – честно говоря, я и сама немного своей напористости удивлялась и могла объяснить ее только тем, что с утра не успела позавтракать. – А что касается, Дениса то даже если он ее не сам утопил, то уж точно довел до того, что она в Беглянку сиганула. Все они такие, эти оресты, язви их в душу! Ну ничего с восемнадцатого века не изменилось!

– Что?.. Какой арест? – Мишка даже не побледнел, а посинел, как цыпленок в морозилке. – С чего ты взяла? У меня и ордера-то нет!

– Да не арест, а Орест! – разъяснила я Мишке

нарочито уничижительным тоном. – Литературный герой такой!

– Герой? – Мишкина физиономия слабо порозовела. – Какой герой? Откуда он взялся?

– Откуда-откуда... Из классической русской литературы, откуда же еще. Ты что, про художественный вымысел никогда не слышал? – облила я презрением этого махрового двоечника и с большим удовольствием ликбез среди него провела. – Так вот, Орест – это герой романа «Бедная Лиза». Про любовь скромной русской пастушки к одному московскому хлыщу. И еще тому жмоту ко всему прочему. Прикинь, он ей всего-то рубль за целый букет ландышей заплатил! А она их в дубравах собирала, чтоб матери больной на лекарства скопить! Потом соблазнил, предварительно пообещав жениться. А сам, как водится, нашел себе богатую вдовушку и сделал бедной Лизе ручкой. Да, правда, расщедрился, аж целый столбик ей на прощание отвалил, чтобы, типа, она ни в чем себе не отказывала. Тоже не больно-то раскошелился! А Лиза... Лиза плохо кончила. Утопилась дурочка. Уж очень впечатлительная была. Да, а этот Орест, по слухам, сильно потом убивался, чему я не очень-то верю, если честно...

Мишка, впрочем, тоже недалеко от Ореста ушел. Вместо того, чтобы поблагодарить меня за то, что я его, темного, немного просветила, взял и рассвирепел, как бобик!

– Ты что, Воробьева, издеваешься? – проорал, а потом пообещал, что скоро мне не до шуточек будет, сиганул в милицейскую машину и, свирепо газанув, умчался прочь, оставив меня с открытым ртом у дверей морга.

Вот вам и все плоды просвещения!

* * *

— Это она? Скажи, это она? — похоже, Марго со Стасом все время, пока меня не было, так и проторчали в прихожей под дверью, как будто корни сквозь коврик пустили. А тут еще я в спешке мобильник позабыла, что, может даже, и к лучшему. А то бы они мне в морге каждую минуту названивали.

— Трудно сказать точно, но, в общем-то, похоже... — скорбно опустила я глаза, заодно высматривая свои тапки, которые, судя по всему, в очередной раз добычей нашего щенка стали.

— Что значит, трудно сказать точно? — переглянулись Марго и Стас, эти убитые горем несостоявшиеся родственники бедной Лизы.

— А то что... — я мучительно подбирала подходящую для такого случая формулировку, а последнее, замечу в скобках, не так уж и просто, учитывая, что я вам не Лев Толстой все-таки.

Это у него, говорят, словарный запас был прямо стратегический. И не думаю, чтобы с тех пор его кто-нибудь переплюнул. Ну, если только в прямом смысле. А че, народ и не на такие рекорды идет. Вон один смельчак из Англии. Сам себя в стеклянном ящике над Темзой подвесил, а потом то ли два, то ли три месяца свои естественные надобности мужественно на глазах у многочисленных зрителей справлял.

— Да что же ты молчишь? — нетерпеливо дернула меня за рукав Марго, не дала как следует с мыслями собраться. Хотя это в ее же интересах.

— Короче, — я как бы невзначай подальше от нее отошла. На случай, если она в обморок грохнуться вздумает. — Дело в том, что, как говорит Косоротов, наша Беглянка речка бурная, с корягами там всяки-

ми... А поэтому опознать ее, ну, Лизу, по лицу невозможно.

– У нее?.. У нее?.. – прошептала Марго побелевшими губами и в самом деле стала мало-помалу на Стаса заваливаться.

– Жуткое зрелище! – я мысленно прикинула траекторию ее вероятного падения и еще немного отодвинулась.

– Ужас-с!.. – со свистом выдохнула Марго, закатив глаза, опять похилилась, было, на Стаса, но в последний момент зависла и, как будто передумав, медленно сползла по стене на пол.

Стас, тот, конечно, побледнел и со всех ног на кухню за водой ринулся, а я, присев рядом с Марго на корточки, стала ее свалившейся с вешалки старой шляпой обмахивать. Но очнувшись она лишь после того, как из пробегавший по маршруту «гостиная – кухня» щенок, запнулся о ноги пребывающей в беспамятстве хозяйки, сочувственно заскулил и лизнул ее в нос.

– Люба... Люба... – позвала меня Марго слабым голосом, – получается, что мы... Что мы...

– Да ничего такого не получается! – в корне пересекла я ее попытки взвалить на себя вину за печальную Лизину участь. А то она большая любительница по поводу и без повода казнить. – Мы сделали для нее все, что могли. И даже больше. А она... Как ты там говорила?.. А, склонная к суициду! А за такой разве уследишь? К тому же один раз мы ее все-таки спасли. Считай, из-под поезда вынули!

– А если это не самоубийство, что тогда? – глухо простонала из-под вешалки Марго.

– Ну не знаю, – я тоже уселась рядом с Марго на пол, подперла спиной стенку, вытянула перед собой ноги и стала рассуждать логически. Как это у нас, у сыщиков, принято. – Кто же, по-твоему, ее поре-

шил? Этот Орест на «мерсе», что ли? Тогда, какого хрена он потом к нам заявился? А! Чтобы алиби себе обеспечить! Дескать, не знает, куда она подевалась, а она уже в Беглянке за корягу зацепилась!

– Ой! Не говори так! – скрипнула зубами Марго. – Я, как представляю, так у меня мурашки по коже... А что касается Дениса, то сколько времени прошло, прежде чем он вернулся к нам вчера якобы с вокзала? По его словам, по крайней мере. Где-то с час, да?

– Примерно, – кивнула я в знак согласия, жадно ловя ноздрями струящийся из кухни аромат свежего кофья. Оказывается, это Стас в кои веки сподобился его сварить. Чтобы поддержать нас с Марго морально и физически.

Мы приняли эту его заботу с благодарностью и, удобно расположившись под вешалкой с чашками в руках, продолжили упражнения в дедукции.

– В принципе, за час не то что Лизу, а пол-Кондратова перетопить можно, – прикинула я на вскидку.

– Но только чисто теоретически, – всхлипнула Марго и отхлебнула из чашки. – А практически только при условии, если жертвы не будут иметь ничего против. Потому что не мог же он ее в центре города с моста сбросить? А следовательно, должен был сначала в безлюдное место завезти... Да, Косоротов не сказал, где нашли тело?

– Да вот как раз возле моста и нашли, правда, не знаю, какого именно, – потерла я переносицу в задумчивости. – Говорит, к опоре ее ночью прибило. А иначе, дескать, отнесло бы ниже по течению.

– Да, в течении-то все и дело, – судорожно вздохнула Марго. – А, кроме того, мы ведь не знаем, сколько она времени в воде провела, прежде, чем ее нашли. А разброс может быть очень большой, от не-

скольких минут до нескольких часов. М-да... А что сам Косоротов по этому поводу говорит? И ты... Ты рассказала ему про то, что Денис Москалец увез от нас Лизу?

– Рассказала, – я протянула пустую чашку возникшему в прихожей Стасу.

– И что он? – Марго свою пустую чашку на пол поставила.

– А что он? – я с чувством глубокой благодарности приняла из рук Стаса новую порцию кофе. После чего он поднял с полу чашку Марго и удалился. – Затрясся и позеленел! Думаешь, охота ему с этим благородным семейством связываться. А тут еще, как нарочно, вчера Макс у них на лестнице шею свернул, а сегодня Лизу из Беглянки выловили.

– Ничего удивительного. У Москальца же в Кондратове все схвачено. – В этом вопросе Марго той же, что и я, точки зрения придерживалась. Причем, безоговорочно. – Отсюда вывод, что этому делу ходу не дадут. Максому смерть представят как несчастный случай, а Лизину как самоубийство.

– Погоди, – кое-что в размышлениях Марго меня насторожило. – А ты бы что, хотела Максому смерть по-другому представить? Что это убийство, да? Но тогда меня же первую в нем и обвинят. Из-за этого ведра. Косоротов, кстати, делал мне уже такие намеки. Очень прозрачные. А еще насчет Лизы аванс выдал. Типа, в случае чего, и ее на меня навесит!

– Ну, положим, для этого кишка у него тонка, – поспешила успокоить меня Марго. – Да и не пойдет он на такое, когда разберется, что все улики на Дениса показывают. Поэтому просто закроет дело за отсутствием состава преступления.

– А я все о Денисе думаю, – призналась я. – Ну,

на кой ему было ее топить? Просто потому что она ему надоела? Ну, как-то это уже чересчур, ты не находишь? Если он не маньяк какой-нибудь, конечно.

– Да, действительно, – заворочалась рядом Марго. Видно, свое лучшее место на твердом полу отсидела. – Убедительного мотива пока что не видно. Но, пока мы не узнаем, что произошло между ним и Лизой в течение часа, прошедшего с той минуты, как он увез ее от нас до того момента, как снова к нам приехал и попросил помощи в ее поисках, ничего нельзя исключать. Я уже молчу про целую ночь, которая оставалась в его полном распоряжении.

– ...И о которой мы вряд ли что-нибудь узнаем, – подхватила я эхом.

– Ну, это еще неизвестно, – загадочно улыбнулась Марго и буквально взлетела с полу. Точно подхваченное ветром невесомое перышко. Это при ее-то габаритах! – А знаешь, что мы сейчас сделаем? Свяжемся с Пал Палычем. Где, кстати, мы номер его телефона записали?

– Может, на холодильнике? – предположила я, вслед за Марго с полу подымаясь. Только в отличие от нее с кряхтением.

– Ага, тут он! – радостно отозвалась из кухни Марго и распорядилась: – Телефон захвати.

– Хорошо, – сказала я и потряхала в гостиную за ее мобильником, традиционно лежащим на верхней полке доперестроечной румынской горки. Хотя мой и поближе располагался. А именно, в моей сумке, столь же традиционно валявшейся на обувной тумбочке. Но в данном случае я исходила из того соображения, что так будет справедливее, раз уж Марго держит наш «общак». Причем, мертвой хваткой.

Заодно проверила, что Ян с Туськой в детской делали. А они мирно рисовали на обоях. И, судя по некоторым признакам, не какую-нибудь там абстракцию, а все ту же дорогую их маленьким сердечкам Лизу. Да еще как старались, аж языки высунули.

Я хотела было, отнять у них карандаши, а потом передумала. Зачем? Обоим все равно старые и облезлые. Кажется, и внезапно возникшая рядом со мной Марго к такому же выводу пришла, потому что вместо того, чтобы решительно наложить запрет на эту наскальную живопись, только дверь потихоньку прикрыла.

— А что, может, из них художники получатся? — обронила она мечтательно.

— Неплохо бы, — поддержала я ее. — Только желательно знаменитые, а не какие-нибудь там непризнанные гении.

— Тогда, пожалуй, отдадим их по осени в художку, — сделала заключение Марго и, пристроив у себя на коленях свой допотопный сотовый телефон, стала тыкать в его кнопки указательным пальцем. Да так сосредоточенно, словно на калькуляторе сложные вычисления производила. Потом приложила к уху и довольно долго озабоченно сопела, прежде чем произнесла наконец: — Пал Палыч? Это Маргарита Софокловна вас беспокоит. Не забыли? Ну что вы... Что вы такое говорите... Хи-хи-хи... Извините, я понимаю, что вы очень занятой человек, но не могли бы вы к нам на минутку заглянуть? В связи с неожиданно открывшимися обстоятельствами? Да-да, ждем с нетерпением.

Марго снова положила свой мобильник к себе на колени и посмотрела на меня. При этом в ее греческих очах светилось тихое торжество.

ГЛАВА 16

Глава ликеро-водочной безопасности и впрямь почтил нас своим присутствием, не обманул. Правда, ближе к вечеру. А потому день прошел томительно. Марго даже дважды ему перезвонить порывалась, но в последний момент от этой идеи отказывалась.

Стас, словно нанялся нас удивлять: не только взвалил на себя заботы по хозяйству, но и то и дело интересовался, не желаем ли мы чего-нибудь. Вроде чайку или кофейку. А еще больше нас дети потрясали, которые продолжали творить на обоях с небольшими перерывами на обед и полдник. Мы с Марго время от времени заглядывали в детскую и каждый раз поражались масштабам увиденного.

– Кажется, это у них триптих, – в довершение ко всему мудрено изрекла Марго шепотом.

– Да ну? – восхищенно цокнула я языком, не очень хорошо понимая, что это за триптих такой. Но чего бы он там не обозначал, отмечу только, что больше всех им непривычно обделенные вниманием наших отпрысков кот с щенком довольны были.

А потом наконец в дверь позвонили. Я посмотрела в глазок, убедилась, что это тот, кого мы ждем, и быстро открыла дверь. Так что на раздавшийся из «вольтеровского» кресла вопрос «Кто там?», ответил уже Пал Палыч. В свойственной ему манере:

– А это Магомет к горе пожаловал!

А уж как он перед Марго расшаркивался! Это надо было видеть. Чуть ли не к ручке припал! Единственно выглянувший из кухни Стас непринужденную обстановку порушил. Пал Палыч, как его увидел, сразу заметно сник и на сугубо деловой тон перешел. По какому, дескать, вопросу я вам так срочно понадобился.

Марго спросила, знает ли он про выловленную из Беглянки мертвую девушку.

— Слышал, — сухо обронил глава ликеро-водочной безопасности.

Ну, дальше Марго, разумеется, поинтересовалась, в курсе ли он, что это та самая Лиза, что трудилась в хоромаш его шефа горничной, из-за которой, собственно, весь сыр-бор и разгорелся.

И в этот раз предводитель ликеро-водочной безопасности ответил утвердительно, однако никаких комментариев не присовокупил.

И лишь когда Марго на Дениса переключилась, наш Магомет позволил своему языку немного развязаться.

— В общем так, — заявил он, — чтобы между нами не было недоразумений, предупреждаю, что бы я вам не сказал, все должно между нами остаться. А теперь по существу дела. Во-первых, Дениса со вчерашнего вечера нет в Кондратове, поскольку он вернулся в Москву. Во-вторых, к этой утопленнице он никакого отношения не имеет. А в-третьих, вам же самым лучше будет, если вы в этой истории нейтральную сторону займете. Потому что, если большой шум начнется, ваше участие в ней тоже без внимания не останется. И может так случиться, что один несчастный случай с одним специалистом по патогенным зонам предстанет совсем в другом и очень неожиданном свете.

Вот так вот вам. Ни больше ни меньше. Не могу утверждать, что я его выступление дословно привела, но общий смысл ни чуточки не исказила, это точно. И он, этот смысл, мне совсем не понравился. Потому что, хотя я в нашей фирме не мозги, а ноги представляю, все равно скумекала, в какую степь он клонит. Намекает, что в случае чего они смерть несчастного патогенщика таким образом представят,

как будто это я его уконтрапупила. При помощи ведра с водой, злонамеренно оставленного на лестнице исключительно для того, чтобы его под корень извести.

— А ты обратила внимание, что он сегодня без акцента? — многозначительно посмотрела я на Марго, после того как за Магометом, тьфу ты, Пал Палычем дверь захлопнулась.

— Возможно, — рассеянно кивнула Марго и торжественно удалилась на кухню.

Я за неимением других занятий отправилась туда же, и застала там картину всеобщего уныния. Марго и Стас рядком сидели на табуретах. При этом держащий на коленях кота Стас тупо таращился в стенку, а Марго — на холодильник. В то время как лежащий у ее ног щенок полными несобачьей печали глазами неотрывно смотрел в пол.

А потому мне только и оставалось, что в окно уставиться. И созерцать за ним то же, что и всегда. А именно, как Костя-Подводник, широко известный местный забулдыга, а по совместительству наш провальный агент по «наружке», со своим дружкой сантехником Прокофьичем ищут себе компаньона для приобретения в ближайшем гастрономе бутылки «Гордой княжны». А поскольку осуществление их бизнес-плана заняло от силы минуточку-другую и закончилось тем, что из-за мусорки вывернулся какой-то тщедушный субъект, после чего вся троица целеустремленно удалилась со двора, то и созерцать стало нечего.

Тогда я отвернулась от окна и телик включила. В тихой надежде за бразильским сериальчиком время скоротать. А заодно и душой, как водится, отдохнуть. И что же я вижу? Там таких красоток в купальниках показывают, что Стасов взгляд самопроизвольно со стенки на телевизор переместил-

ся, по-прежнему оставаясь при этом тупым и апатичным.

У меня, признаться, возникла мысль, что это конкурс красоты какой-нибудь, не иначе, да тут за кадром голос с неистребимым кондратовским прононсом с разъяснениями выступил. Из коих следовало, что прекрасные дивы в неглиже – претендентки на роль модели для памятника гордой княжне, который будет установлен на центральной площади нашего славного города при спонсорской поддержке Кондратовского ликеро-водочного завода.

Само собой, эта история с памятником древней княжне, утопившейся в Беглянке, чтоб не достаться хазарскому хану, была мне уже известна, так же как, впрочем, и вам, и все же размах мероприятия меня здорово потряс. Да вы сами посудите, девицы на подиуме, как будто вчера из Голливуда сбежали, одной только Марго с ее сильно обрусевшими греческими «статями» и не хватает. А самое главное, ваять княжну с победительницы – Пал Палыч нам не сбрежал – собирался не кто-нибудь, а этот... Ну, как его... Ой, да вы его знаете... Вот только сейчас на языке вертелся! Ну, очень знаменитый, короче.

Да, а между делом, пока на экране мордашки с ножками мелькали, диктор с кондратовским прононсом соловьем о славных деяниях Аркадия Петровича Москальца заливался. Уж такой он, дескать, замечательный, прямо отец родной. А про то, какого он Эраста родил и воспитал, конечно же, молчок.

В общем, попялилась я в ящик попялилась и выключила от греха. По причине в очередной раз проснувшегося классового чувства. Это что ж получается, и Костя-Подводник за ликеро-водочного короля своим замусоленным рублем голосует, и кондратовские красотки ляжками, а он тем временем кого угодно готов в асфальт закатать, лишь бы

делишки его порочного сыночка огласки не получили!

А еще, не поверите, мне вдруг так бедную Лизу жалко стало. Вернее, обеих. И нашу, и ту что из книжки. Аж сердце кровью облилось.

– Ну и что? – повернулась я к Марго, которая упорно продолжала глазами холодильник сверлить. – Им это с рук сойдет, да?

– Я этого не говорила, – тихо откликнулась Марго, – но, боюсь, здесь мы бессильны. Ну что мы вдвоем можем этой ликеро-водочной охране противопоставить?

– Между прочим, не вдвоем, а втроем, – совершенно неожиданно встрял в наш разговор Стас, все еще гипнотизирующий выключенный телевизор.

– Это ты про что? – мы с Марго переглянулись.

– Про то, что вы всегда можете на меня положиться, – сообщил нам Стас заговорщицким тоном. – А насчет Лизы... Мы, как самые близкие ей в Кондратове люди, должны докопаться до истины!

– Должны-то должны, да как? – давненько я не видела Марго такой пессимистически настроенной. – Когда я даже не знаю, с чего начать! Нет, я разбита, разбита, совершенно разбита! – известила она нас со Стасом уже в окончательно трагической манере.

И, что самое ужасное, все мои попытки ее из этого коматозного состояния вывести, фиаско потерпели. А уж я и так и этак изощрялась. И на профессионализм ее любимый ссылалась, и на то, что она как-никак мозг, а я так, всего лишь ноги. Да все без толку.

– Ну, хорошо, – смирилась я в конце концов, – давайте уж, раз такое дело, пораньше спать что ли завалимся? – И зевнула.

И вот тут-то Марго свои коралловые уста и разверзла.

– Надо поискать свидетелей на вокзале. Если Денис не врал и они с Лизой там действительно вчера были, то кто-то должен был их видеть, – голос у Марго был такой глухой и безжизненный, точно из-под крышки гроба раздавался.

– А действительно! – ахнула я. Даже не пойму, почему мне самой такое в голову до сих пор не пришло? Наверное, потому что я все больше по ногам специализируюсь.

А Марго только вздохнула:

– Кажется, это единственное, что мы можем в сложившихся условиях предпринять...

– Вот и предпримем! – вскочила я с табурета и побежала в прихожую одеваться.

– Я с тобой! – вприпрыжку поскакал за мной Стас

Но я его остановила, строгим шепотом велев получше за Марго приглядывать, а то вон она какая подавленная. А заодно и за художниками нашими малолетними, конечно.

* * *

На кондратовском вокзале было немногочисленно. Как всегда. За исключением непродолжительного времени перед прибытием или отправлением московского поезда. А ведь он еще к тому же и через день ходит.

Оставив свою верную задрипанную «пятеру» на стоянке у вечно запертого по причине борьбы с терроризмом входа, я зашла в вокзал со стороны перрона и прикинула, насколько тамошний контингент в свидетели годится.

А контингента, как я уже успела вам сообщить, было раз, два и обчелся. Ну, кассирши, само собой, которые, сидя в своих окошках, вряд ли могли что-

нибудь видеть, так же как аптекарша в своем киоске в углу. Что до пассажиров – а Лиза пропала незадолго до поезда, только не «Кондратов – Москва», а проходящего – те, разумеется, давно уже уехали. А посему самыми перспективными из потенциальных свидетелей мне показались продавщица газет и буфетчица. Был еще, правда, и милиционер, скучающий у камер хранения, но его я из общего списка вычеркнула сразу и недрогнувшей рукой. Чтобы самой в свидетельницы не загреметь, а то хватит мне уже и Мишки Косоротова.

Потом, сравнив внешние данные буфетчицы и продавщицы газет, неторопливо направилась к первой. Кстати, выбор в ее пользу я сделала, потому что она была упитанной и, хотя и крашенной, но блондинкой, и смотрела на мир жизнерадостными сильно подведенными глазами, а продавщица газет – худой, почти что мумифицированной брюнеткой и вообще головы не поднимала.

И все равно, чтобы не вызывать лишних подозрений, пришлось на определенные жертвы пойти. А конкретно купить в буфете самое дешевое, что там было: твердый, как точильный камень, пирожок с капустой. За целых шесть рублей.

С этого-то все и началось. Потому что, хоть я этот пирожок и в порядке конспирации приобретала, вынести такого откровенного свинства все равно не смогла и, забраковав качество продукта, сделала попытку всучить его жизнерадостной буфетчице обратно.

Однако та принимать его отказалась. Причем, в самой что ни на есть категорической форме:

– Еще чего! Сначала облапала, а теперь возвращает!

– Но он же черствый! – резонно возразила я на это.

– А братъ не надо было, никто не заставлял, – не задержалась с ответом труженица прилавка.

– Так вы же меня не предупредили! – я уже всю права качала.

– А вы меня, между прочим, и не спрашивали! – пригвоздила меня убийственной логикой крашенная буфетчица, похоже, готовая за свой черствый пирожок до последнего биться.

– Ах, та-ак!.. – со всей дури треснула я пирожком по прилавку, от чего выставленные на нем сверху бутылки с пивом нестройно зазвенели. – Тогда жалобную книгу давайте!

– Щас! Разбежалась! – эта крыса буфетная широко расставила ноги и засучила рукава.

Само собой, у меня возникло острое и почти непреодолимое желание этим самым пирожком в ейную ряшку запустить, но я вспомнила, зачем пришла, и буквально в последний момент удержалась. Поэтому разошлись мы с ней вполне интеллигентно. Со словами: «на, подавись!» я швырнула засохший пирожок на прилавок и гордо удалилась, с досадой осознавая, что никакого разговора с этой мымрой у меня уже не получится.

Впрочем, с продавщицей газет у меня тоже ничего не вышло. Как я и предполагала заранее. И это несмотря на то, что я у нее вчерашнюю «Кондрашку» купила. Она, даже не посмотрев на меня, молча сунула мне ее руки и отсчитала сдачу самыми мелкими монетами. Вне всякого сомнения после инцидента с пирожком, я в ее глазах была распоследней скандалисткой, а потому на доверительную беседу не стоило даже и рассчитывать.

Пришлось обратить свой взор на аптекаршу. Может, она все же чего-нибудь и заметила из-за своих пузырьков и облаток. Ладно, так уж и быть разорюсь на аспирин, подумала я и уже сделала было

шаг в сторону аптечного киоска, когда у буфета интересная сценка разыгралась.

Сначала откуда-то со стороны туалета появился босой тип в одних трениках. А чуть ли не одновременно с ним с противоположного конца вокзала шикарно одетый, с точки зрения кондраховской барахолки, толстяк подтянулся. Их встреча состоялась в районе буфета, из которого оскорбленная продавщица засохших пирожков все еще метала в меня разъяренные взгляды. И только завидев толстого пижона, подобрала свой бюст с прилавка и завиляла задом, как дворняга хвостом.

Что касается толстого пижона, то он, притормозив у прилавка, задал буфетчице несколько вопросов. А эта всучившая мне окаменевший пирожок зараза подобострастно перед ним отчиталась. И хотя о чем они говорили, я, к сожалению, не расслышала, нетрудно было догадаться, что он не ассортиментом интересовался. Скорее уж выручкой.

Ну а уже после этого толстяк на босого типа в трениках внимание обратил.

— А, Полсосиски! — заржал он на весь вокзал. — Ну-ка, топай сюда!

И босяк безропотно ему подчинился. Подошел на полусогнутых и застыл в ожидании очередных приказаний. И они незамедлительно последовали.

— А ну показывай, что там у тебя! — гаркнул на него шикарный толстяк.

Не говоря ни слова, босяк вывернул карманы треников, из которых на вокзальный пол вывалились мужские часы и... И маленький серебряный кошелек, точно такой же, какой я в видела у Лизы, когда она, доказывая, что не крала денег, вывалила из сумки свои сиротские манатки.

— А ну давай сюда! — скомандовал толстяк.

Послушный босяк поднял с полу свое барахлишко и, согнувшись в три погибели, вручил толстяку. На глазах у дежурившего у камер милиционера, между прочим, присутствие которого никого из участников этой душераздирающей сцены ни капельки его не смущало!

Ну а толстяк с безгловым видом осмотрел вещички босяка. При этом часы забрал себе, а в кошелек только заглянул и тут же вернул его типу по кличке Полсосиски. А тот снова засунул его в карман треников, но с места не двинулся. Видимо, в ожидании новых повелений. И дождался на свою голову!

– Гавкай! – распорядился толстяк.

И что бы вы думали, муштрованный Полсосиски со всего размаху на четвереньки брякнулся и удивительно правдоподобно собаку изобразил. А как профессионально залаял! Убедительнее нашего щенка. Да уж, видели б его окрестные бездомные псы, наверняка бы, в массовое помешательство впали!

– Ладно, свободен, – наконец дал ему вольную толстяк, вдоволь насладившись диковинным зрелищем.

А Полсосиски, еще разочек тявкнув на прощанье, как был на четвереньках, так и побежал прочь. Причем с такой скоростью, что я его только у выхода на перрон и нагнала.

– Стой! – перегородила я ему дорогу. – И сейчас же гони кошелек!

А он вдруг ка-ак оскалится и ка-ак зарычит! Ни дать ни взять, собака Баскервилей!

Я от неожиданности отпрянула, а Полсосиски, воспользовавшись моим замешательством, с собачьей трусцы перешел на лошадиный галоп и молниеносно ускакал вдаль.

Последнее, что я успела увидеть, так это какой фонтан брызг он поднял, на четвереньках форсируя лужи на асфальте.

ГЛАВА 17

– Но почему, почему ты его не задержала и не узнала, откуда у него Лизин кошелек? – долго убивалась Марго, выслушав мой сбивчивый рассказ про Полсосиски.

– Да, а ты бы хотела, чтобы этот четвероногий друг меня искусал? – оправдывалась я. – И чтобы мне потом сорок уколов от бешенства вкатили?

– Ну, ладно-ладно, – сдала назад Марго, – главное, мы теперь доподлинно знаем, что Лиза на вокзале все-таки была. Иначе, как бы этот бродяга Полколбаски у нее кошелек свистнул!

– Не Полколбаски, а Полсосиски, – механически поправила я ее, все еще под сильным впечатлением от случившегося на вокзале находясь. – Нет, но видела бы ты, как он на четвереньках!.. По лужам, по лужам!..

– Значит, знает собака, чье мясо съела, – сделала убийственный вывод Марго.

– Что, думаешь, он и загрызть может? – покрылась я испариной.

– Да я в переносном смысле, – успокоила меня Марго и нервно забарабанила пальцами по подлокотникам «вольтеровского» кресла. – Выходит, Денис нас не обманул. Он действительно отвез Лизу на вокзал, откуда она сбежала. По крайней мере, по словам все того же Дениса. Что было потом, тайна, покрытая мраком. М-да... А до Дениса, к сожалению, не доберешься. Руки у нас для этого коротки. Как, впрочем, и у Косоротова.

— Тем более, как говорит твой Магомет, Денис еще ночью в Москву отбыл, — добавила я со вздохом. — А Москва от Кондратова далеко. К тому же у меня подписка о невыезде...

— Ну, насчет того, что он уехал, это еще бабушка надвое сказала, — качнула своим навороченным «вавилонном» Марго. — Хотя им-то, конечно, выгодно дело в таком свете представить. Как будто Дениса в ночь, когда утонула Лиза, в Кондратове уже не было: А в действительности они его только утром куда-нибудь отправили. В такое место, где его никто не найдет. К примеру, за границу. А еще вполне может статься, что он до сих пор в Кондратове, спокойно в доме у папаши отсиживается, но вряд ли нам удастся это выяснить.

— Это уж точно, потому что меня теперь к этому вражьему логову и на пушечный выстрел не подпустят, — целиком и полностью разделила я точку зрения Марго. А потом осторожно заглянула в детскую, где в своих кроватях мирно сопели носами Ян и Туська. А между ними, на раскладушке, Стас, который на вкрадчивый скрип двери ответил судорожным почесыванием левой пятки. Ну, в жизни не видела ничего умильнее!

Если бы еще не Марго, которая немедленно вернула меня к суровой реальности:

— Рассуждаем дальше... Итак, Денис. Что он за птица? Ну, на маляка вроде бы не тянет, но с тараканами, как я успела заметить.

— Да еще с какими! — подхватила я, взгромоздившись на диван с ногами. — Взять хотя бы его поведение на вокзале, когда мы там Лизу искали. Сначала был вполне нормальный, реагировал адекватно и вдруг — бац — ни с того ни с сего дал тягу. Даже не попрощавшись! Я уже молчу про сто баксов, которые он зажиллил! Тоже еще та сволочь, навроде Ореста! За копейку удавится!

– Да, действительно, странно он себя повел, – задумчиво протянула Марго, – а ведь сам просил, чтобы ты с ним поехала. Слушай, а ты ему ничего такого не говорила?

– Вот, интересно, а че б я ему сказала! – фыркнула я. – Сама подумай, какие у нас с ним темы для разговора могут быть? Кроме Лизы? Так что мы с ним все время только про нее, а больше ни про кого. Ну, еще про ее подружку по несчастью!...

– Какую подружку? – затребовала с меня подробностей Марго, как будто не она мне про пастушку с ландышами рассказывала. Память девичья, что ли?

Пришлось ей напомнить:

– Да все о том же. Ты что, про Лизину тезку из русской классики забыла? Ну, ту, что в пруду утопла!

И ничего, казалось бы, принципиально нового с восемнадцатого века я ей не сообщила, а Марго чуть удар не хватил.

– Как? – зашлась она в истерике. – Ты и про это ему рассказала? Но зачем, зачем?

-- Да просто так! К слову! – нет, и правда, чего я такого сделала?

– К слову? – запричитала Марго. – Да ты же ему, можно сказать, орудие преступления вручила!

– Да ничего я ему не вручала! Чего ты выдумываешь? – я судорожно соображала, к чему клонит эта Марго, у которой, по моим прикидкам, тараканов не меньше, чем у Дениса. – Да у меня тогда, если на то пошло, и сумки-то с собой не было!

Хорошо еще, быстро выяснилось, что Марго опять же в переносном смысле насчет этого орудия выразилась. А в прямом, знаете, что, подразумевала? Сядьте, а то упадете. Дескать, рассказом о литературной утопленнице я подала Денису идею, как ему с нашей настоящей Лизой расправиться!

Только я, хоть убейте, никакой вины за собой не чувствовала, о чем так прямо в лицо Марго и заявила:

– Ни фига! Я за всякую там литературу отвечать не собираюсь. А то мало ли кто чего напишет! А потом какой-нибудь козел пример из классики возьмет, а Люба отдувайся!.. Да если на то пошло, то я тебе еще больше скажу. Насчет ведра, через которое Макс себе шею свернул и за которое Косоротов с меня подписку о невыезде взял! Это что ж получается, опять Люба крайняя? А промышленность, преступно штампующая эти убийственные ведра, где? Как всегда, в стороне?!

В общем, так разошлась, что Марго еще долго остановить меня не могла. Хотя и на откровенную лесть в этих целях пошла. Даже стала нахваливать мой какой-то там особый дар смотреть на вещи под пара... парадоксальным углом. Ну я-то, конечно, поняла, что это не более, чем уловки, но мало-помалу остыла. Затаив при этом обиду на душе.

Так и заснула, можно сказать, вся в невидимых миру слезах. А во сне увидела Лизу. В бронзе. На высоком гранитном постаменте посреди нашей центральной площади, передом к гостинице «Кондратов», а задом к барахолке. Мне даже голову запрокинуть пришлось, чтоб в лицо ей заглянуть. А оно у нее было грустное-прегрустное.

– Ну, и чего пригорюнилась? – подмигнула я ей дружески. – Ты же теперь не кто-нибудь, а гордая княжна!

– Ну и чего хорошего? – буркнула в ответ Лиза. – Когда эти голуби уже хуже хазар достали!

Тут я смотрю, и, правда, пернатые Лизу с ног до головы обсидели. А некоторые, самые нахальные, так еще и обгадить норовят.

– Кыш! Кыш! Кыш, хазарское отродье! – замахала я на них руками... И проснулась.

Открыла глаза – вокруг темнотища, а из кухни – зловещий скрежет доносится. Точь-в-точь такой же, какой был, когда мы с Марго решили, что Лиза на люстре повесилась, а она всего лишь кастрюли чистила. Так неужели ж, подумала я холодея, она опять к нам явилась, чтобы начатое продолжить? Только теперь уже в виде бесплотного духа, естественно.

– Марго!.. – позвала я шепотом. – Марго, ты слышишь?

И когда Марго мне не отозвалась, меня обуял такой ужас, что я даже вроде бы какие-то ледяные пальчики на своей шее почувствовала.

– А-ай!.. – взвизгнула я нырнула с головой под одеяло.

Но эти жуткие звуки пробивались даже через ватин! Поэтому я не выдержала и, подумав «будь, что будет», вылезла из-под одеяла и, трепеща как былинка на ветру двинулась в направлении их таинственного источника.

До сих пор не помню, как я пересекла гостиную и миновала прихожую. Единственное, что врезалось в память, это мертвенно-голубая лунная дорожка в кухне на полу и нарастающий мерный скрежет откуда-то со стороны мойки. А еще та безрассудная отвага, с которой я щелкнула выключателем и, зажмурившись от яркого света, выкрикнула:

– Сгинь, нечистая сила!

И уже для крестного знамения руку занесла, когда из-за холодильника показалась Марго в кухонном фартуке, надетом поверх длинной, до пят ночной рубахи, и с кастрюлей руках.

– ...Т-ты? – застучала я зубами. – Что ты тут делаешь?

– Да вот, – пожала плечами Марго, – решила последнюю кастрюлю почистить. Ту, что Лиза не успела.

— А что, до утра подождать нельзя было? — гневно воззрилась я на эту верную продолжательницу Лизиного дела, по милости которой я чуть не поседела.

— Видишь ли, мне все равно не спалось, — ответствовала Марго извиняющимся тоном. — А кроме того, я в связи с этим одно удивительное открытие сделала. Представляешь, чистка кастрюль, оказывается, очень мыслительной деятельности способствует.

— Чего-чего? — прищурилась я, лихорадочно соображая, давно ли Марго с дубу рухнула. Этой ночью или еще накануне. Потому что, сколько я ее помню, ее мыслительной деятельности ничего, кроме дремотного возлежания в «вольтеровском» кресле, не способствовало.

— А что? Почему бы и нет? — Марго даже не улыбнулась. — У каждого сыщика свои приемы. Шерлок Холмс, например, на скрипке играл.

— А ты на кастрюле. За неимением скрипки, — прокомментировала я ситуацию. А потом, мысленно взвесив все «за» и «против», нашла, что, может, оно и к лучшему, что на кастрюле. А то еще, не дай Боже, пришлось бы на скрипку разоряться. Или, того хуже, на какую-нибудь там виолончель!

А Марго все не унималась, продолжала меня поражать.

— И знаешь, до чего я с помощью этой кастрюли додумалась? — объявила. — До очень и очень важного обстоятельства. Вот скажи мне, Люба, с чего Косоротов взял, что из Беглянки Лизу выловили, если при ней не нашли никаких документов, а по лицу ее узнать нельзя?

— Ну, как... — я замаялась, — так по фигуре и по одежде...

— Правильно, правильно, — Марго осторожно,

как хрустальную вазу, водрузила вычищенную ею кастрюлю на полку. — Только это ты ее по фигуре и одежде опознала, когда он специально для этого доставил тебя в морг. Но ведь к тому времени сам Косоротов уже знал, что это Лиза. Вопрос: откуда?

— А действительно... — протянула я и на свой табурет между столом и холодильником опустилась.

— Вот то-то и оно! — многозначительно подняла вверх указательный палец Марго.

— И... И что теперь? — пролепетала я, до глубины души потрясенная ее прозорливостью.

— А то, что ты завтра же пойдешь к Косоротову! — Марго уперлась руками в столешницу. — Расскажешь о том, что произошло на вокзале. Ну, о кошельке... Об этом человеке-собаке... А заодно потихоньку у него выведаешь, с чего он все-таки взял, что утопленница — Лиза.

— Ага, ага, — я даже возражений не нашла, как ни старалась.

А Марго еще тихо пробормотала, как бы сама с собой разговаривая:

— Конечно, у Косоротова, если его сильно припрет, будет большой соблазн упечь этого Полсосиски. Но, с другой стороны, лучшего повода его разговорить у нас может и не быть.

* * *

Стоит ли уточнять, что наавтра ровно в девять я уже топталась в местном околотке под дверью кабинета Мишки Косоротова, нервно поглядывая на часы. А Мишка, как обычно, задерживался. Явление для меня это было не новое, но никогда прежде я еще не ждала его с таким нетерпением. Ну где, где его черти носят? Да уж, конечно, не опасного рецидивиста отслеживает!

Потому-то, завидев Мишкиного помощника Ермакова, с которым он, по-моему, ни днем ни ночью не расстается, я бросилась на него с распростертыми объятиями. Только ничем он меня не порадовал. А даже наоборот огорчил, сообщив, что Мишка на больничном.

— Как на больничном? — ахнула я, заподозрив, что без бандитской пули здесь не обошлось. — Он же вчера меня в морг возил?

— Так то вчера, — уныло прогнусавил Ермаков, — а сегодня скоропостижно с радикулитом слег. А вы-то чего хотели? Он что, вас по повестке вызывал?

— Нет-нет, — замотала я головой. — Я это... По собственной инициативе. У... У меня очень важные сведения.

— Очень? — уточнил Ермаков с тяжким вздохом. — А то у нас полотдела болеет...

— Очень-очень, — заверила я его, хотя и сильно сомневалась, что от него можно будет чего-нибудь добиться. И не потому что он такой уж кремень, а потому что олух олухом. Даже на Мишкином фоне. Только и умеет, что картошку чистить. По крайней мере, когда он у нас в засаде сидел, Марго на него за это нахвалиться не могла.*

— Ну, тогда заходите, — Ермаков ключом открыл косоротовский кабинет, в котором мы и расположились в отсутствие его неустрашимого хозяина, главного кондратовского «знатока».

— Ну, и какие у вас сведения? — проканючил Ермаков, усаживаясь на Мишкин стул.

Я, естественно, такие-то и такие-то. Как меня Марго учила. И про Полсосиски, и про кошелек. А Ермаков сидит такой скучный-прескучный. Чувствуется,

* Речь идет о событиях, имевших место в повести «Госпожа Халява» (авт).

мой рассказ его не увлекает. Даже ничего уточнять не стал, только и спросил, когда я уже замолчала:

– Это все?

– Все, – подтвердила я, не скрывая своего разочарования.

– Тогда спасибо вам за информацию, – поблагодарил он меня и задумчиво на дверь посмотрел.

– Значит, я могу идти? – осведомилась я.

– Можете, – тупо подтвердил Ермаков.

Ну, и что мне было делать? Встала я со стула и к двери потопала. И уже за ручку взялась, а потом порывисто вернулась обратно к столу, чем вызвала явное неудовольствие Ермакова.

– Вы что-нибудь забыли? – нахохлился он.

– Да кое-что узнать, – ломанулась я напролом: – Когда вы прошлой ночью эту утопленницу из Беглянки выловили, почему сразу на Лизу подумали? У нее ж ведь документов с собой не было.

– Ах, это, – Ермакова мой вопрос не только врасплох не застал, но даже не насторожил, – телефонный звонок был. В дежурную часть. Звонивший называл ее имя. Сам, правда, не представился.

ГЛАВА 18

– Ничего себе! – присвистнула Марго. – Это что ж получается, Лизиним делом в данный момент никто не занимается? Кроме нас, конечно.

– Похоже на то, – шмыгнула я носом в знак солидарности. – Ермаков говорит, прямо на всю ментовку поголовный мор напал. Ну, чуть ли не он один остался. А Косоротова, прикинь, радикулит скоропостижно скосил!

– Ну надо ж, какое совпадение! – подхватила Марго с усмешкой. – Только-только выяснилось,

что последним, кто Лизу в живых видел, был сын Москальца, как у нашего главного пинкертоня не-домогание началось! Да уж, хорош, ничего не скажешь!

— А меня это не удивляет! Он и в школе такой был. Все норовил исподтишка портфелем по спине трахнуть. Трахнет и убежит. А так, чтобы лицом к лицу — никогда! Потому что он меня на голову ниже был, — поделилась я с Марго наболевшим. — А еще, когда мы с ним вместе сидели в шестом классе, делил парту линейкой и все норовил себе на сантиметр-другой больше отхватить. Я уже молчу про то, как он в девчачью раздевалку подглядывал!

В действительности, если я о чем-то и умолчала, так это о том, как на выпускном сильно подвыпивший Мишка полез ко мне целоваться, а я ему сказала: «Не умеешь, не берись!». И, не исключено, что с тех самых пор он на меня зуб и заимел.

— А уж двоечник был, — закатила я глаза, — побил все рекорды! В слове «еще» четыре ошибки делал. Да и по сей день тупицей остался. Я ему про «Бедную Лизу», про Ореста, а он дуб дубом. Короче, ни малейшего абстрактного мышления! Представляешь, он...

Только-только собралась я перечислить еще пару-тройку Мишкиных подвигов, прекрасно характеризующих его гнусную сущность, да Марго сбила меня с мысли.

— Господи! — выставилась она на меня. — А этому ты зачем классику пересказывала?

— А хотя бы для общего развития! — не растерялась я. — И потом эту... Аналогию провела. Между Денисом и Орестом!

— После чего его радикулит и разбил. Хорошо, что не паралик! — прыснула Марго и тут же посерьезнела. — Ладно, шутки в сторону. Уж больно меня

этот таинственный звонок в милицию беспокоит. Если некто сообщил, что выловленная из Беглянки покойница это Лиза, то он, по меньшей мере, должен был видеть, как она утонула.

– А по большей? – затаила я дыхание.

– А по большей, приложить к этому руку, – задумчиво произнесла Марго. – Хотя, конечно, это и странно звучит.

– И правда, – ухватила я за эту гипотезу обеими руками, – а вдруг это Денис позвонил? Допустим, совесть его замучила, как того Ореста. Позвонил, а потом и сам в Беглянку сиганул. Только его к мосту не прибило, а унесло вниз по течению, и теперь его не скоро выловят.

– А что, очень романтическая версия, – вопреки своему обыкновению, Марго не торопилась раскритиковать меня в пух и прах. – И Карамзину наверняка по душе бы пришлась.

– А че! – вдохновилась я. – По-моему, это было бы справедливо. И вообще, будь моя воля, я бы эту «Бедную Лизу» заново переписала. А то концовка какая-то... Во-первых, грустная. А во-вторых, невнятная. Мучился этот Эраст угрызениями, видите ли! А чем докажет? Вот если б он тоже на себя руки наложил, тогда другое дело. А так каждый прикинется!

– Вот и перепиши! – греческие очи Марго сделались хитрыми, как у лисички. – Тем более, сейчас это очень модно. Деньги лопатой отгребешь, не хуже Ульяны Дунайцевой. Особенно, если хэппи-энд приляпаешь.

– Да запросто! – я была в ударе. – Сама посуди, кому это надо, чтоб Лиза топилась? Лучше б они с Эрастом поженились. Ну, не сразу, конечно, а постепенно. Как в бразильском сериале. Сначала бы пострадали, помучились, поискали счастья на сто-

роне, а потом в процессе глубоких переживаний осознали, что созданы друг для друга как птица для полета, и воссоединились.

— Ага, в тысяча первой серии и по принципу: с милым рай и в шалаше, — поддакнула Марго.

— Ну уж нет, никаких шалашей! — категорически отрезала я. — Еще чего не хватало! Шалаши какие-то... Если уж счастье, так счастье! Чтобы и с дачей на Майами, и со счетом в швейцарском банке... Короче, с полным пакетом услуг.

Но эта Марго со своим знаменитым аналитическим умом, конечно же, не упустила случая все испортить:

— Вот интересно, а откуда же дача возьмется, если Орест предпочтет богатой вдове Лизу, а у той только ветхая избушка да мать-старушка?

Ну и въедливая!

— Э-э... — почесала я макушку, — так я ж тебе сказала, что они не сразу воссоединятся, а постепенно! А прежде он все-таки женится на вдове. Но поскольку она уже в преклонном возрасте, то заболеет и умрет, а наследство останется Оресту.

— Ты смотри, выкрутилась! — восхитилась Марго моей безудержной фантазией. — А то я уж думала, ты скажешь, что он ее укокошит. И с денежками к Лизе под бочок. А в результате классическая мелодрама «Бедная Лиза» превратится в боевик «Богатая Лиза».

— А что, это идея! — вошла я в раж. — Насчет заголовка! Он тоже какой-то не больно оптимистичский. Бедная Лиза! Прямо нет повести печальнее на свете. Нет, ты как хочешь, а это несовременно звучит. В наш-то век равных возможностей, когда все к повышению жизненного уровня стремятся. А в этом смысле такое название не стимулирует. Наоборот призывает крылышки опустить. Типа,

бедным уродился, бедным и помрешь. А вот «Богатая Лиза» уже совсем другое дело! Можно сказать, зовет к светлому капиталистическому будущему!..

Ну, и так далее со всеми остановками. А Марго она ничего, не только слушает, но и время от времени своим «вавилонном» кивает. Дескать, одобряю и горячо поддерживаю. А когда я паузу сделала, чтобы воздуху хватить, так и вовсе заявила:

– Молодец Люба! Прогрессируешь на глазах. Так что, если мы со своим сыскным бизнесом все-таки прогорим, без труда свое материальное положение с помощью твоего литературного таланта поправим. А не прогорим, так еще лучше. Потому что в твоём изложении наши деяния на детективном поприще, несомненно, на «ура» пойдут.

– Еще бы! – согласилась я без ложной скромности и хотела было продолжить с того места, на котором остановилась, да кто-то в дверь к нам позвонил.

Мы переглянулись.

– Может, это Стас с детьми с прогулки пришли? – предположила Марго. – Хотя рановато еще.

– Ладно, сейчас посмотрю, – скользнула я в прихожую, заглянула в глазок и увидела перед дверью неизвестную старушенцию в смешной шляпке с вуалью.

* * *

– Это здесь контора «Мозги и ноги»? – старушенция, которая, несмотря на преклонный возраст, не производила впечатления подслеповатой, внимательно изучила попавший в ее поле зрения кусок прихожей. С вешалкой и обувной тумбочкой.

– А что? – растерялась я, мучительно соображая, чем нам может грозить подобный визит. Учитывая то обстоятельство, что из санэпидстанции с провер-

кой, в каком температурном режиме мы храним мозги и ноги, к нам уже приходили, а пожарника пожилая особа в шляпке с вуалью ничем не напоминала.

— Я к вам по объявлению, — старушка достала из ридикюля «Кондрашку».

— Ах, вот оно что, — пробормотала я и позвала Марго, которая спустя полминуты застыла за моей спиной.

— Вот, — сказала я ей, не оборачиваясь, — это к нам по объявлению.

— Ну, тогда, чего же ты человека в дверях держишь? — попеняла мне Марго и рассыпалась в любезностях: — Проходите, проходите, сюда. Не стесняйтесь, пожалуйста...

А эта Шапокляк не больно-то и стеснялась. Величественно проследовала в гостиную и опустилась на диван, ненадолго взглядом за новогоднюю елку зацепившись. Хотя, должна заметить, ни один мускул на ее строгом лице при этом не дрогнул.

— Так что же привело вас к нам? — взяла быка за рога Марго, видимо, уверенная в том, что с долгожданной клиенткой дело имеет. В чем лично я почему-то сомневалась.

И не напрасно. Потому что очень скоро выяснилось, что старуха явилась к нам в несколько ином качестве.

— Вам все еще нужен человек? — осведомилась она степенно.

— То есть... — Марго посмотрела на меня испуганно. — Вы что имеете в виду?

— Как что? — Шапокляк развернула «Кондрашку». — Вы же ищете работника!

— Но... Но... — бедная Марго чуть не прослезилась. — Мы же там указали, что нам требуется мужчина до сорока пяти лет...

– И все? – уточнила настырная бабка как бы даже с укоризной.

– И все, – подтвердила Марго виноватым тоном.

– Ну, раз так, – опершись на подлокотник, Шапокляк грузно поднялась с дивана. – А то я думала, у вас солидная фирма...

– А с чего вы взяли, что она у нас не солидная? – почувствовала я себя оскорбленной.

– А с того, что это несерьезно для солидной фирмы без хорошего секретаря обходиться. А у вас его нет, как я понимаю, – ей-богу, эта Шапокляк была какая-то бронебойная. – Что касается меня, то у меня очень богатый опыт в этой области. Более сорока лет на Кондратовском ликеро-водочном оттрубила! Пять директоров за это время сменилось!

– Что вы говорите? – подобострастно заахала Марго. Такое впечатление, что не бабуса к нам наниматься пришла, а мы к ней. – А теперь вы, значит, оттуда уже уволились?

– Вынуждена была. Три года назад, – скорбно поджала губы Шапокляк. – Но с моим опытом, сами понимаете...

– Да-да, – Марго многозначительно наморщила лоб. – А как вас зовут, извините?

– Валерия Леопольдовна, – с достоинством отозвалась старуха.

– Ну, тогда, знаете что, – Марго заботливо подхватила ее под локоток, ненавязчиво в сторону прихожей направляя, – оставьте нам, пожалуйста, свои координаты, по которым мы могли вас найти. А то у нас еще штаты окончательно не утверждены. И, помните, мы вам не отказываем, и обязательно рассмотрим вашу кандидатуру на расширенном заседании. Причем, в первую очередь.

А я, следуя за ними по пятам, дивилась и строи-

ла догадки, кого к нам в следующий раз нелегкая принесет, после желторотого менеджера и спесивой перечницы с большим опытом. Не иначе, какого-нибудь тимуровца.

– Ну, и на кой ты ее обнадежила? – напала я на Марго, едва она неуюмную старуху выпроводила. – Еще будет теперь пороги оббивать!

А она меня ошарашила:

– Ну, знаешь, такими кадрами, как эта Валерия Леопольдовна не разбрасываются. Может, еще и пригодится.

– Да ты че? – ошалела я. – Хочешь эту гримзу на шею нам посадить? Да с ее богатым опытом мы будем у нее на побегушках!

– Да нет, я не в этом смысле, – загадочно молвила Марго, – хотя... Она уже три года как уволилась и, скорее всего, далеко не по собственному желанию... А впрочем, чем черт не шутит.

Однако этим она мою тревогу не уняла:

– Эй, ты не очень-то темни! Давай лучше сразу карты свои выкладывай!

– Да в том-то и дело, что нечего пока выкладывать, – грустно пожаловалась Марго. – Я тут ломаю голову, как нам из вражеского логова последние сведения добыть, потому что без этого наше расследование в тупике. Что, что там происходит? И где все-таки Денис?

– Боюсь, нам этого не выяснить, – мне ничего не оставалось, кроме как по-братски разделить ее уныние. – Они ж там теперь наверняка такую оборону держат. Комар не пролетит!

А Марго вдруг снова таинственность на себя напустила:

– Ну, насчет комара не знаю, а вот кое-кто другой туда доступ имеет. Та же Кира.

– А что Кира? – фыркнула я. – Так она нам что-

нибудь и скажет! И вообще, она такая зараза! Дремучей лохушкой меня обозвала, прикинь!

– Тогда тем более, стоит поучить ее Родину любить, – объявила Марго, чем в тупик меня поставила.

– И как же мы это сделаем?

– Да очень просто! Вспомни, что Лиза про найденный пузырек из-под аскорбинки рассказывала, – огорошила меня Марго.

– Значит?.. Значит, мы можем ее шантажнуть? – вы не представляете, какой елей у меня в душе разлился, когда мне такие светлые перспективы открылись. Поквитаться с этой заносчивой макаккой!

– А ты думаешь, зря я кастрюли драила? – хмыкнула Марго. – Вот только как бы нам эту Киру заполучить? Где она живет, мы не знаем, а торчать целый день на Заречной в ожидании, когда она к своей подружке пожалует, утомительно и опасно. Охрана может заметить. Вот если б нам ее на нейтральной территории застукать!

– Ха! Нет ничего проще! – с большим удовольствием дала я понять Марго, что тоже не лыком шита.

ГЛАВА 19

Салон «Мимоза», как и все основные достопримечательности Кондратова, находится на проспекте Демократов. В двух кварталах от барахолки и аккуратно супротив бывшей бани с мраморной лестницей, в которой ныне чертова уйма разнообразных контор и конторок, в том числе и «Рабыня Изаура», точнее «Все для вас». Впрочем, я опять отвлеклась. Сейчас ведь речь о «Мимозе».

Так вот, скажу вам по секрету, что несмотря на великие рыночные завоевания, она как была так и

осталась занюханной цырюльней, специализирующейся на химических завивках. И в ее пыльных окнах по-прежнему висят обсиженные мухами портреты красоток с прическами, вышедшими из моды еще в те времена, когда проспект Демократов назывался проспектом Коммунаров. Да и внутри там мало что изменилось. Подозреваю, что и сервис особенных перемен не претерпел.

В чем я, собственно говоря, и убедилась, изучив на скорую руку вывешенный при входе «Прейскурант услуг населению», где на первом почетном месте все та же химическая завивка значилась, по цене от восьмидесяти до трехсот рублей за голову. Ну, а уже за нею шли помывка волос за сорок рублей, стрижка «модельная» за сотню и «пенсионная» за полтинник.

Что касается наплыва посетителей, то его в «Мимозе» не наблюдалось. Так, один-единственный дедок в мужском зале. А женский, тот вообще пустовал. Только две парикмахерши от безделья в телик таращились. Правда, с моим появлением они заметно оживились и в четыре глаза теперь уже на меня уставились. Причем, довольно-таки хищно.

– Ну, что будем делать? Химию? – с надеждой в голосе осведомилась плотная брюнетка с творческим беспорядком на голове.

– Э-э... – честно говоря, к такой жертве я готова не была, – я собственно... У вас тут Вика работала...

– Ах, эта! – фыркнула брюнетка и обернулась к своей напарнице, тощей девице с пережженным перекисью мышинным хвостиком: – Слышь, Надюха, тут нашу фифу спрашивают!

– Надо же! – девица посмотрела на меня, как психиатр на пациента-хроника. – Да она давно уволилась...

Я в притворном расстройстве зацокала языком:

– Уволилась? Жалость какая...

Тетка с творческим беспорядком и девица с гидроперитным хвостиком весьма красноречиво переглянулись. Нашла о ком жалеть, без труда читалось в их пренебрежительных взорах.

– Так вы чего хотели? – брюнетка, похоже, не оставляла заветной мечты осчастливить меня перманентом.

Ну не могла же я им сказать, что я всего-навсего хотела б посплетничать с ними о той, которую они столь презрительно фифой величали! Притом что они ее белые косточки, небось, по сорок раз на дню переминают. Только в непринужденной обстановке.

И-эх, была не была! Как говорится, где наша не пропадала!

– Да постричься... Немного... – я как в прорубь бросилась.

– Постричься? Это не ко мне. – враз потерявшая ко мне интерес обладательница творческого беспорядка на голове переадресовала меня тощей Надюхе. Видно, меньше, чем на химическую завивку, размениваться не желала.

– Проходите, садитесь, – кивнула на свое кресло Надюха, и я поплелась в указанном направлении, как вы, наверное, догадываетесь, без всякого энтузиазма. А точнее, как корова на бойню.

– Ну, как будем стричься? – безразлично справилась Надюха, завязывая у меня на загривке тесемки клеенчатого фартука.

– А может... Может, вы меня просто уложите? – запаниковала я при виде ножниц в мозолистых Надюхиных руках. Уж больно мне не хотелось быть дважды оболваненной в этой «Мимозе».

И тут пошло-поехало. Прежде всего Надюха заявила, что сначала мне нужно вымыть волосы, по-

сколько они, дескать, грязные, а я ведь только вчера купалась!

Ладно, это я стерпела, прекрасно осознавая, что на самом деле ею движет естественное желание слупить с меня заявленные в прейскуранте сорок рублей за помывку головы. В дополнение к тем, которые она сдерет за укладку. Черт с тобой, подумала я, так уж и быть, наживайся за мой счет, само собой, рассчитывая при этом на благодарность с ее стороны. Состоящую, если не в качестве прически, то, по крайней мере, в элементарном благорасположении.

Только не тут-то было! Намыливая мне голову, Надюха молчала, как партизанка, даже когда я взвыла из-за того, что она меня чуть не крутым кипятком ошпарила. Всего лишь равнодушно осведомилась: «Что, горячо?», покрутила краны и окатила меня теперь уже ледяной водой.

Однако я стойчески переносила эти мучения, надеясь таким образом контакт с ней наладить. А эта мымра – чтоб ей пусто было – вместо того, чтобы вовсю трепаться, только мурлыкала себе под нос какой-то фальшивый мотивчик!

В конце концов, я не выдержала:

– Гм-гм... А эта... Вика, она, не знаете, где сейчас работает?..

– Да нигде! – отрезала Надюха раздраженно, и мне почему-то показалось, что на ликеро-водочную королеву у нее зуб имеется.

Правда, тут на мое счастье у ее подружки с фантазийным беспорядком язычок развязался.

– А зачем ей работать? Она же у нас теперь богатая! – язвительно заметила она.

– Ага, – недовольно буркнула Надюха, которая, оборачивая мне голову, так орудовала полотенцем, как будто с манекеном дело имела, – богатая... А полтыщи мне так и не вернула! Зараза!

– Не тебе одной! – с готовностью подхватила Надюхина напарница. – У меня она тоже стольник брала. На какие-то таблетки для похудения. А я, дура, дала. А толку-то, она, как была бомбовоз, так и осталась!

– Зато кошельки у нас похудели! – фыркнула Надюха и врубила фен, который взревел, как взлетающий «Боинг», а потому попытки развить наклюнувшуюся, было, непринужденную беседу о Вике Москалец мне пришлось приостановить до лучших времен.

А они наступили нескоро. Минут через двадцать примерно. А до тех пор мне пришлось скрежетать зубами из-за того, что эта фефела со своим феном в самый неподходящий момент встряла. Когда речь о таблетках о похудения зашла, от которых логический мостик к Кире сам собой перекидывался, поскольку как раз таки она этим добром Викторию Москалец и снабжала.

В результате я так изнемогла в ожидании, когда прекратится рычание фена, что совсем уже от процесса укладки отвлеклась. А зря, потому что... Потому что, взглянув ненароком в зеркало, потеряла дар речи. Хотя фен наконец заглох, и вроде можно было бы уже и рот раскрыть.

– Нравится? – спросила Надюха, заметившая, как я в лице переменялась.

– М-м-м... – исторгла я из себя невнятное мычание, в смятении всматриваясь в свое отражение, не будучи при этом полностью уверенной, что оно действительно мое.

– Вам очень идет, – заверила меня Надюха и для пущей убедительности поддержкой со стороны напарницы заручилась: – Правда, Кать, ей идет?

Та, с трудом оторвавшись от телика и что-то жуя на ходу, подгрребла к нам поближе. Затем склонила

голову к плечу, скрестила руки на груди и авторитетно заявила:

– На двадцать лет помолодела!

– Кто? – не поняла я.

– Ну, вы, конечно, не я же, – апатично прогнусавила Катя и вернулась к ящику.

Естественно, после таких утверждений я опять посмотрелась в зеркало и пришла к выводу, что, если б я действительно на двадцать лет помолодела, то должна бы выглядеть юной школьницей с бантиками. А в данном случае я напротив свою бывшую классную руководительницу Клавдию Васильевну напоминала. Еще б очки в позолоченной оправе, указку в руки и классный журнал под мышку – и вообще одно лицо было бы. Того и гляди, с языка сорвется что-то типа: «Воробьева, а ты юбку покороче надеть не могла?»

Но, несмотря на то что меня так и подмывало устроить небольшой скандалчик, как и в прошлый раз, когда меня под ножницы Виктории Васильевны угодить угораздило, я выдавила из себя фальшивую улыбку и невнятно проблеяла:

– Да-а... Пожалуй, в этом что-то есть...

– Тогда с вас сто пятьдесят, – немилосердно добила меня Надюха и развязала тесемки фартука на моей шее.

– За что?! – воскликнула я возмущенно, но быстро взяла себя в руки и полезла в сумку за кошельком. – Э-э... Я только хотела спросить... Вы тут про средства для похудания обмолвились, так вот, а Вика не говорила, у кого она их приобретала? А то я тоже этим делом увлекаюсь...

– Кать! – Надюха окликнула прикипевшую к телевизору специалистку по перманенту. – Ты не знаешь, у кого наша фифа таблетки покупала?

– Да у какой-то Киры, что ли, – не отрываясь от

телика, отозвалась Катя. — Но я ее ни разу не видела. Знаю только, что она ей регулярно названивала и часами зудела. Однажды даже одна клиентка через эту Кирку чуть было не облезла. Ну, фифа-то наша ей завивку делала, намазала, короче, составом — и к телефону с этой своей подружкой лясы точить. В общем, пока она ля-ля, клиентка уже дымиться начала!

Собственно говоря, на этой печальной, если не сказать, жуткой ноте все откровения и закончились. Я поняла, что ничего более конкретного о Кире у Надюхи и Катюхи мне при всем желании не выудить, и медленно сползла с парикмахерского кресла, краем глаза наблюдая, как Надюха сгребла мои кровные и нарочито небрежно в ящик под зеркалом зашвырнула. Наверняка, сочла меня крохоборкой из-за того, что я ей ни копейки сверху не отвалила. И по-своему, имела на это право. Я ж ведь все-таки не облезла. Хотя и могла бы.

* * *

И все же настроение у меня, когда я из проклятой «Мимозы» вывалилась, было хуже некуда. Да сами прикиньте, какие потери я понесла, а все ради чего? Чтобы печальную историю частично облезшей клиентки выслушать? Обидно, честное слово, обидно!

Но это еще пустяки. Потому что видели бы вы, как я в родную «пятеру» со своим новым причесом втискивалась! Уверяю вас, картина была не для слабонервных. Ибо усилиями Надюхи моя голова не только увеличилась в размерах раза в три, как минимум, но и приняла такую причудливую форму, что перестала проходить в дверцу. И я здорово намучилась, прежде чем все-таки просунула ее в са-

лон и то боком, и предварительно втянув в плечи. А уже потом, в машине, она так уперлась в потолок, что я стала опасаться, как бы у моей бедной «пятеры» крышу не подняло.

Да и без ДТП, можно сказать, только чудом и обошлось. Во-первых, из-за того, что будучи не в состоянии поворачивать голову, я полностью лишилась бокового обзора. А во-вторых, из-за вызванной моим экзотическим видом аварийной обстановки. Конкретно выразившейся в том, что водители встречного транспорта вместо того, чтобы внимательно следить за дорогой, как по команде, шеи в мою сторону вытягивали. А какие у них при этом глаза были! Ну, почти как у нашего кота, когда Ян с Туськой на него очередную облаву устраивают.

Однако первые жертвы моей красоты случились уже после того, как я к дому Марго подъехала. И стали ими Костя-Подводник с сантехником Прокофьичем, на свою беду о чем-то оживленно переговаривавшиеся у подъезда. И я даже догадываюсь о чем, все о той же «Гордой княжне». А, впрочем, все по порядку.

В общем, зарулила я на стоянку, чин-чинарем припарковалась и стала вылезать из машины, а это, как вы понимаете, далось мне не без усилий, хотя и с меньшими, чем те, что мне пришлось приложить возле парикмахерской. Оно и понятно, все-таки я уже как-то приноровилась да и тактику правильную выбрала. А именно стала задом пятиться и таким образом уже практически целиком наружу выбралась а затем постепенно, буквально миллиметр за миллиметром, и голову вызволила. Ну и пошла себе к подъезду, возле которого та самая историческая встреча с Костей и Прокофьичем, о которой я уже обмолвилась ранее, и произошла.

Первым пал Костя. Потому что стоял ко мне лицом.

— Ой! — сказал он и присел на ступеньку крыльца.

А уж потом и Прокофьич обернулся. Так медленно-медленно. Скользнул по мне застывшим взглядом и пробормотал растерянно:

— Вроде как «белочка»!.. А мы, считай, с утра не в одном глазу...

Так ничего и не сказав, я величаво проследовало мимо остолбеневших приятелей, злонамеренно оставив их в заблуждении относительно собственной природы. А пусть думают, что я галлюцинация какая-нибудь. Глядишь, бухать меньше будут.

А вот с Зойкой, соседкой Марго по лестничной клетке и ярой поклонницей творчества Ульяны Дунайцевой, обойтись столь же немилосердно я уже не смогла. А иначе бы она себе шею свернула, точь-в-точь как Макс, небезызвестный специалист по патогенным зонам.

— Ой! — схватилась она за сердце, а потом отпрянула и несколько на правый борт накренилась.

— Не бойся, Зойка, это я, Люба! — поспешила я ее успокоить и на всякий случай под локоток подхватить.

— А чего это с тобой? — Зойка вглядывалась мне в лицо, похоже, все еще сомневаясь, я это или не я.

А вы думали, это вам шутки, на двадцать лет за раз помолодеть!

Хорошо еще, что Зойка быстро очухалась, а то она, хотя по объемам и уступает Марго, но тоже будь здоров какая увесистая. И случись с ней припадок, мне ох как несладко пришлось бы. Поскольку на лестнице не больно-то увернешься. Да и брать на себя второй труп опять же неохота.

И все бы ничего, если б пережитое Зойкой потрясение на ее и без того скромных умственных способностях не отразилось. Потому что она сначала пришла в нездоровое веселье, а потом совершенную несуразицу понесла. Ну, к примеру, как вам такое понравится?

– Как хорошо, – говорит, – что ты мне попалась! А то я как раз зайти к вам собиралась. Небольшую сумму одолжить.

Ну, точно в уме повредилась! Да разве ж мы с Марго похожи на тех, у кого деньги водятся?

А эта дурында вместо того, чтобы идти себе куда шла, схватила меня за пуговицу и проникновенно заканючила:

– Ну, Любочка, ну, солнышко, ну, выручите вы меня, пожалуйста, а я вам с зарплаты верну. Мне очень нужно. На одно очень хорошее импортное средство для похудения.

ГЛАВА 20

– Сейчас, сейчас мы тебя выручим! Еще как выручим! – пообещала я Зойке, заталкивая ее в нашу прихожую. – Говоришь, средство для похудения приобрести решила? А у кого, если не секрет? Не у Киры ли?

– У Киры, – тупо кивнула Зойка. – А ты откуда узнала?

– Сорока на хвосте принесла, – хмыкнула я. Нет, но это ж надо было в эту дурацкую «Мимозу» тащиться и переносить там моральные и физические страдания за свои же кровные сто пятьдесят рубликов, имея под боком падкую на всяческий охмурез Зойку! Мимо которой ни один уважающий себя мошенник не пройдет! Да-а, права ино-

гда Марго бывает, профессионализма у нас пока что не хватает.

А вот, кстати, и она, легка на помине. В дверном проеме нарисовалась. И смотрит на меня с испугом. А из-за ее спины Стас показался. Очень бледный. А следом и Ян с Туськой выкатились и с живейшим интересом на меня уставились, как это с ними случается всякий раз, когда в нашем доме новое действующее лицо возникает.

Но нестандартнее всех себя кот со щенком повел. Первый выгнул спину и зашипел, а второй сначала зарычал, а потом таким грозным тьявканьем разразился, что соседи снизу в испуге по батареям застучали. И как бы даже молотком, судя по характерному металлическому гулу.

Но это б я еще пережила, если б щенок вдруг не осканился и не продемонстрировал намерение меня за ногу цапнуть. Это родную-то хозяйку! К тому же после той доблести, которую он перед ликеро-водочной безопасностью проявил, когда позорно за диван забился?

— Да вы что тут все нюх потеряли, что ли? — возмутилась я.

— Ой, это ты, Люба? — пролепетала Марго и сделала робкий шаг в мою сторону.

— Ну я, конечно, кто же еще, — пробурчала я, как злой дух, от зеркала взгляд отводя.

— А что это с тобой? — похоже, Марго все еще сомневалась, что перед нею ее же лучшая подружка, а также партнерша по детективному бизнесу.

— А со мной то, что я на двадцать лет помолодела, — вздохнула я, направляясь в ванную. — Всего-то-навсего, а сколько шуму! Ладно уж, пойду мою голову, раз вы в красоте ничего не понимаете...

Правда, на полпути я остановилась и строго-настрого велела Зойке никуда без меня не отлучаться.

– Как скажешь, Любочка, – просюсюкала Зойка, по всему виду, пребывающая в уверенности, что по выходу из ванной я ей денежки на чудодейственное средство для ее жиров отстегну. Ага, щас, разбежалась!

Тем временем, воспользовавшись заминкой, ко мне и Стас с детьми приблизились. На относительно безопасное расстояние. При этом Туська долго и с некоторым недоверием вглядывалась в мое лицо, а Ян, тот быстро сориентировался и даже деловой совет мне отпустил:

– А я б, тетя Люб, на вашем месте ничего и не мыл, а посол и банк глабанул. Вам же даже колготки на голову одевать не надо, и так никто не узнает!

– Ну вот, насмотрелись, называется! Нет, выкину я этот ящик! – истерически выкрикнула Марго и простерла руку в направлении кухни, где в красном углу на холодильнике стоит ее главный враг – наш новый телевизор.

Я же, заключив про себя с удовлетворением, что жизнь в этом доме вошла в привычный ритм, быстренько нырнула ванную, а уже там подставила голову под струю теплой воды и минут десять держала в одном положении. Каково же было мое удивление, когда, высунувшись из-под крана, я обнаружила, что, несмотря на интенсивную головомойку, мои волосы с поразительным упорством продолжали торчать во все стороны. Чего другого, а лака Надюха из «Мимозы» на меня не пожалела! Да еще какого-то особо стойкого, наподобие клея «Момент». Уж так отлакировала, что моя бедная голова приняла свой первоначальный вид лишь после того, как я на нее полбутылки шампуня перевела!

– Уф-ф! – отфыркиваясь как лошадь, вывалилась из ванной и с порогу у Марго чайку запросила. До того умаялась.

– А мы тут как раз и чаевничаем! – радушно отозвалась из кухни Зойка, которая, оказывается, уже вовсю наше вишневое варенье уписывала. Совсем как этот Магомет – Пал Палыч, который сначала приговорил целую банку из наших стратегических запасов, а потом нас же репрессиями и застрашал!

– А тебе сладкое-то не вредно? – ревниво осведомилась я у нее. – Ты ж вроде как худеть собралась?

И тоже себе в розетку варенья побольше положила, а то за этой Зойкой разве успеешь. У нее вон челюсти, как у акулы, да к тому же она еще и зубы электрощеткой чистит!

– А одно другому не мешает, – последовал из Зойкиных уст легкомысленный ответ. – Эти таблетки, про которые я тебе говорила, они все сжигают. Подчистую! Те, кто их принимают, худеют буквально на глазах!

– Да неужели? – я хлебнула чаю, и на душе у меня потеплело. – Это тебе, небось, Кира такого наговорила?

– Она, – подтвердила Зойка, налегая на варенье с такой жадностью, как будто неделю голодала, а Марго, заслышав имя приятельницы ликеро-водочной королевы, резко вскинула голову.

– Ну и сколько же она за свои чудесные пилюли просит? – я незаметно подмигнула Марго.

– А это коммерческая тайна, – напустила было туману Зойка, но тут же его и рассеяла: – Полторы тыщи.

Не знай я, в какую сумму то же самое средство Виктории Москалец влетало, наверняка, подавилась бы, а так я только уточнила:

– Надеюсь, не долларов?

– Рублей, конечно! – вытаращилась на меня Зойка. – Но это недорого. В Москве они в три раза дороже стоят!

– Да? – удивилась я. – Что-то цены у нее эти... Как их?.. Эти самые... – щелкнула я пальцами.

Хорошо хоть Марго подсказать догадалась:

– Демпинговые!

– Вот-вот, они самые! – подтвердила я. – По крайней мере, я знаю одну особу, которая точно такие же за тыщу баксов покупала.

– Так я ж и говорю, что мне повезло! – радостно осклабилась Зойка и озабоченно на часы покосилась. – Только, девчонки, как бы все не сорвалось. Нам с Кирой скоро встречаться, а мне двух сотен не хватает. Так вы мне их одолжите или нет?

– Постой-постой, Зойка, – это уже Марго у меня инициативу перехватила, – а где у вас встреча назначена?

– Да у входа на барахолку, в половине третьего, – ответила, не подозревающая подвоха Зойка и добавила: – Всего сорок минут осталось, а от нас до центра двадцать минут на троллейбусе. И то, если вовремя придет. А Кира долго ждать не будет, тем более на ее товар спрос очень большой.

– Еще бы! – фыркнула я.

А Марго Зойку успокоила. Дескать, можешь не торопиться. Люба тебя подвезет. Добренькая наша.

– Но как же? – Зойка поглазела на мою обернутую полотенцем голову. – У нее же волосы мокрые!

– Ничего! – бодро заверила ее Марго. – Сейчас высохнут!

Я даже чаем поперхнулась:

– Это как интересно?

– С помощью фена, разумеется, – Марго и глазом не моргнула.

– Ну-ну! – сложила я руки на груди. – Тогда неси его сюда!

– И принесу, – Марго поднялась с табурета и удалилась, а я в ее отсутствие стала духовку нала-

живать, поскольку прекрасно знала, что фен давно на запчасти разобран. А кем, в уточнении не нуждается. Вы, небось, и сами уже догадались.

А скоро и Марго в этом убедилась. А потом еще долго, во всяком случае, пока я медленно поджаривалась, сидя возле духовки на корточках, потрясала бренными останками фена и причитывала:

– Это же не дети, а Золотая Орда какая-то! Все на своем пути сметают!..

Ну, и так далее и тому подобное.

На что Зойка по праву доброй посторонней тети оптимистично возражала:

– Какие пустяки! Может, они конструкторами будут!

– Ни фиги! – злорадствовала я из духовки. – Только грабителями!

– Типун тебе! – сразу перестала заходиться в стенаниях Марго.

– Тогда художниками, – вспомнила я про триптих на обоях в детской и, решив, что я уже в достаточной степени поджарилась, с кряхтением поднялась с полу: – Ну, Зойка, поехали пилюли твои покупать!

* * *

Надо отдать должное Зойкиной наблюдательности, Киру она раньше меня засекла, еще за полквартала тыкнув в лобовое стекло пальцем:

– Вон она! В красной коже!

Я прищурилась: да, фигура, застывшая сбоку от украшающей вход на барахолку арки с приглашением «Добро пожаловать», была примерно тех же пропорций, что и шустрая подружка ликеро-водочной королевы. А конкретно, имела форму перевернутой рюмки.

– Так я правильно поняла, ты мне две сотни даешь? – тут же стала ныть Зойка, сильно переживающая, как бы Кира свой замечательный товар другой дуре не сбыла.

– Не-а, – покачала я головой, радостно предвкушая скорую встречу с Кирой, имевшей однажды неосторожность меня дремучей лохушкой обозвать. – Я лучше сделаю, я тебе цену собью!

– Серьезно? – Зойкины гляделки недоверчиво округлились.

– Ага, – заверила я ее, выбираясь из машины, – причем так, что она тебе даром все отдаст.

– Да ну? – запыхтела за моей спиной Зойка.

Но я ей ничего не ответила, потому что была уже в двух шагах от Кире, которая, непринужденно покуривая, рассеянно глядела перед собой. Пока не заметила приближающуюся к ней жертву в Зойкином лице и живо ей ручкой не помахала. Мол, иди сюда, милая, неси свои денежки!

И счастливая Зойка вприпрыжку к ней поскакала. Подлетела и выпалила:

– Ну что, принесла?

– Как обещала, – терпеливо поджидавшая Зойку прохиндейка достала из сумочки пузырек с иностранной надписью.

Зойка воззрилась на него, как загипнотизированная, а я, подойдя сбоку, выхватила пилюли из Кириных рук со словами:

– Ну-ка, дай посмотреть!..

– Так, а это что еще?.. – начала было Кира на повышенных тонах да осеклась. Правда, ненадолго. Потому что узнала меня. – Ты? – вызверилась. – Чего тебе тут надо?

– Да вот подружку сопровождаю, – толкнула я в плечо недоумевающую Зойку. – А то деньги при ней большие. Мало ли...

– Да-да, она меня сопровождает, – поддакнула Зойка, не сводя с пузырька восхищенного взора.

– Так вот, – мертвой хваткой вцепилась я в заморское снадобье, – я вообще предлагаю оформление сделки в более подходящее место перенести, а то что мы тут впопыхах!

– В какое еще место? – задержалась подружка ликеро-водочного короля. – Не желаю я ничего переносить! Гоните деньги и все дела. Или таблетки мне возвращайте!

А Зойка, та заскулила, как маленькая:

– Люба, да ты что? У нас же с Кирой договор был! Она мне и так навстречу пошла! Уступку сделала.

– Ага, пошла, – я оттеснила эту бестию Кирку подальше от Зойки и перешла на шепот: – За какие-то несчастные полторы тыщи деревянных – полный флакон аскорбинки!

– Да что ты несешь, убогая? – попробовала оскорбиться она, одновременно красней своей красной кожаной куртки сделавшись.

– А что знаю! – не скрою, у меня было отличное настроение. – Ну Зойка-то ладно, кто она? Так, мелочь пузатая. Да и нагреть ты ее, можно сказать, на сущие копейки собиралась. Вот то ли дело твоя подружка Вика. Она за витамины полновесными баксами расплачивается. Даже не представляю, что будет, когда тайное станет явным!..

Я красноречиво закатила глаза, а Кира, резко сменив тон, вежливо осведомилась:

– Хорошо, чего вы хотите?

А я ей не менее вежливо ответила:

– Я же уже сказала, всего лишь переместиться в более подходящее место.

ГЛАВА 21

Зойка долго не могла поверить в то, что заветный пузырек ей задарма достался, а потому всю обратную дорогу периодически оборачивалась к сидящей на заднем сиденье Кире и цветисто рассыпалась в благодарностях. По гроб жизни, дескать, не забуду. Та ей отвечала, что всегда рада помочь хорошему человеку, однако физиономия у нее при этом злющая-презлющая была.

А Зойка, кстати, и мне признательность выражала. Справедливо полагая, что без моего непосредственного участия ее счастье нипочем не осуществилось бы. Во всяком случае, в таком объеме.

— А почему ж ты сразу-то не сказала, что вы с Кирой приятельницы? — все допытывалась она у меня.

— А я и сама не знала, — пожимала я плечами, наблюдая в зеркало заднего вида, как моя новая «приятельница» на глазах зеленеет от злости.

— Надо ж как бывает! — восхитилась Зойка.

— А то! — поддакнула я и подмигнула позеленевшей Кире в зеркало.

А потом, уже по прибытии на место, Зойка было за нами увязалась. Да еще как решительно, так что я еле-еле успела дверь перед ней захлопнуть. Правда, пообещала всенепременно к ней на неделе заглянуть, чтобы воочию в сказочном действии Кириных таблеток убедиться.

А тем временем на шум из гостиной выглянула Марго и строго на нашу гостью воззрилась.

— Вот это она и есть. Та самая профура, что вместо пилюль от похудания, витамины подсовывает, — отрекомендовала я Марго эту прохиндейку в красной коже, которую она, наверняка, на прибыль от афер себе прикупила.

– Попрошу без оскорблений! – взвизгнула Кира.
– И вообще! Это еще доказать надо!

– И докажем, если надо будет! – Марго грозно насупила брови. – Проведем спектральный анализ и дадим официальное заключение. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– Спектральный? – не на шутку взволновалась Кира. – Но послушайте, какие такие последствия? Я ведь ничего страшного не делаю. К тому же аскорбиновая кислота очень полезная для здоровья. Особенно сейчас, в начале весны, когда у всех авитаминоз начинается. А кроме того, если вы хотите долю получить, то я же не против. Только учтите, я не так уж много на этом имею. И к тому же вы сами только что у меня клиентку отбили!

– Нет, ты слышала? – бешено завращала я глазами, деясь с Марго своим показательным негодованием. – Она нам взятку предлагает! Нам! Таким неподкупным! Взятку!

– Да, теперь я вижу, что этот случай будет еще посерьезней, чем я думала, – поддержала меня Марго с таким непримиримым выражением, что нашу доморощенную плутовку оторопь взяла.

– Но... – заныла она, испуганно озираясь, – скажите хотя бы, что вам надо?

– Нам надо подписать меморандум о сотрудничестве, – медленно и четко произнесла Марго.

Понятно, что это с ее стороны была психическая атака, направленная на то, чтобы окончательно деморализовать противника в Кирином лице, чего она и добилась. Причем, одним только таинственным словом «меморандум», от которого у бедной профуры, судя по тому как она зубами застучала, кровь в жилах застыла.

Зато Марго, которая еще минуту назад была пе-

реполнена пафосом, неожиданно почти радушным тоном обронила:

– Да, а что это мы гостью в дверях держим? Люба, приглашай ее в гостиную.

– Пожалуйста, проходите, – я чуть ли не на одно колено перед подружкой ликеро-водочной королевы припала. А что, чай, не каждый день к нам визитеры из высшего кондратовского света заходят. – Уж будьте так любезны!

А та подобострастно на меня взглянула, скукожилась и робко шагнула вперед.

Она и на диване-то на самом краешке устроилась. Можно сказать, в воздухе зависла. Сама скромность, одним словом. Ну разве узнаешь в такой наглую особу, которая буквально с наслаждением меня в доме у Москальца по стенке размазывала?

Вот только высунувшиеся на минутку из детской Ян с Туськой остались к ней равнодушными. Поглазели и дверь захлопнули, при том, что обычно так и ходят вокруг гостей концентрическими кругами. А при случае и на колени залезть норовят. Видать, ее подлую сущность почувствовали. Как и щенок, вылетевший из детской с таким остервенелым лаем, что распространительница фальшивых пилуль с ногами на диван запрыгнула, на котором я, между прочим, сплю!

Пришлось нашего волкодава снова в детскую загонять. А он, словно решив реабилитироваться за свои предыдущие проколы, так и просидел там под дверью, время от времени порывивая, до тех пор пока в нашей квартире эта мошенница находилась. А мы ее только часа через два выставили, предварительно подробнейший допрос с пристрастием учинив, в ходе которого я все-таки разобралась, что за хренотень такая этот самый «меморандум». Типа любовного соглашения, короче.

Ну, а теперь о том, чего мы от этой прохиндейки добились. Прежде всего выяснили, где она несчастного специалиста по патогенным зонам подцепила. Оказывается, все через ту же «Кондрашку».

– Ну да, по объявлению, – клялась-божилась эта злыдня, – а в нем было написано про новые исследования. Что, мол, у науки новые данные появились, насчет влияния эро... Тьфу ты, патогенных зон на лишний вес. Ну вроде как, если у вас кровать или рабочий стол в такой зоне, то стопроцентно будет ожирение. А Вика, она ж ведь на этой теме повернутая, вот я и решила...

– ...Подойти ее новым способом! – подхватила я с азартом. – На пару с Максом. Царство ему небесное...

– А что, вы так за Вику переживаете? У нее, между прочим, не убудет, – глухо пробурчала в ответ эта ехидна. – Тем более муж ей ни в чем не отказывает. Господи, да у них там тысячей баксов больше, тысячей меньше, никто и не заметит.

– Ну, почему же? – возразила Марго, привычно занявшая позицию в своем драгоценном «вольтеровском» кресле. – Насколько я знаю, горничных за кражи оттуда регулярно выгоняют.

– Ой, да какие кражи! – отмахнулась Кира. – Лично я думаю, что это все Банный Лист! Ну, экономка ихняя. Ей же никто не угодит. Начинает зудеть, такие, мол, они, сякие, а Вика, недолго думая, их выставляет. Причем, без расчета, поскольку по договору у горничных три месяца – испытательный срок.

– Очень удобно, ничего не скажешь! – усмехнулась я. – Правда, агентство «Рабыня Изаура» уже не успевает дур рекрутировать.

– Нет, ну а я-то, я-то тут при чем? – подпрыгнула на диване Кира. – Это Викины штучки, а не мои!

— Да, а кто, интересно, меня дремучей лохушкой называл? — мстительно напомнила я ей. — Пушкин, что ли?

Такое мое заявление профуре, конечно же, крыть было нечем, поэтому она только шмыгнула носом и отвернулась.

А Марго сказала:

— Ладно, сейчас речь не об этом. Вернемся лучше к Макс. Кто он, собственно, такой?

— А я почему знаю? — дернула плечом эта ехидна. — Я ж говорю, что по объявлению на него вышла. Позвонила по телефону, поговорила, выяснила, что к чему... Кстати, он мне очень передовым человеком показался, не то что наше местное быдло.

— Так, что же он, не из Кондратова? — осведомилась Марго.

Кира наморщила лоб:

— Ну-у... Точно не знаю, но по моим прикидкам, скорее нет, чем да. Потому что он рассказывал, какие у него знакомства!.. Ну, очень крутые, короче. У Пугачевой он дверь ногой открывает, а Киркорову ауру перед каждым концертом чистит. И сцену проверяет на предмет, патогенная она или нет. А он, ну Киркоров как узнает, что патогенная, сразу концерт отменяет. Они и худеют по Максовой методике. Макс для начала, конечно, всю ихнюю квартиру досконально проверил. И, знаете, чего выяснилось? Что вся она насквозь патогенная, за исключением прихожей! После чего такое началось!.. Алла с Филиппом, конечно, в панике. А еще бы, они ведь в один евроремонт кучу бабок вбухали! Да и вид из окна их очень устраивает. На Новодевичье кладбище. Тогда Макс им говорит: есть только один способ вредного воздействия избежать. Это, если вы кровать в прихожей поставите!

— И что они? — затаила я дыхание.

– Что-что, согласились, конечно. А куда им деваться? Хотя, конечно, сомнения были. Во-первых, в прихожей из-под двери дует. Во-вторых, гостям проходить неудобно, поскольку кровать дорогу перегораживает. Зато результат налицо был. И недели не прошло, оба стройные стали, как два кипариса. Правда, потом не выдержали, переставили кровать, и опять снова-здорово, сплошной целлюлит. С тех пор так у них и повелось, то поправятся, то похудеют. В зависимости от того, где у них в данный момент кровать находится.

– Ничего себе! – присвистнула я в восхищении и приготовилась услышать продолжение этой захватывающей дух истории, да тут как всегда вмешалась Марго и как всегда же все испортила. Своими новыми расспросами, к моей досаде, уводящими от самого интересного.

– Это, конечно, очень ценная информация, – заявила она, – но меня более другое волнует. А конкретно – атмосфера в доме Москальца.

– Ну, я же как раз к этому и вела! – Кира захрустела своей красной кожей, как капустой. – Так вот, атмосфера там – ужасная! Макс как вошел, так сразу заметил, что аура очень нездоровая. Да и представьте, кровать у них тоже не там, где надо, стоит. Макс сказал, что ее обязательно переставить надо!

– Куда? В прихожую? – ахнула я.

– А вот этого, к сожалению, мы уже никогда не узнаем. Увы, Макс так не успел весь дом обследовать. Чтобы потом окончательное заключение сделать. Это ведро... То есть трагическое стечение обстоятельств ему помешало. – печально вздохнула Кира и в мою сторону зыркнула. – Хотя... Я потом много думала и пришла к выводу, что это никакой не несчастный случай!

– А что же тогда? – сразу насторожилась я. Сами понимаете, что с учетом этого проклятого ведра, подобные заявления могли мне и боком выйти.

Но оказалось, эта профура кое-что иное подразумевала. А именно, все ту же зловещую ауру, царящую в хоромаш ликеро-водочного олигарха.

– ...Макс же с самого начала жаловался, что она сильно на него давит, – Кира даже на свистящий заговорщицкий шепот перешла: – ну, буквально расплющивает...

– А что, вполне возможно, – эта версия нашплатки отклик в моем сердце, несмотря даже на мои отрицательные эмоции к самой Вике.

Зато Марго недовольно проворчала:

– Аура, аура... Я же не об этом! Я имею в виду взаимоотношения, настроения... Как домочадцы между собой ладят!

– Ах, это, – профура надула покрытые толстым слоем помады губы. – Взаимоотношения, взаимоотношения... Да собачатся они целыми днями, вот и все отношения!

– А из-за чего? – моментально среагировала Марго.

– Не из-за чего, а из-за кого, – поправила ее Кира. Оставалось только поражаться, как быстро она на нашей территории освоилась. Изначально вражеской, между прочим. – Из-за Инки, конечно. Ну, старшей москальцовой дочки. Вот уж змея так змея! Она Вику терпеть не может. Все время скандалы учиняет. Хорошо еще Олег, Инкин муж, хоть как-то ее сдерживает, а то б не знаю, что было. Он вообще-то нормальный мужик, Олег, с ним вполне ладить можно. Даже не представляю, как он со своей хромой ведьмой уживается. А впрочем, ясно как белый день, что он на нее только из карьерных соображений позарился. Как-никак он теперь зам

Москальца по финансам, а раньше простым технологом в цеху был. Почувствовали разницу?

– Угу, – ухнула, как филин Марго из своего «вольтеровского» кресла, – а Денис, он-то как ко всему этому относится?

– А что Денис? Он же пофигист по жизни! Ему все до фени, включая и его самого. Хотя, с другой стороны, что с них взять? Хоть с Инки, хоть с Дениса! У них же мать рано умерла, а мачеха, ну вторая жена Москальца, алкоголичка была и по пьяни в ванне утонула. Хотя они-то, конечно, утверждают, будто она от сердечного приступа умерла, но все же знают... Что?.. Что, вы не знали? – эту профуру, похоже, хлебом не корми, только посплетничать дай. – Да она пила, как лошадь! Что опять же не удивительно при ее муженьке. Во-первых, Москалец ни одной юбки не пропускал. А во-вторых, дармового спиртного, конечно же, в доме всегда, хоть залейся, было. А в результате – гремучая смесь. Кстати, тогда-то в доме Банный Лист и появилась. Москалец ее нанял, чтоб за детьми приглядывала – в основном за Денисом, Инка-то уже вполне взрослая была – вот с тех пор никто ее выжить не может. Даже Вика. Потому что Москалец за нее горой!

– А что, Вика хотела бы ее выжить? – вскинула голову Марго.

– Ну, не то чтобы... – Кира сделала гримаску, – но, в принципе, не против. Ей не нравится, что она ведет себя не как прислуга, а как член семьи. Но, поскольку Москалец относится к Банному Листу с такой привязанностью... Да, я вам больше скажу. Однажды Инка стала на эту тетку наезжать, уж не знаю, почему, так Банный Лист стала в позу и заявила: никто, дескать, кроме Аркадия Петровича ее из этого дома не выставит. Ну, и как вам такая ат-

мосфера понравится? А бедная Вика чахнет и страдает. Ну а на нервной почве ее разносит.

— Что очень даже на руку некоторым сильно сочувствующим, — не удержалась я от едкого комментария.

— Ну и что? — в этот раз профура даже не смутилась. — Ну не я, так кто-нибудь другой нашелся бы. И подсунул бы ей не аскорбинку, а какую-нибудь гадость, типа этого... Бычьего цепня! Знаете, бывают такие таблеточки...

Нет, ну надо же, она еще у нас к тому же и благодетельница!

А вот Марго, в отличие от меня, последние Кирины заявления благополучно мимо ушей пропустила, продолжая выпытывать всякие подробности вроде той, как Вика с Москальцом познакомилась. Оказалось, что очень даже банально. Подалась из парикмахерш в секретарши и как раз таки на ликеро-водочный устроилась. Ну, а насчет того, что было дальше, можно особенно не распространяться. И так понятно.

А заодно спадает завеса тайны и с обстоятельств, при которых бессменную Валерию Леопольдовну, верой и правдой служившую аж четырем директорам, с должности поперли. Житейское, в общем дело, Аркадий Петрович Москалец предпочел молодость опыту. Ничего оригинального!

Да, а Марго, пользуясь случаем, еще и про повариху Антонину нашу профуру спросила, но получила небрежный ответ в том духе, что она, ну Кирка в смысле, с прислугой не общается. Вот же гадюка! Аристократка бледно-голубых кровей, чтоб ей пусто было!

Во мне снова медленно и неотвратно стало зреть классовое чувство, и неизвестно, до каких размеров оно бы вызрело, если б Марго не выпрово-

дила нашу гостью восвояси. Предварительно заполучив ее координаты и обязательство оперативно информировать нас обо всем, что происходит в резиденции ликеро-водочного короля.

— Если получится, — не очень-то обнадежила ее эта проходимка и обиженно пожаловалась: — Я ведь сама там с тех пор как случилось несчастье с Максом, ни разу не была. Пробовала связаться с Викой по телефону, но ее сотовый почему-то отключен, а к городскому подходит Банный Лист и отвечает, что никого нет дома. Вот же стерва!

ГЛАВА 22

— Переживает бедняжка! — подмигнула я Марго и открыла форточку, чтобы после этой ехидны комнату проветрить. — Боится, как бы бизнес не накрылся.

— Ну и зря ты так злорадствуешь, — заметила на это Марго. — Потому что в данный момент она единственное звено, связывающее нас с Москальцами. И если она получит от ворот поворот, то, значит, и мы вместе с нею.

А пока Марго мне внушала, чем грозит нам отлучение ехидны от дворца ликеро-водочного короля, я внимательнейшим образом к ней присматривалась. Отмечая, что за зиму она, гм-гм, несколько округлилась. В своем любимом кресле и то только боком помещается. И это при том что она и прежде особенной subtilностью не отличалась и меньше, чем в пятьдесят шестой размер, не влезала.

— Слушай, Марго, — произнесла я наконец задумчиво, — а может, нам тоже на патогенные зоны провериться? А то мне почему-то кажется, что твое кресло нужно срочно переставить.

– Ну вот, началось! – всплеснула она руками. – Все-таки какой же он заразный, этот массовый идиотизм! Хуже СПИДа. Потому что передается не половым путем, а воздушно-капельным.

– Нет, а чего? – пожалала я плечами. – А мне так эта история понравилась. Увлекательная...

– А ты еще газеты почитай, – желчно посоветовала мне Марго, – там намного увлекательнее бывают и чуть ли не в каждом номере. Да, кстати, о газетах, – вдруг запнулась она, – хорошо бы сходить в «Кондрашку» и узнать, под какой фамилией Макс свое объявление подавал. Ведь у них в бухгалтерии наверняка должны о нем сведения остаться.

– Должны-то должны, – проворчала я, прекрасно осознавая, что выражение «хорошо бы сходить» на самом деле обозначает только одно: «давай-ка, Любаня, наострой оглобли», – только сомневаюсь, что меня так запросто к ним подпустят.

– А профессионализм на что? – тут же выступила Марго в своей излюбленной манере.

Ну вот, опять! Можно подумать, мало я от этого профессионализма только за сегодняшний день натерпелась! В парикмахерской «Мимоза», в которой меня на двадцать лет омолодили!

– Но уже пять часов! – заныла я тоскливо.

– А редакция до шести работает, – безжалостно отпарировала Марго.

– Ой, да они уже, наверное, давно все разбежались, – попробовала я поторговаться, но Марго мои доводы проигнорировала.

– Ну, хорошо-хорошо, – сдалась я, – только что нам его фамилия даст? И вообще, зачем он нам, этот Макс? Он же совершенно случайный человек и не имеет к Лизе никакого отношения!

– Ну-у, во-первых, это еще не доказано, – загадочно молвила в ответ Марго. – А во-вторых, не за-

бывай об угрозе главного москальцова цербера, который собирается нас посредством этого Макса к ногтю прижать. Точнее, его трагической смерти. Поэтому в наших интересах знать о нем все, что только можно. Только имея на руках факты, мы от этих ликеро-водочных горилл отобьемся.

— Что ж, если ты так считаешь... — я с чувством глубокого сожаления рассталась с уютным диваном. При этом сама я была такого мнения, что если Пал Палыч всерьез захочет на нас наехать, то ни факты, ни аргументы нам уже не помогут.

Итак, я поехала в «Кондрашку». Это по простонародному. А если выражаться официальным языком, то в редакцию газеты «Вечерний Кондратов». Не помню, говорила ли я, где она находится, но на всякий случай уточню. Естественно, на проспекте Демократов, правда, ближе к набережной Беглянки. В похилившемся двухэтажном особнячке с облупленными колоннами. Марго называет их греческим фронтоном, а я уверена, что они вместо подпорок задуманы. Хотя и не спорю, потому что у Марго, если кто забыл, глубокие греческие корни. И это помимо громогласного отчества Софокловна.

Впрочем, по дороге в «Кондрашку» голова у меня не этим забита была. Я все прикидывала, с какого боку мне к редакционной бухгалтерше подкатить, чтобы справки о Максе навести. И было уже легенду придумала, как будто бы этот самый Макс — мой беглый, скрывающийся от алиментов супругник, да вовремя сообразила, что номер может не прохилать, поскольку меня в «Кондрашке» вполне могли и запомнить. Я же сама в ней целых два раза объявления помещала. Первое, когда мы с Марго «студию эстетического прорицания» основали, а второе — это уже когда детективное агентство «Мозги и ноги».

Пришлось идти наобум. В надежде, что как-нибудь само вытанцуется. И ведь так оно и вышло, правда, с серьезными нервными потрясениями.

А теперь по порядку. Открываю я дверь, поднимаю голову и уже заносу ногу, чтобы на лестницу ступить, и вдруг пролетом выше вижу одного из подручных Пал Палыча, с которым он у нас дома шмон наводил. Так вот, этот типус неторопливо спускается по ступенькам, практически навстречу мне и по мобильнику трепется.

У меня сердце так и ухнуло вниз. А с ним и я, практически кубарем в полуподвальный этаж скатившись. Но, слава Богу, он меня не заметил, поскольку очень был разговором увлечен. Который и мне очень даже интересным показался. А главное, полезным.

– ...Да, шеф, да, я выяснил, – талдычил он на ходу. – Этот Макс объявление в «Кондрашку» давал как Дыркин Владимир Семенович, а в гостиницу по паспорту Заметайло Ильи Николаевича устроился. А еще он...

Что еще такого интересного этот Макс отмочил, я, к сожалению, уже не услышала, поскольку тип из ликеро-водочной безопасности на улицу вышел, громко грохнув дверью напоследок. А я еще долго не могла опомниться, все стояла под лестницей и вздыхала: надо ж как оно бывает. Пока мой взгляд совершенно случайно не упал на ближайшую ко мне дверь, на которой вроде бы даже какая-то табличка имелась. Напрягла зрение – в полуподвале было сумрачно – и прочитала чуть не по слогам – «Кондратовское антипатогенное общество».

Сначала я, понятное дело, глазам своим не поверила, потом решила, что это не иначе, как перст судьбы, и толкнула дверь с вывеской. После чего она медленно, со скрипом отворилась, явив моему взору за-

хламленную каморку, скорее всего, для швабр и веников предназначенную, старый двухтумбовый стол посередине, а за ним – согбенную фигуру в позе верховного главнокомандующего над планом широко-масштабного наступления по всем фронтам.

Я кашлянула в кулак, фигура нервно вскинула голову, и я узнала в ней моего бывшего мужа Ваньку. И, можно сказать, почти не удивилась этому обстоятельству, ибо кем только на моей памяти он не перебивал. И уринотерапевтом, и уфологом, и даже отцом Иоанном. А также левитировал, сопровождал души усопших по дороге в рай и вступал в контакт со снежным человеком. И вот теперь на очередном неизведанном поприще обнаружился. К тому же не на каком-нибудь там, а антипатогенном!

* * *

Ванька мне обрадовался. Или по крайней мере, сделал вид, что обрадовался. Вылез из-за стола и, широко раскинув руки, двинулся ко мне:

– Люба, это ты? Какими судьбами?

– Да так, мимо проходила, – увильнула я от Ванькиных объятий.

– Ну, как там Туська? Не болеет? – Ванька почти безупречно исполнил арию любящего папаши.

– Нет, слава Богу, – успокоила я его.

– А щенок? – Ванька решил, что настал черед озаботиться участием собственного новогоднего подарка. Ведь это он нам маленького таксеныша притащил, удовлетворил, так сказать, запросы подрастающего поколения, чем слегка облегчил тяжкую долю кота-матраса.

– Нормально, все тапки прогрыз, – доложила я.

– А как, как вы его назвали? – продолжал пытаться меня Ванька.

– Да никак пока, думаем еще, – разочаровала я его. – Объявили открытый конкурс.

– Ну что ж вы так? – расстроился Ванька. Дескать, он старался, а мы не оценили.

Да все мы оценили! Особенно тот ущерб, который этот трогательный новогодний сюрприз нашему бюджету нанес. Во-первых, прокормом, во-вторых, поводом для прогулок и, в-третьих, искусственной костью для зубов, которая, по идее, должна бы его от мебели отвлекать, но почему-то не отвлекает.

Ну а насчет того, что он безымянный, так у нас и кот такой же. Но вовсе не потому, что нам фантазии не хватает – как раз этого у нас завались, – а из суеверия. Вон был у нас не так давно волнистый попугайчик по кличке Бонифаций, и что же? – Трагически сварился в борще в результате несчастного случая. А кролик? Жил себе не тужил, пока мы не решили его Борькой назвать. Что было потом, лучше не вспоминать. Скажу только, что в конечном итоге он в качестве жаркого Косте-Подводнику достался.

Однако вернемся к Ваньке. А он уже открыл рот, чтобы, как я предполагаю, спросить у меня теперь уже про Марго, ну а за нею – про всех по порядку, про Стаса, Яна, Костю-Подводника и прочих общих знакомых. Так вот, чтобы этого не произошло, я опередила его встречным вопросом:

– Ну а ты, ты-то что здесь делаешь?

– А я, – Ванька важно раздул щеки и покачался с пятки на носок, – я Кондратовское антипатогенное общество возглавляю. Дело это, конечно, новое, но актуальное и очень перспективное.

– А как же «эскорт души»? – вкрадчиво поинтересовалась я, обводя пытливым взором пыльные стены Ванькиной каморки. – Что, это уже не так актуально?

Для справки: «эскорт души» – это то, чем Ванька занимался еще каких-то полтора месяца тому назад. А именно, сидючи в похоронной конторе «Светлая память», сопровождал души «от момента отделения от тела до врат рая», чтобы они ненароком куда-нибудь еще не завернули. А по совместительству возглавлял местный клуб некрофилов, коллекционирующих дореволюционные открытки с гробиками.*

– Ну... – даже невооруженным глазом было заметно, что к своему предыдущему увлечению Ванька окончательно охладел, – ты же понимаешь, что у каждого исторического момента свои приоритеты.

И хоть он и отделался сам общей формулировкой, тему мертвых душ, оставшихся без Ванькиного попечения, я больше не затрагивала. А целиком на его новейших «приоритетах» сосредоточилась.

– Значит, ты теперь на патогенных зонах специализируешься? – озираясь по сторонам, я прошла к Ванькиному столу и увидела на нем карту Кондратова и прилегающих окрестностей, разрисованную какими-то треугольничками, кружками и крестиками.

– Можно сказать и так, – снисходительно ответил весь из себя важный Ванька, – хотя это узкое понятие. Мы же смотрим на все шире. А общество наше, пусть и немногочисленное, но очень сплоченное. И потом у нас есть единомышленники в администрации. Кстати, это помещение нам выделили. – Ванька с довольным видом измерил шагами свою каморку. – Небольшое, конечно, но на первое время сойдет, а потом расширимся. Вот видишь, я тут карту Кондратова специальную подготавливаю...

* Речь идет о событиях, имевших место в повести «Вечность с комфортом» (авт).

— Чтоб все знали, где им кровати ставить, — хрюкнула я, пребывая под сильным впечатлением от неиссякаемой Ванькиной страсти к непознанному. И тут же осведомилась с видом знатока: — Ну, а как там с влиянием патогенных зон на образование лишнего веса?

Казалось бы, невинный вопрос, а видели бы вы, в какое Ванька раздражение пришел! Сроду его таким не видела.

— Все! — кричит. — Не могу больше про этого шарлатана слышать. Завтра же на него опровержение в газету дам! А то, понимаешь, каждый проходец членом нашего общества представляется, а я потом объясняться за него должен!

— Это ты о ком? — изобразила я полнейшее недоумение, хотя уже скумекала, о ком, собственно, речь. Об этом самом Максе, который то ли Дыркин, то ли Заметайло.

— Да есть тут один деятель, — Ванька только что не сплюнул, — шарахается по Кондратову и предлагает свои сомнительные, ничем не подтвержденные услуги... Даже объявление в газету дал: «Коррекция веса посредством выявления патогенных зон»! И ко мне приходил. Хотел рекомендацией нашего общества заручиться. Только я ему сразу на дверь указал!

— Так уж и указал? — признаюсь вам как на духу, что никогда в жизни я не выслушивала Ванькины бредни с таким неподдельным вниманием.

— А ты думала, я с ним связываться буду? — Ванька снова склонился над столом и что-то черкнул на карте. Видно, какую-то срочную поправку внес. — Очень надо! Наладил и все дела. А теперь ко мне всякие таскаются и про него спрашивают. Несмотря на то, что я к нему ни малейшего отношения не имею!

– И кто же к тебе таскается? Такой здоровый жлоб с бульдожьей челюстью? – в трех словах описала я замеченную мною на лестнице шестерку из ликеро-водочной безопасности.

– Наверное, – кивнул Ванька, – да он только незадолго перед тобой тут был. Почему-то решил, что этот шарлатан член нашего общества. Еще пришлось его в обратном убеждать. Прямо с трудом отвязался... А он от меня еще и в редакцию пошел про объявление этого самозванца узнавать. Зачем ему это понадобилось, без понятия, но почему-то мне кажется, что шарлатану не поздоровится! – С торжествующей улыбкой закончил свою обличительную речь Ванька.

– Ну, тогда желаю успехов в антипатогенной деятельности, – пожелала я Ваньке от всей души и повернулась к двери.

– А ты зачем приходила-то, я так и не понял? – окликнул меня озадаченный Ванька.

Я хотела ему ответить, дескать, явилась проверить дошедшие до меня слухи о том, будто он настолько оброс козлиной шерстью, что при желании с него уже можно и клочок поймать, да зазвонивший в моей сумке мобильник помешал.

Конечно же, это Марго меня домогалась:

– Ты где там? Что-нибудь разведала?

– Да, кое-что, – пробурчала я, вываливаясь в сумрачный коридор, – этот Макс, похоже, никакой не Макс. А фамилия у него то ли Дыркин, то ли Заметайло...

– Я так и знала! – прошипела в трубку Марго и генеральским тоном распорядилась: – Быстро домой, у нас изменились обстоятельства!

Дальше пошли частые «пи-пи-пи...», а я застыла с открытым ртом. Хотела бы я знать, за кого меня эта Марго держит? За какого-нибудь младшего денщика?

ГЛАВА 23

Дома меня встретил ставший почти привычным зловеший металлический скрежет. Значит, Марго была на кухне и неистово надраивала кастрюли, в которые и без того уже можно было, как в зеркало, любоваться. Если не с большим эффектом. Во всяком случае, по сравнению с тем, что висит у нас на стене в прихожей, все в отпечатках Яновых и Туськиных ладошек.

— Ну, наконец-то! — бросила мне Марго вместо приветствия, не отходя от раковины.

— А что стряслось? — приземлилась я на свой законный табурет между столом и холодильником, хищным взглядом высматривая, чего бы такого сжевать. — Я же, между прочим, не где-нибудь там прохлаждалась, а выясняла, что за фрукт этот Макс. Что, между прочим, было сопряжено с большим риском. Потому что в «Кондрашке» я, знаешь с кем, чуть нос к носу не столкнулась?

— С кем? — Марго не обернулась, но скрежетать перестала.

— Да с одним мордоворотом из ликеро-водочной безопасности. Ну тем, с железобетонной челюстью, помнишь? Он, оказывается, тоже туда по Максому душу приходил, а я случайно подслушала его разговор по мобиле, из которого следует, что в редакции наш патогенщик представился Дыркиным, а в гостинице Заметайлой. А может, и наоборот...

— В гостинице? В какой гостинице? — замерла над раковиной Марго.

— А вот этого я выяснить не успела, потому что ты сама же велела мне срочно возвращаться. Но это, как ты понимаешь, либо «Кондратов», либо «Северная». Поскольку других отелей, насколько мне известно, в нашем чудесном городке нет, — я

слезла с табурета, чтобы обследовать те кастрюли и сковородки, что стояли на плите. А теперь представьте себе мое разочарование, когда они, все до одной, оказались не только пустыми, но и стерильно чистыми! А я бы, наверное, уже и на морковную котлетку согласилась!

Признаться, я чуть не разрыдалась от жалости к себе, а Марго, та не моргнув греческим глазом, очередной кастрюлей вплотную занялась. Ну, не знаю, может, Шерлок Холмс и гениальный сыщик, не спору, но если он пиликал на своей скрипке с таким же маниакальным остервенением, с каким Марго надраивает кухонную утварь, то доктору Ватсону я не завидую. Наверное, у него были не нервы, а стальные канаты, чем лично я похвастать не могу!

– Да прекрати ты уже, наконец! – взревела я нечеловеческим голосом.

– А что такое? – уставилась на меня Марго.

– А то, что я этого звука не могу выносить! – рывкнула я, не сбавляя оборотов. – Особенно на пустой желудок!

– Ах да, – Марго с трудом отлепилась от раковины и рассталась с мочалкой, – я так увлеклась, что забыла про ужин. Того и гляди, дети со Стасом с прогулки вернутся, а у нас ничего нет...

Слава Богу, она про детей еще помнит, а то просто не знаю, что было бы!

– Ну ничего, мы сейчас быстро! – засуежилась Марго и меня же отправила на балкон за картошкой, а потом еще и чистить ее заставила!

Я подчинилась, хотя внутри меня все клокотало, однако на третьей картофелине не выдержала и выплеснула накопившиеся отрицательные эмоции:

– Нет, но что за дела такие? Я целыми днями ношусь, как бобик... Лап, то есть ног своих не жалею, а прихожу к пустым кастрюлям!

– Ну, извини, извини! – примирительно пробормотала Марго, придирчиво приглядываясь к сковородке. – Я тут все думала, думала... Да, ты же главного не знаешь! Пока тебя не было, мне звонила Кира...

– Уже? – я выронила картофелину, которая, с большой высоты шлепнувшись в миску с водой, обдала меня брызгами.

– ...И обложила меня такими выражениями! – Марго щедрой рукой налила на сковородку подсолнечного масла. – А суть ее претензий оказалась в том, что мы, по ее словам, нарушили наш меморандум и все рассказали Вике! Поскольку та, опять же по ее словам, незадолго перед этим ей позвонила и спустила на нее полкана, дав понять, что в курсе Кириных махинаций с таблетками!

– Надо же! – хмыкнула я. – Значит, и до нее наконец дошло!

– Дошло-то, оно, конечно, дошло, только радоваться тут особенно нечему, – творчески развила мою мысль Марго, нарезаая картошку соломкой. – Потому что в Кирином лице, какое бы оно там ни было, мы теряем ценного агента во вражеском логове. А нам так важно знать, что там творится... И в голову, как нарочно, ничего не идет... – пожаловалась она убитым тоном.

– Что, и кастрюли не помогают? – осведомилась я вполне сочувственно, а Марго сочла, что я над ней издеваюсь, и обиженно пробурчала в ответ:

– Ну, очень смешно, конечно! Просто животик надорвать можно!

В конечном итоге мне же еще и оправдываться пришлось, что я ничего такого в уме не держала. Но к тому моменту Марго уже успела распалиться, и мы все равно поцапались. Марго прочитала мне лекцию про непостижимые глубины мыслительно-

го процесса. Естественно, неведомые мне как последней тупице. А я ответила ей взаимностью, посоветовав дать в «Кондрашку» объявление о том, что детективное агентство «Мозги и ноги» принимает у населения грязные кастрюли для последующей чистки. Поскольку своих нам для бесперебойного мыслительного процесса уже недостает.

Возможно, мы зашли бы и дальше, но тут в прихожую шумною толпою ввалились Ян, Туська, Стас и разрывающийся от тявканья щенок. Как обычно, под вешалкой началась возня, которая в этот раз закончилась почти трагически. По той причине, что вешалка не выдержала напора и рухнула вместе с висящей на ней одеждой.

Но жертвы появились не сразу, а чуть позже. Когда Стас по праву хозяина дома вызвался немедленно приладить ее на место. Полные нехороших предчувствий мы с Марго попытались его отговорить, но он прямо как одержимый сделался. Вследствие чего из антресолей были извлечены молоток и гвозди, а затем и электродрель.

– Дайте мне пять минут! – потребовал Стас, решительно взбираясь на табурет. – И, умоляю вас, не мешайте!

Мы вняли его мольбам, хотя и с тяжким сердцем, но обещанными пятью минутами дело не обошлось. Мы уже ужинать уселись, а хозяйственный Стас все стучал молотком, осыпал проклятиями сложивших кривую стенку строителей, а также периодически раздражался душераздирающим воплем:

– В этом доме есть хоть один дюбель?!

А чего нам с Марго стоило удерживать за столом Яна с Туськой, которые все время порывались ему помочь, это вообще отдельная песня! Скажу только, что, когда из прихожей послышался сдавленный крик, а вслед за ним глухой удар упавшего тела, нас

всех, будто сквозняком, подхватило. Мы вылетели из кухни и увидели Стаса, лежащего на полу со страдальческим лицом, сломанный табурет и в восемнадцати местах просверленную электродрелью стенку.

* * *

Хорошо еще, что хотя бы без «скорой» обошлось. А то ведь могло быть и хуже, особенно с учетом того обстоятельства, что копчик у Стаса, уже травмированный кознями конкурирующей пророчицы Глафиры, устроившей нам сеанс массового гипноза в те давние времена, когда мы с Марго ясновидением пробавлялись.*

Так что в этот раз он, можно сказать, легко отделался. Перевязанным большим пальцем и профилактическим компрессом на многострадальный копчик. Ну и постельным режимом, само собой. А Стас, тот еще храбрился, никак не хотел его соблюдать. То и дело вскакивал с кровати и устремлялся в прихожую, чтобы довести начатое конца, а мы с Марго буквально неимоверными усилиями заворачивали его с полдороги.

Ну а когда он кое-как утихомирился, я без сил рухнула на диван, а Марго пошла в прихожую проверять, нет ли среди просверленных Стасом отверстий, не приведи Боже, сквозных.

Отсутствовала она довольно долго, зато вернулась довольная.

— Уф-ф!.. — с трудом втиснулась она свое любимое кресло, — кажется, все не так страшно, как я думала. — И добавила спустя минуту: — Скучно ему

* Речь идет о событиях, имевших место в повести «Госпожа Халява» (авт).

тут, заняться нечем. Вот поправится, пусть на дачу перебирается. Да и участок вскапывать пора...

Я мысленно с ней согласилась.

А что, хорошая идея! Тем более что на фазенде от Стаса вреда неизмеримо меньше. Ну, что он там такого сделает? В худшем случае очередную пизанскую башенку надстроит.

Собственно, только в этой же связи мне и Ванька на ум пришел. Потому что при всех очевидных различиях общего у них, как вы, надеюсь, заметили, тоже до фига и больше. Ну и поведала Марго про оригинальное Ванькино новое поприще, на котором судьба его с загадочным Максом лбами столкнула.

А Марго не только заинтересовалась моим рассказом, но даже стала выражать мне претензии в том духе, что, дескать, почему я ей сразу все не выложила. А я возразила, что скрежетание кастрюль меня с мысли сбивает. В отличие от некоторых, конечно.

Марго смолчала, но отвернулась и недовольно засопела. Посидела так, посидела, а потом поднялась и удалилась. А спустя несколько мгновений из кухни раздался все тот же металлический звук. Правда, тихий и вкрадчивый. Как будто через подушку. Ну, прямо маньячка какая-то, честное слово!

До сих пор понять не могу, как я заснуть-то умудрилась. Помню только, что когда я проваливалась в сладкую дрему, то помимо скрежета до меня еще монотонное Стасово бормотание доносилось – это он детям «Вредные советы» на ночь читал, – а когда неожиданно проснулась, было тихо-претихо. Рядом стояла Марго и так пристально на меня смотрела, что я даже испугалась.

– Ты что? – подскочила я на диване.

– Тише! – Марго приложила палец к губам и нависла надо мной глыбой: – Слушай, что ты там про ругань между Антониной и ее дочкой рассказывала?

– Про какую еще ругань? – простонала я жалобно.

– Ну, вспомни, вспомни, пожалуйста! Это важно! Очень важно! – убежденно и жарко прошептала Марго. При этом ее греческие очи пылали в темноте, как цыганские костры в чистом поле.

О, боже, это когда-нибудь кончится? – я громко зевнула, слезла с дивана и поплелась на кухню водички испить.

А Марго, та, конечно же, рысью за мной устремилась. Дождалась, пока я утолила жажду, и снова с этой своей новой, добытой из кастрюли идеей привязалась.

– Любочка, ну, сосредоточься, прошу тебя, – противно канючила она у меня над ухом.

– Ну, хорошо, – сдалась я и уточнила, какую конкретно ругань она имеет в виду. Ту, что я подслушала, стоя под дверью кухни перед тем, как Макс себе шею свернул, или другую, уже в Гарлеме. Хотя вторая, по большому счету, никакой руганью и не была. Так, легкая родственная перепалка.

Тут же последовал ответ, что обе.

– Тогда так! – честно наморщила я лоб. – И на кухне, и в Гарлеме они на одну и ту же тему собачились. Дочка просила денег на сапоги, Антонина сказала, что не даст. Та пробурчала, что Антонина, дескать, себе, любимой, ни в чем не отказывает, а на нее – жметесь. А Антонина ей, типа, сама зарабатываю, сама и трачу. Вот и все!

Казалось бы, чего я такого сказала, а Марго так обрадовалась, что чуть ли не на одной ножке запрыгала! Приговаривая: «Замечательно, замечатель-

но!» Нет, ну точно она с этими кастрюлями в уме повредилась!

— Это все, надеюсь? — холодно осведомилась я и потянулась. — Могу я теперь спать дальше?

— Минуточку, одну минуточку! — Марго продолжала вести себя как одержимая. Ну вот только что вся от счастья светилась, а тут вдруг ни с того ни с сего начала казнить: — Нет, но как же я сразу-то не поняла?.. Мимо ушей пропустила? А все потому что к тому моменту Лиза во всем призналась и мы поневоле сконцентрировали все свое внимание на ее сложных взаимоотношениях с Денисом. Ну, а уж когда Денис сам за ней пожаловал, да еще и заявил, что это он подложил Лизе якобы украденные ею деньги, нам и вовсе не до того стало. А зря...

— ...Г-ос-споди!.. — выдохнула я со свистом. — Да сколько ж можно про эти деньги! Ведь ясно же, что никто их не брал! Ты ж сама только что про Дениса вспоминала и про то, что он баксы Лизе подсунул. Специально, чтобы ее из дому выперли!

— Ну и что это доказывает? А это доказывает лишь то, что найденные у Лизы деньги в действительности принадлежали Денису, но самого факта кражи не опровергает! — Марго совершенно безумным взором обозрела по ранжиру выстроенные ею на столе кастрюли.

— Чиво-чиво?.. — ох, и не люблю я этих ребусов спросонья!

— А того! — Марго застыла в дверном проеме в позе Донны Розы д'Альвадорес из Бразилии, в которой так много диких обезьян. — Что мы с тобой еще одно очень важное обстоятельство прохлопали. О котором тебе рассказала Антонина. Разницу в пятьдесят баксов между суммой, объявленной хозяйкой пропавшей, и той, которую нашли у бедной Лизы!

— Ну и что и с того? — сонно клюнула я носом воздух. — По-твоему, Лиза эти полсотни гринов все-таки прикарманила? Выходит, не такая уж она и непогрешимая оказалась!

И получила в ответ проповедь:

— Да что ты плетешь? Что ты такое плетешь? Как ты можешь такое о Лизе говорить! О Лизе! Которая ничего не брала! Ни копеечки!

— А не рано ли ты ее к лику святых причислила? — огрызнулась я. — И вообще, чего ты от меня хочешь? Сама же меня запутала! Нет, ты мне все-таки объясни, как и куда могут пропасть деньги, которые никто не крал?

— Хорошо, объясняю, — устало вздохнула Марго и посмотрела на меня, как на безнадежную: — Деньги взяла дочка Антонины.

ГЛАВА 24

— Лариска? — в порыве привстала я с табурета. Сон у меня, как рукой, сняло.

— Судя по всему, — на лице у Марго было победное выражение, — хотя, конечно, эта версия проверки требует. Но, с другой стороны, очень многое в ее пользу говорит. Во-первых, она имеет практически свободный доступ в дом. Во-вторых, у нее большие запросы. Те же новые сапоги. И очень даже не исключено, что кражами она уже давно промышляет, ловко пользуясь тем, что в доме денег не считают. А также постоянной текучкой кадров среди горничных. А еще своим поразительным везением! Потому что в последний раз ее запросто могли бы схватить за руку, но опять же не схватили, благодаря совершенно удивительному стечению обстоятельств. А ведь это был тот редкий случай, когда полная разиня Ви-

ка, которую дурят все кому не лень вдруг действительно заметила кражу! Но тут в дело вмешался Денис, решивший, что это прекрасный повод избавиться от Лизы. Для чего он даже своих собственных денег не пожалел. Единственно, с суммой немного ошибся. Отсюда и разница в пятьдесят долларов.

— Ничего себе! — присвистнула я, восхищаясь прозорливостью Марго, и мысленно простила ей те муки, которые мне пришлось перенести, пока она кастрюли надраивала. — Только чего ж она тогда у мамы на сапоги кланчила, раз уж ей удалось столько бабок свистнуть!

— Ну, мало ли, ты же знаешь, что лишних денег не бывает. А потом еще неизвестно, на что она их на самом деле тратит. Может, на нездоровые излишества какие-нибудь. Или вся в долгах, — не растерялась Марго и поделилась со мной историей сделанного ею очередного открытия: — Буквально, понимаешь, озарило! На третьей кастрюле. Как будто мне кто-то по голове — бамс!

Должна вам признаться, что феерическое настроение Марго молниеносно и мне передалось.

— Нет, ты все-таки ясновидящая, Марго! — произнесла я восторженно и предупредила ее строгим голосом: — Только не вздумай со мной спорить!

— И не собираюсь, — продемонстрировала необычайную покладистость Марго, в одночасье в душку-милашку превратившаяся. — Тем более, зачем время терять? Нам же еще нужно обговорить все детали твоей предстоящей встречи с Антониной!

— Это ты про что? — я вдруг заметила, как светлый образ Марго начал тускнеть у меня на глазах.

— Как про что? Про то, что если мне не изменяет память, у нас завтра пятница. А по пятницам у Антонины что? — вкрадчиво осведомилась у меня Марго.

– Что? – тупо повторила за ней я.

– Выходной! – не стала томить меня Марго. И на том спасибо!

– А ты откуда знаешь? – выкатила я шары на переносицу. – От кастрюль, что ли?

– Не от кастрюль, а от Лизы! – поправила меня Марго.

– Да-а? – пошевелила я своими малоподвижными от недосыпа извилинами. – Надо же, а я такого и не помню...

– А все потому, что тебе профессионализма не хватает! – тут же поставила мне диагноз Марго. – А настоящий сыщик должен быть каким? Наблюдательным, наблюдательным и еще раз наблюдательным!

– Как ты, например, – язвительно добавила я, – профессионально наблюдающая жизнь из окошка!

– Ты опять? – гневно сверкнула греческими очами Марго.

– Ладно, молчу, молчу... – пробурчала я глухо. Что толку спорить с этой Марго, все равно ведь по своему дело повернет.

– Вот и молодец, – одобрила мое поведение Марго и стала меня инструктировать насчет завтрашнего дня. А точнее, уже сегодняшнего, потому что часы показывали половину четвертого утра.

А уже в половине восьмого, вывихивая челюсть от постоянного зевания, я катила по проспекту Демократов, уныло пялясь в развешенные на каждом километре рекламные растяжки, извещающие о поистине эпохальном событии: проходящем в Кондратове конкурсе на лучшую гордую княжну, которую знаменитому московскому скульптору предстояло изваять к ближайшему Дню города. Чтобы владелец Кондратовского ликеро-водочного завода Аркадий Петрович Москалец смог наконец внести

свой вклад в государство, раз уж другой, более шустрый олигарх нагло перехватил какие-то там яйца буквально у него под носом.

И так я этими размышлениями увлеклась, что чуть в вечно открытый канализационный колодец на повороте к набережной Беглянки не угодила. Это ж надо, всю жизнь про него помнила, а тут прямо память отбило. А это еще раз подтверждает, что о судьбах родины размышлять на ходу не рекомендуется. Лучше как-нибудь солидно, в кабинете, в президиуме или, на худой конец удобно на диване расположившись. Оно, знаете, как-то больше способствует.

А уж когда я на Старо-Кондратовское шоссе завернула, то вообще о чем-либо думать перестала. Поскольку целиком и полностью на ухабах и колдобинах сосредоточилась. Тем более, среди них такие выдающиеся попадаются, что поопасней канализационных колодцев будут.

Короче, до Заречной я на брюхе ползла, и только когда буржуинские хибары завиделись, скорость прибавила, потому что дорога стала гладкой, как зеркало. И до того разогналась, что мимо автобусной остановки пролетела, возле которой и должна была Антонину поджидать. Если, конечно, она и впрямь получит свой законный выходной. А то мало ли, вдруг у хозяев банкет какой-нибудь намечается.

И тут смотрю, да вот же она Антонина. В неприязнительном пальтеце и растоптанных ботах неторопливо чапает по тротуару с большой хозяйственной сумкой, по-кошачьи под первым весенним солнышком жмурясь. Я уж хотела приоткрыть дверцу и окликнуть ее, да в последний момент передумала, сообразив, что из дворца ликеро-водочного короля нас могут заметить, что крайне нежелательно, а по-сему потихонечку сдала поближе к автобусной ос-

тановке. Припарковалась у обочины и стала поджидать Антонину, которая, по моим прикидкам, должна была поровняться с моей «пятерой» минуты через две максимум.

Но она не появилась! Даже через пять минут! Даже через десять! Как будто сквозь землю провалилась! Только одна в пух и прах расфуфыренная фря мимо продефилировала, а больше никого!

Тогда, плюнув на все предосторожности, я завела машину и проехала по Заречной до дома Москальца и обратно. Только хренушки вам, ничего похожего на повариху поблизости не наблюдалось. И когда я уже мало-помалу стала склоняться к мысли, что Антонина зачем-то вернулась в хозяйский дворец, ну мало ли, может, забыла чего, мое внимание неожиданно привлекла сумка в руках расфуфыренной особы, одиноко торчащей на автобусной остановке. А она была точь-в-точь такая же, какую я у Антонины видела!

* * *

— Антонина, это ты, что ли? — удивленно разглядывала я молодящуюся дамочку с огненно красной гривой, в модном жакете и высоких узконосых сапогах. — Тебя прямо не узнать!

— А, это ты, чума! — прогнусавила в ответ Антонина, которая, если мне и обрадовалась, то виду не подавала.

— Законный выходной? — уточнила я и предложила: — Садись, подвезу.

— А подвези! — согласилась Антонина, немного поколебавшись. — А то пока этого автобуса дождешься!

И обдав меня крепким цветочным ароматом, устроилась на переднем сиденье, добавив:

– Ты меня только до центра подбрось, а там уж я сама.

– Конечно-конечно, – пообещала я, попутно обмозговывая, где это Антонина сподобилась так сказочно преобразиться. К тому же в рекордно сжатые сроки. Прямо чудеса какие-то!

– А ты чего тут делаешь? Опять работу подыскиваешь? – поинтересовалась меж тем у меня модная повариха.

– Ага, – поддакнула я.

– И как? Чего-нибудь надыбала? – Антонина полюбовалась своей красотой в зеркало и, видимо, сочтя ее не до конца совершенной, подмазала себе губы.

– Да нет пока что, – изобразила я притворную печаль, – ничего подходящего.

– А что ты хочешь, – сочувственно вздохнула Антонина, – Кондратов – это такая дыра!

– Это точно, – кивнула я, со всеми возможными предосторожностями на Старо-Кондратовское шоссе выруливая, – буквально одна сплошная патогенная зона.

– Патогенная? – переспросила Антонина, после чего в горле у нее с нарастающей силой забулькало. Затем бульканье перешло в громкие всхлипывания, а завершилось громоподобными раскатами хохота, не стихавшими, пока мы к набережной Беглянки не подкатили.

И только завидев протянутые над проспектом Демократов рекламные растяжки, Антонина перестала трястись от смеха и снова своей несравненной красотой озаботилась, слегка поблекшей в процессе неудержимого веселья.

– А, черт, глаза потекли, – пожаловалась она и снова принялась перед зеркалом прихорашиваться.

– И что, ты всегда так... перелицовываешься? – покосилась я на нее.

– А чего б мне и не перелицеваться? – Антонина поплевала в платок и утерла им расплзшуюся тушь для ресниц. – Что, разве я прав не имею?

– Почему же не имеешь? Еще как имеешь! – подобострастно заверила я Антонину, усыпляя ее бдительность, а сама тем временем потихоньку с проспекта Демократов съехала.

Да только Антонина все равно заметила, что я отклонилась от курса, и вскинула голову:

– Эй, я же просила высадить меня в центре!

– Так я же... Слушай, а поедем ко мне в гости! Я тебя со своей подружкой познакомлю. Вот увидишь, она тебе понравится, – стала я уговаривать Антонину, которая еще не догадывалась, какой неприятный разговор ей предстоит.

– В гости? – Антонина почесала ухо под огненным париком, чуть сдвинув его набекрень, и махнула рукой: – Ладно, только недолго. А то выходной у меня не безразмерный, а дел выше крыши.

– Нет, но надо же хоть иногда отдыхать, посидим, попьем чайку. С вишневым вареньем, – расписала я ей сказочные перспективы, довольная тем, что мне не пришлось прижимать Антонину к ногтю посредством намеков на нечистую на руку Лариску. Поскольку лично мне Антонина симпатична по причине веселого и легкого нрава. А потому я ей здорово сочувствовала. Нет, но каково ей будет про дочку узнать!

Одно утешение, у этих Москальцов столько денег, что они даже сами не знают сколько. А, кроме того, из-за последней кражи, в принципе, никто не пострадал, за исключением Дениса, который расстался со своими денежками по собственной же воле, чтобы Лизу из дому выжить. А этот Денис такой скользкий тип, а может даже и того хуже, убийца!

– Ну, вот мы и приехали, – объявила я, затормозив у подъезда, подняла голову и увидела припавшую к окну Марго, похоже, изнемогавшую в ожидании долгожданной информации из вражеского логова. И, вполне вероятно, посвятившую все утро маниакальной борьбе за чистоту кастрюль.

Впрочем, так это было или иначе, а Марго встретила нас с Антониной по издревле заведенной ею же традиции. То есть в парадном атласном халате и с безупречно уложенным волосок к волоску «вавилонном».

– Добро пожаловать! – проворковала она, распахнув перед нами дверь, и отступила в сторону гостиной, поскольку иначе мы с Антониной просто не втиснулись бы в узкую прихожую. Ставшую, между прочим, еще теснее из-за того, что одежду с обрушившейся вешалки пришлось сложить в штабеля на обувной тумбочке.

Однако предусмотрительный маневр Марго оказался бесполезным, потому что освобожденное ею жизненное пространство было немедленно захвачено вероломно просочившимися из-за ее же спины Яном, Туськой и щенком.

– Ой, какие детки! – умилилась наивная Антонина, поставила свою сумку на лестничную площадку и стала в ней рыться, приговаривая: – Где-то тут у меня конфетки были...

И все бы ничего, если б наш непредсказуемый щенок почему-то не принял эти ее действия за недружественные и со свирепым – насколько это возможно – рычанием не бросился на Антонину. Та от неожиданности отпрянула, задев ногой свою сумку. А сумка, перевернувшись в воздухе вверх дном, глухо шмякнулась о лестницу, щедро устлав ее беззаботно разлетевшимися долларами.

ГЛАВА 25

Несколько мгновений никто не трогался с места. Все, включая и щенка, молча любовались долларовым дождем. А потом, когда заморские дензнаки покружились-покружились и опали, как осенние листья, мы с Антониной наперегонки кинулись их подбирать. Причем, если я использовала для этой цели всего лишь собственные карманы, то Антонина складировала доллары в свой огненный парик, который она в запале с головы стащила. И успокоилась лишь после того, как обшарила все пыльные, провонявшие кошками углы.

Что касается меня, то я к этому моменту уже успела пересчитать свою «добычу», составившую, между прочим, очень даже кругленькую сумму в пятьсот зеленых.

– Никак зарплату получила? – вкрадчиво осведомилась я у зажиточной поварихи, прикидывая, что в ее парике еще поболее, чем у меня, набралось.

– Допустим, – насупилась Антонина и сделала резкий выпад в мою сторону с явным намерением выхватить у меня поднятые с лестницы баксы. Я еле-еле успела отскочить.

– Отдай! – потребовала Антонина и решительно двинулась на меня.

Я же медленно отступила к двери в квартиру, имея за спиной крепкий тыл в лице Марго, которая не оставила меня без огневой поддержки, выстрелив разом из всех стволов:

– Так вот они деньги, из-за которых уволили стольких горничных! В том числе и бедную Лизу!

– ...Вот только Лизу мне не шейте! – под гнетом неопровержимых улик оправдывалась Антонина уже на кухне. – Потому что у нее тоже под подушкой целую кучу баксов нашли, и я тут не при чем!

И вообще... Может, я это... Короче, их экспроприировала! А то пашу на них шестой год как проклятая, а получаю гроши. Эти Москальцы за копейку удавятся, а у самих уже куры долларов не клюют! Это что, справедливо, по-вашему?

– Боюсь, что у нас разные представления о справедливости, – холодно сказала Марго и так посмотрела на бедную Антонину, что она вся подобралась. Вплоть до второго подбородка.

Я же в этот момент о более приземленных понятиях размышляла. О том к примеру, почему Антонина, имея такой приварок к кровно заработанным, родной дочке на сапоги отстегнуть пожалела? И вообще, куда она их девала? Счет в банке открыла, что ли? А впрочем, чутье мне подсказывает, что без мужика здесь не обошлось. Иначе к чему бы такой маскарад с париком?

А Марго между тем продолжила тонкую психологическую обработку вороватой поварихи ликероводочного олигарха:

– Одному я только и удивляюсь, как это служба безопасности Москальца до вас еще не добралась. Надо же, такая-то армия держиморд! Впрочем, как я успела заметить, они вообще-то, если и ловят мышей, то очень вяло.

– А вы... – часто задышала Антонина, – вы меня не выдадите?

– Нет, – отчеканила Марго, – но при условии вашего сотрудничества со следствием.

– Со... С чем? – уронила челюсть Антонина.

– Со следствием, – дала я ей понять, что со слухом у нее все в порядке, и добавила суровым тоном: – Только чистосердечное и деятельное раскаяние облегчит твою участь.

– Ну и... Что я должна делать? – безропотно пре-

исполнившаяся раскаянием Антонина почему-то перешла на шепот.

– Прежде всего рассказать, что сейчас в доме у Москальцов происходит, – тут же озадачила ее Марго.

– Ну что?.. – запавшая на азартные игры повариха наморщила лоб. – А то и творится, что Денис пропал!

– То есть, дома его нет? – Марго забарабанила пальцами по крышке стола. – И давно?

– Так три дня уже, – доложила Антонина. – Он же ушел, считай, сразу после того, как этот, ну тот, которого Кирка привела, шею себе свернул, и больше не появлялся. И вроде бы даже телефон у него не отвечает. Хозяин волнуется, охрана с ног сбилась. Ищут, но пока его не нашли.

Ничего себе, – мы с Марго молча переглянулись. Если честно, то ничего подобного мы не ожидали.

– Ну, а что по этому поводу в доме говорят, не слышали? – сразу занервничала Марго. – Может, предположения какие-нибудь строят?

– Вот чего не знаю того не знаю, – шумно вздохнула повариха, – потому что я все больше на кухне. Это вам бы у Банного Листа спросить. Она все кофе к хозяину в кабинет носит. Прямо ведрами. Он там сидит целыми днями, грозный как туча, а эти, ну из службы безопасности бегают к нему на доклад, а выходят от него красные. Видать, он разнос им дает.

– Гм-гм... – пожевала губами Марго, – ну, а остальные-то как? Инна с мужем, к примеру?

– Инка-то? – фыркнула лихая повариха. – А ей, по-моему, все до фени. Целыми днями лежит на кровати и журналы листает. Или с хозяйкой лаетса. А ее муженька чуть не до петухов дома нет. Считается, что он на работе, но я так думаю, шашни у не-

го на стороне. Потому как он видный и при Инкиных деньгах, а Инка, она мало что страшенькая, так еще и хромая.

– Понятно, – пробормотала Марго, кажется, не слишком удовлетворенная объемом сведений, почерпнутых с помощью Антонины. – Ну а хозяйка, она что делает?

– Хозяйка? – Антонина вдруг ни с того, ни с сего в широкой ухмылке расплылась. – А хозяйке нашей сейчас не до чего. Потому как она уже третий день с горшка не слезает!

– В каком смысле? – Марго насторожилась.

– Да в таком, что понос у нее! – воскликнула Антонина и, как веером, своим париком обмахнулась. – Я ее за эти три дня всего один раз и видела, но знаете что скажу, наконец-то она похудела! А то ведь, сколько денег на эти бесполезные таблетки спустила! Ну те, что ей Кирка таскала. Кстати, и Кирка у нас что-то давно не появляется? Поругались, что ли?

Мы с Марго переглянулись во второй раз, и перед моим мысленным взором возникло изможденное лицо доверчивой Зойки, от которой со вчерашнего дня никаких известий не было. С того самого момента, как она, окрыленная удачей, укувыляла к себе, сжимая в трепещущей руке снадобье этой доморощенной аферистки Кирки! Даже подумать страшно, что с ней сейчас творится!

Не на шутку встревоженная Зойкиной участью, дальнейший разговор Марго и Антонины я слушала в полуха. Впрочем, ничего такого особенного они и не обсуждали. Марго, разумеется, посоветовала ей держать факт нашей встречи в тайне, упирая на то, что в противном случае прискорбные факты ее биографии получат широкую огласку, а также велела неукоснительно извещать

нас обо всем, что бы в доме у Москальца ни происходило.

– И все? – долго не могла поверить в то, что она так легко отделалась, Антонина. А потом покосилась на подоконник, на котором лежали сложенные стопкой доллары. – А-а... А с этим как?

Вот именно! Потому что этот вопрос меня тоже занимал, а иначе б я давно уже бросилась Зойкину судьбу выяснять. Только из-за них, понимаешь, и сидела, вся как на иголках!

– С этим? – Марго строго поджала губы, а у меня мурашки ну буквально стадами по спине проскакали. Как мамонты на водопой. Ибо хваленые мозги Марго почему-то всегда набекрень, когда дело до денег доходит! Так что на душе у меня полегчало лишь после того, как она наконец произнесла. – А это мы примем на ответственное хранение.

Антонина, конечно, на глазах поскучнела, но права качать не стала. Поняла, что бесполезное это занятие. Правда, без намеков на тяжелое материальное положение и ссылок на дочь, студентку мясо-молочного техникума, не обошлось. На что Марго резонно заметила, дескать, нетрудовые доходы никому еще не приносили счастья. Вот уж не знаю, с чего она это взяла?

Вот, собственно и все. Если не считать того возмутительного момента, когда Марго попыталась меня заставить Антонину в центр отвезти, как будто у нее ног нет. Тем более, повариха и не настаивала. Похоже, что без денег ей торопиться особенно некуда было. Да она даже свой огненный парик нацеплять не стала, до того расстроилась. Подхватила сумку и устало потряхала к двери.

А я понеслась к Зойке, очень даже не исключено страдающей от той же напасти, что и ликеро-водочная королева.

* * *

За Зойкиной дверью было тихо. Я все давила и давила на звонок, выжимая из него монотонные трели, а в голове у меня крутилось: «Бедная, бедная Зойка! Она, наверное, прикована к унитазу!»

Этим же опасением я и с возникшей на лестничной площадке Марго поделилась, и она его со мной целиком и полностью разделила. Намотала на палец выпавший из «вавиллона» локон и озабоченно склонила голову к плечу:

– Что же это выходит, Кира вместо витаминов подсунула своей подружке слабительное? Но зачем? Разве она не знала, что за этим последует?

– Знала, не знала, какая разница, – вспыхнула я. – Может, она специально ей слабительное подсунула, чтобы эта тупая парикмахерша наконец-то сбросила хоть парочку килограммов! Ты лучше о Зойке подумай. Представляешь, как она сейчас мучается!

– Да, Зойке не позавидуешь, – согласилась со мною Марго с тяжким вздохом.

– Я ей звонила-звонила, а из квартиры ни шороха, – в волнении я даже ногти грызть принялась. – А вдруг ей там плохо?

– Но, может, она на работе? – в свою очередь предположила Марго.

– А если нет? – у меня из-за этой Зойки прямо душа не на месте была, поэтому я снова стала лупить в Зойкину дверь руками и ногами, периодически выкрикивая:

– Зойка, открой, это я, Люба!

А Марго, которая все это время стояла у меня за спиной и шумно сопела, пока я не выдохлась, в конце концов обронила:

– Похоже, придется выламывать...

Я почесала макушку:

– Боюсь, мы сами не справимся. Может, позвать Стаса?

– Ну, уж только не его! – замахала руками Марго.

А по-моему, работа была в самый раз для него. Ломать же – все-таки не строить. С другой стороны, он у нас со вчерашнего дня с компрессом на копчике...

– Тогда остается только Костю-Подводника с Прокофьичем кликнуть, если, конечно, они еще не под балдой, – задумчиво молвила я, а про себя добавила: – И если они после вчерашнего в себя пришли. Имея в виду нашу короткую встречу у подъезда, когда они меня за галлюцинацию приняли.

– Ладно, ты к Косте сбегай, – дала мне «добро» Марго, – а я пока попробую позвонить Кире и выяснить, чего такого она в пузырьки напихала.

И все же, прежде чем слетать к Косте пчелкой, я предприняла последнюю попытку достучаться до Зойки, но она, как и все предыдущие, не увенчалась успехом.

А вот Костя, по счастью, был дома, и несмотря на то что разило от него за версту, мне довольно быстро удалось довести до его сведения суть моих к нему пожеланий. Единственное, он хотел было за эту услугу по издревле заведенной у него традиции бутылку «Гордой княжны» с меня требовать – другого всеобщего эквивалента для него просто не существует, – за что я его негодующим взглядом испепелила:

– Какой же ты все-таки, Костя, мелочный! Зойка там умирает, а он торгуется!

Костя устыдился и про бутылку больше не заикался. Только спросил, не найдется ли у нас что-нибудь, вроде топора.

– Да хоть электродрель! – заверила я его.

И мы поднялись наверх, где нас ждала встревоженная Марго с мобильником в руках.

— Кира клянется-божится, что ничего, кроме витаминов, в ее пузырьках не может быть, — сразу же доложила она о результатах своих переговоров с бывшей лучшей подружкой ликеро-водочной королевы. Бывшей, потому что даже такая дурища, как молодая супружница Москальца, вряд ли простит ей свои мучения на унитазе. — И вообще заявляет, что слабительного у нее сроду не водилось.

А я только отмахнулась:

— Да ну ее, эту Кирку, она соврет — не дорого возьмет. Сейчас не о ней, а о Зойке думать надо!

Что касается экстренно вызванного на подмогу Кости, то он тем временем к Зойкиной двери примерился и делал неутешительные прогнозы:

— Крепкая, зараза... Повозиться придется...

— Может, «скорую» заранее вызвать? — пришло мне на ум. — Чтобы они в случае чего уже готовы были. А то пока доедут...

Марго сочла мою мысль здоровой и стала звонить на «03», я приволокла Косте обещанный топор и он, предварительно поплевав себе в ладони, решительно занес его над головой и размахнулся, когда по ступенькам каблучки застучали и прямо перед нами нарисовалась Зойка. Живая, здоровая и в приятном расположении духа, которое, впрочем, быстро улетучилось при виде открывшейся ей картины.

— Что это вы здесь делаете? — с ужасом уставилась она на застывшего с топором наперевес Костю.

— Зойка? Ты? — радостно заорали мы с Марго. — Ты таблетки для похудения глотала?

— Ну, глотала... Вчера три и сегодня одну, — растерянно промычала Зойка, — а что?

— Да так, ничего, — обменялись мы с Марго быс-

тремя взглядами. — Отлично выглядишь и вроде бы даже того... Похудела...

— Думаете? — зарделась Зойка. — Честно говоря, мне тоже так кажется. Но я еще не взвешивалась.

— А ты взвесься, взвесься, — посоветовала ей Марго и тихонько попятилась в прихожую.

Я последовала ее примеру, а Костя, который по-прежнему бестолково топтался у Зойкиной двери с топором, громко шмыгнул носом:

— Так мы ее ломаем или нет?

Глава 26

— А все ты, — высказывала мне Марго уже после того, как мы общими усилиями Костю от топора отодрали, — устроила панические настроения. А что было бы, выломай он дверь?

Я, естественно, оправдывалась:

— А почему сразу я? Это все Антонина! В конце концов, она же про Викторию рассказала! А я что должна была думать?

— Ну, ладно-ладно, — наконец смягчилась Марго, — я тоже погорячилась. А логически рассуждая, у Виктории для ее гм-гм недомогания и другие причины могли быть.

— Это какие же? — конечно, заинтересовалась я.

— Да самые разнообразные, — греческие очи Марго подозрительно затуманились. — Банальное пищевое отравление к примеру, или еще что-нибудь... В любом случае к нашему главному расследованию происшествие с Викторией, какое бы оно ни было печальное, прямого отношения не имеет.

— А что имеет? — уточнила я с глубокомысленным видом, по ходу делу соображая, какое из наших многочисленных расследований главное. Что-то я в них

запуталась, если честно. Тут тебе и утонувшая бедная Лиза, и таинственный Макс, свернувший себе шею в доме у ликеро-водочного олигарха, и бесследно исчезнувший Денис, и деньги, и таблетки... Прямо голова пухнет. Тем более на все про все только мы с Марго и остались. Поскольку на кондратовскую милицию чуть не поголовный мор напал, а ребята из ликеро-водочной безопасности какие-то заторможенные.

— Правильно ставишь вопрос, — похвалила меня Марго, — я бы даже сказала, профессионально. Так вот, я тебе так отвечу: как только мы в этом разберемся, нам все сразу станет ясно.

— Я тоже так думаю, — кивнула я, предчувствуя, что всей глубины последнего изречения Марго мне никогда не постичь. Не стоит даже и пытаться.

Поэтому я оставила Марго на кухне наедине с ее любимыми кастрюлями, а сама заглянула в детскую, чтобы морально поддержать Стаса, павшего жертвой бурной хозяйственной деятельности.

— Ну, и как самочувствие? — осведомилась я, уstraиваясь у него в ногах.

— Немного лучше, — простонал он из-под одеяла, а ведь еще вчера, невзирая на свой поврежденный копчик, рвался в бой с кривой стенкой. А потом, спохватившись, про Лизу спросил. Мол, удалось ли узнать про нее что-нибудь новое.

— Пока ничего, — покачала я головой и зевнула, прикрыв рот ладонью.

После таких известий Стас взгрустнул и ударился в пространные воспоминания из области босоногого детства, связанные с бабой Нюсей и дедом Ипполитом, особенно напирая на то обстоятельство, что у Лизы с бабой Нюсей якобы буквально одно лицо. Но я с ним не спорила, хотя всем давно известно, что Лиза ему никакая не родственница. А чего с него, травмированного, возьмешь?

И вообще я так была довольна тем фактом, что Марго меня никуда не посылает и я могу наконец хоть немного дух перевести, что бредни Стаса на нервы мне не действовали. Даже забавляли местами. Когда он особенно трогательные события своей биографии описывал. Вроде того, как его пчела за язык укусила.

В такие моменты даже Ян с Туськой от своей бурной деятельности отвлекались, — а они как раз красили щенку когти моим лаком для ногтей — и, открыв рты, слушали поучительные Стасовы истории.

Короче, обстановка была умиротворяющая и располагала к отдохновению. Взгляд мой то останавливался на забавных детских мордашках, то блуждал по стенам, цепляясь за знаменитый «триптих» работы Яна и Туськи, который постепенно стал у меня смутное чувство беспокойства вызывать. Я уж даже специально так села, чтобы он в поле моего зрения не попадал, а шея берет и сама выворачивается! К тому же по совершенно непонятной причине!

В результате мне ничего другого не оставалось, кроме как эту наскальную живопись разглядывать. А на ней, как вы, конечно уже знаете, была Лиза изображена. Причем в трех видах. В полный рост, сидящей на чем-то, наподобие спортивного козла, а также с широко растопыренными руками, то ли в полете, то ли в заплыве.

Да, в скобках замечу, что хотя мы с Марго, как и все нормальные мамы, склонны преувеличивать способности наших чад, узнать в этом «триптихе» Лизу, кроме нас, разумеется, не смог бы никто. Уж слишком много в ней было расплывчатого. За исключением нескольких деталей туалета. В частности джинсов, лейблы на которых юные художники

выписали особенно тщательно. Если не сказать, любовно.

Так вот, эти самые лейблы особенно мозолили мне глаза! Как будто что-то в них не то было. Я уж и так на них смотрела и этак, пока в голове у меня не забрезжило...

– Дети! – завопила я. – А где остальные ваши художества?

Ян с Туськой перестали красить когти щенку и наперегонки к подоконнику бросились.

– Вот! – притащили они мне свои альбомы, а также целую кипу разрозненных рисунков, большинство из которых пестрели отметинами собачьих зубов.

И пока я внимательнейшим образом изучала их «полотна», дети, затаив дыхание, ожидали, когда я начну восхищаться их художественным талантом. Но, как бы это антипедагогично не выглядело, я только сдержанно их похвалила и со всех ног кинулась на кухню, чтобы сообщить Марго о сделанном мною сногшибательном открытии.

– Марго! Марго! – заорала я, как бешеная. – Я должна сказать тебе такое!.. Такое!..

– Ну что еще? – Марго в этот момент, конечно же, очередную кастрюлю терзала.

– Нет, ты послушай! Ты только послушай, что я тебе скажу! – мне просто жуть как не терпелось ее своим профессионализмом огорошить. Чтобы она в другой раз нос свой не задирала. – Это не она, понимаешь! Не она!

– Кто не она? – поморщилась Марго. – Говори ясней!

– Утопленница! – выпалила я. – Утопленница – не Лиза!

Кастрюля выпала из рук Марго и так грякнулась об пол, что соседи немедленно ответили нам канонадой.

* * *

– Джинсы! У нее другие джинсы были! – втолковывала я Марго, страшно волнуясь. – У той, что в морге «левис», а у Лизы – «ли»!

– Да? – кажется, Марго не очень-то моей наблюдательности доверяла. – А чего, ты это только сейчас поняла?

– Да я бы и сейчас не поняла, если б не Ян с Туськой! – у меня все поджилки тряслись от возбуждения. – Вернее, если б не их рисунки. А они, ты вспомни, Лизу в тот день, когда она пропала, с натуры малевали. В том числе и ее джинсы. Вот, посмотри! – Сунула я ей один из Лизиных «портретов» работы наших малолетних художников.

– Да, действительно, – растерянno произнесла Марго, поднеся рисунок к самым глазам. – Надо ж, как они латинские буквы хорошо изобразили! Хотя, с другой стороны, их же всего три. Причем, одна из них повторяется дважды и по написанию совпадает с кириллицей. Гм-гм, а если они все-таки что-нибудь перепутали? Все-таки они еще дети...

– Да в том-то и дело, что дети! И как раз поэтому обратили внимание на то, что нам с тобой в глаза не бросилось, – а вы как думали, может, я конечно, в чистке кастрюль и не слишком преуспела, но мыслительный процесс и у меня иногда происходит! – А что касается, перепутали они чего или нет, то эти самые три буквы есть на всех рисунках. И даже на этом, ну триптихе, короче!

Но Марго это Марго. Вот в Лизе, в той, она ни одной минуты не сомневалась, зато мой мыслительный процесс унизительной перепроверке подвергла. А именно, не поленилась сбегать в детскую, чтобы сличить многочисленные Лизины портреты с «триптихом». Чем вызвала необычайный прилив

энтузиазма у юных дарований, которые спешно кинулись улучшать качество настенного шедевра, бесцеремонно отпихивая друг дружку локтями. Без какой-либо реакции на эти ужимки и прыжки со стороны погрузившейся в глубочайшую задумчивость Марго.

Я тоже, как ни старалась, не смогла вывести ее из оцепенения. Ибо сколько я ни дергала за рукав ее халата, периодически вопрошая: «Ну что, убедились?», она меня и косым взглядом не удостоила.

В конце концов, мне это надоело, и я оставила ее в покое. Пусть пялится, если ей так хочется. Только вряд ли ей удастся высмотреть нечто, способное поколебать мою уверенность в том, что из Беглянки вовсе не Лизу выловили. А вот кого, это вопрос! И где сейчас Лиза – тоже.

Гм-гм... А вдруг она и впрямь воссоединилась с Орестом, пардон, Денисом, как в перелицованной на бразильский манер русской классике? А что, это было бы здорово! Вот только не вздумайте мне смеяться! Знаю я вас, вам бы все хиханьки да хаханьки, а душа и у Любы Воробьевой имеется. А потому, хоть убейте, а я буду стоять на такой точке зрения, что рано или поздно каждая Лиза должна обрести долгожданное женское счастье со своим Орестом!

Да, да и еще раз да! И не спорьте, и не зубоскальте! Я закрою глаза и вижу, как, взявшись за руки, они удаляются в дубравы... Хотя сейчас, конечно, не сезон и в дубравах прохладно... А в «Мерседесе», к сожалению, уже не так романтично. Да и классика какая-то с издержками получается... Нет, а Марго-то, Марго, скажет она уже хоть что-нибудь! А то я буквально вся извелась.

– Марго, Марго, – позвала я ее снова, и эта моя новая попытка вывести ее из ступора оказалась более удачной.

– А?.. – отозвалась она рассеянно, не отрываясь от «триптиха».

– Ну что, ты убедилась или нет?

– А ты... Я хочу сказать, как получилось, что тут, ну дома ты не обратила внимания на Лизины джинсы, а в морге обратила? – можно было подумать, что чудесное Лизино воскрешение из мертвых Марго совершенно не радовало.

– Да потому что дома это дома, а в морге это в морге! – мне просто осточертело ей такие элементарные вещи объяснять! – И вообще, как-то я тебя не пойму. Тебя что, мертвая Лиза больше, чем живая устраивает?

А Марго еще за это на меня и же обрушилась:

– Ты хоть иногда думай, что говоришь, ладно? Ведь прекрасно знаешь, что я никому и никогда смерти не желала. Особенно Лизе!

– Тогда чего ты все время придираешься? – вчлила я ей встречный иск. – Я тебе толкую, что на утопленнице были другие джинсы, а ты мне не веришь! Как будто я специально все придумала! А зачем мне это, спрашивается?

– Да, тебе-то это, пожалуй, ни к чему, – вынужденно признала Марго. – Но кому-то...

– Это ты про что? – естественно, наострила я ушки.

– Это я про тот звонок в милицию. С сообщением о том, что утопленница Лиза, – не стала темнить Марго, хотя и могла бы. – Получается, что неизвестный доброжелатель намеренно наших пинкертонов в заблуждение ввел. А вот с какой целью?

– Ну мало ли, в конце концов, не разглядел в темноте, как следует, – брякнула я и чуть язык себе не откусила. – Так... А если он и есть убийца, то получается, по ошибке не того утопил? Вернее, не ту?

– Не знаю, не знаю, – пробормотала Марго. – И потом, нельзя сбрасывать со счетов и такую вероятность, что Лиза могла и переодеться. Ну, а что касается странного звонка в милицию, то мне все-таки кажется, что убийца – последний, кто стал бы это делать. Если у него, конечно, совсем крышу не снесло. Потому что какой ему во всем этом может быть интерес? Ведь понятно же, что выяснение личности жертвы – первый шаг к поимке преступника. Так что тут нечто другое. И оно мне не очень нравится. Поскольку, если рассуждать логически, то вся эта путаница более всех лишь одному человеку выгодна.

– Кому? – заранее подстраховала я нижнюю челюсть, а то мало ли...

– Да в том-то и дело, что Лизе! – у Марго сделалось мученическое выражение лица.

– Так что же тогда?.. – у меня чуть глаза не вывалились, а ведь, казалось бы, я заранее к разного рода сенсациям подготовилась. – Нет, ты мне, пожалуйста, как-нибудь растолкуй, какая она, – взмолилась я: – Хорошая или плохая? Бедная или богатая? А то голова уже пухнет!

Что, злорадствуете? А сами попробовали бы себя на мое место поставить. Я ж ведь только-только в вечную любовь поверила – и нате вам. Опять снова здорово. И Лиза никакая не пастушка.

Вот только от Марго я больше ничего так и не добилося. Апатично пожав плечами, она перебазировавшись на кухню. Поближе к эмалированным стимуляторам мозговой деятельности. Я от нечего делать тоже за ней поплелась. И, пока она примеривалась, с какой кастрюли начать, врубила телик. И сразу нарвалась на последние кондратовские новости.

Местная дикторша, ну не та, что с мешками под глазами, а другая, но тоже не Мэрилин Монро, при-

торно задушевым голосом цветисто распространялась о культурной жизни Кондратова. Самым знаменательным событием которой, само собой, был конкурс на лучшую гордую княжну. Что лишний раз обильно замельтешившие на экране мордашки с ляжками подтвердили.

А вот следующему культурному мероприятию она уже значительно меньше внимания уделила, буквально несколько фраз, да и то дежурных, что не помешало им потрясти нас с Марго до такой степени, что мы дружно обо всем позабыли. Уставились в ящик и дышать перестали, чтобы ни словечка не пропустить. Хотя при иных раскладах и ухом не повели бы. Подумаешь, большое дело, какая-то заезжая шарага цирковых халтурщиков с помпезным названием «Виртуозы арены» открывает с Кондратова очередной чес по городам и весям!

ГЛАВА 27

– Думаешь, совпадение? – уставилась я на Марго.

– Даже не знаю, что тебе сказать, – Марго была какая-то распаренная, будто только что из бани. – С одной стороны, шабашники такого уровня к нам не в первый раз приезжают, а с другой... Есть, правда, зацепка с этим факиром, распиливающим ассистентку, но опять же, в какой уважающей себя цирковой труппе нет подобного номера?

– А Кармен? – сделала я подсказку.

– А что Кармен? – вздохнула моя подружка. – Если б это было имя, тогда еще туда-сюда. Потому как редко у нас еще младенцев так оригинально называют. А что до сценического псевдонима, то в данном случае это далеко не высший пилотаж.

И какая-нибудь Кармен, если и не в каждом цирке найдется, то через один уж точно.

– Значит, все так безнадежно? – мне почему-то взгрустнулось.

– Ну почему же? Уж попробовать, по крайней мере, можно. Что ты завтра и сделаешь, – утешила меня Марго в свойственной ей манере.

– Я? Завтра? – зачем-то переспросила я. Хотя и так, казалось бы, ясно, ну кто еще кроме меня? Не Марго же!

И напросилась!

– А впрочем, можно и сегодня, – посмотрела на часы Марго. – Ты еще вполне успеваешь.

– А, может, лучше все-таки завтра? – с хрустом потянулась я. – А то пока доеду... И вообще, я цирк ненавижу. Всегда вонь такая! Медведи голодные, укротители пьяные...

– Что делать, придется потерпеть, – этой Марго было просто рассуждать, зная, что не ей тащиться на другой конец Кондратова на ночь глядя на колымаге, которая может в любой момент заглохнуть. И то при условии, что заведется. А все этот треклятый конденсат в карбюраторе!

– Тогда гони мани на билет, – высказала я законное требование.

– А что, у тебя уж и на билет не наберется? – заметно поскучнела Марго.

Только не тут-то было! Я на эту удочку не попала и сразу же заняла сугубо принципиальную позицию:

– А наберется, не наберется, роли не влияет! Я же в этот, прости, Господи, цирк не заради повышения культурного уровня попрусь, а по делам фирмы. Так что, отстегивай бабки и не жмись! Тем более, ты мне еще за прическу полторы сотни должна. Не считая бензина.

Однако Марго, вместо того, чтобы сей же минут по сусекам поскрести, сделала недовольную мину:

– Каку-ую еще прическу? Это ты про тот ужас, которым ты всех собак распугала, что ли?

– А хоть бы и про тот! – я дала себе слово, что не сдвинусь с места, пока она мне все расходы не покроет. – Он тоже денег стоит!

– Вот интересно! – всплеснула руками Марго, которая, похоже, решила отбиваться до последней копейки. – А я тебя что, заставляла эту дурацкую прическу делать?

– А как же профессионализм? – двинулась я в контратаку.

– А при чем тут профессионализм? – прикинулась дурочкой Марго.

– А при том, что как бы я с парикмахершами неформальный контакт наладила? – огрызнулась я, оставив за скобками то обстоятельство, что в «Мимозе» я так ничего и не выведала и, не попадись мне на лестнице Зойка, до бывшей подружки ликероводочной королевы Киры мы бы, возможно, еще не добрались. Но, в конце концов, так ли уж это важно, когда речь о дензнаках заходит? А кроме того, я такого мнения, что настоящий профессионализм должен оплачиваться по факту своего существования, а не по конечному результату.

Но у Марго, судя по тому как она сдвинула брови, по этому поводу другое мнение имелось. И вообще, у меня закралось подозрение, что она уже сильно сожалела о своих прежних рассуждениях о профессионализме. Небось, думала: и кто меня за язык тянул? Сейчас бы горя не знала. А то давай, раскошеливайся!

– Ну, хорошо, получишь на билет и на бензин, – у Марго было такое выражение, как будто я с нее последнюю рубашку снимала.

– А за прическу? – дала я понять, что одной «рубашкой» она не отделается.

– И за прическу! – Марго скрипнула зубами и, привстав на носки, сняла с полки жестяную коробку из-под печенья, еще недавно исправно и безраздельно служившую нашей казной.

Правда, с тех пор как наше материальное положение немного укрепилось, в ней хранились лишь деревяшки на текущие расходы. А вот основные капиталы – в твердой иностранной валюте – Марго надежно припрятала, а куда, даже я не знаю. Как, впрочем, и сколько нолей в сумме, в которой они выражаются. Знаю только, что Марго отрывает их от меня ради осуществления своих наполеоновских планов по расширению агентства за счет всяких там менеджеров, будь они неладны!

И как раз в этой связи, заикаясь о возмещении материального ущерба, я втайне надеялась, что Марго «засветит» наконец свой заглавник, но она обманула мои ожидания, воспользовавшись жестяной из-под печенья. А предыдущую возможность проникнуть в закрома – это когда Марго прибирала к рукам поварихин «приварок» к заработку – я проглядела, самоотверженно бросившись спасать Зойку, чудом избежавшую печальной участи прикованной к унитазу ликеро-водочной королевы.

– Вот тебе! – эта сквалыга Марго оторвала от сердца самые мелкие и замусоленные бумажки.

– Еще, – уперлась я рогом, – на бензин. Этого мне только туда хватит, а обратно уже нет.

– А что, разве бак у тебя пустой? – осведомилась Марго недовольным тоном и щедрой рукой отвалила мне полпригоршни мелочи.

Не обошлось, конечно, и без наставлений.

– Ты смотри, не больно там транжирь!.. А, главное, не выключай телефон. И чтобы мне никакой

самодетельности! Твоя задача выяснить, есть ли среди циркачей Кармен или нет.

— А если есть, что тогда? — я рассовала наличку по карманам.

— А это уж мы потом решим. Ты сначала выясни, — вдалбливала мне Марго. — И ничего, ничего без предварительного обсуждения не предпринимай. А то спугнешь еще раньше времени.

Пришлось поклясться, что я и шагу без ее ведома не ступлю. Но несмотря на это, провожая меня до двери, Марго не переставала твердить одно и то же:

— Люба, будь осторожна!

Я ей обещала, хотя и понимала, что это она так, для очистки совести. А будь оно по-другому, я бы сейчас не на противоположный конец Кондратова пилила, а гоняла бы чай с вишневым вареньем. В относительно тихой домашней обстановке.

* * *

Да, а «пятера» завелась сравнительно быстро. В том смысле что, бывало, когда этот процесс затягивался и на дольше. В том числе и с привлечением посторонней помощи, когда она только с «толкача» и расчихивалась. А тут дело, можно сказать, минимальным поощрением обошлось. Достаточно было немного почавкать топливным насосом и ласково гаечным ключом по карбюратору постучать, чтобы она одышливо запыхтела.

До места я опять же без приключений дотрюхала, ни в один канализационный колодец не влетела. А путь, между прочим, был не самый близкий. В район автовокзала, где уже традиционно все заезжие циркачи и обустраиваются. Рассчитывая, таким образом, не только коренных кондратовчан

своим искрометным искусством охватить, но и не избалованных зрелищами жителей окрестных деревень, на простодушную непритязательность которых они опять же традиционно возлагают самые большие надежды. И редко когда обманываются, потому что, если уж наши, кондратовские, валенки валенками, то окрестные – вообще лапти. А то и онучи. Им, что ни покажи, – мелодии и ритмы зарубежной эстрады!

Короче, можете представить, что за публика припрется на «Виртуозов арены» поглазеть! И тут я, Люба Воробьева, здрасьте! Но ничего не поделаешь, профессионализм требует жертв. Придется насладиться представлением! Если билеты еще остались. Ха-ха-ха!

А, может, в этот раз без профессионализма обойтись? А заодно и деньги сэкономить. Просто спросить у билетерши, распиливают в этом цирке девицу по имени Кармен и все дела? И, если не распиливают, со спокойной совестью домой сваливать.

Точно, решено, так и сделаю, подумала я, заведя выросший позади приземистой стекляшки автовокзала купол циркового шатра, вблизи оказавшийся довольно-таки замызганным. И даже кое-где залапанным. Что, конечно же, авторитета «Виртуозам арены» не прибавляло. А впрочем, и так понятно, что богатых и знаменитых в наш Кондратов на аркане не затащишь. За все время, сколько себя помню, только одна Ульяна Дунайцева и приезжала, это когда в нашей психушке по ее бестселлерам сериал снимали, да и та в конечном итоге поддельная оказалась.*

О! А вот и окрестные лапти. Идут из кассы до-

* Речь идет о событиях, имевших место в повести «Мозги и ноги» (авт).

вольные. Предвкушают, одним словом. А заодно и вкушают. Чего из дому прихватили. Кто пирожком перекусывает, а кто и поскромнее, семечки лузгает. Поравнявшись, краем уха ловлю обрывок фразы:

— ...Жорка-то ни одного представления не пропускает. Говорит, сильное впечатление. Особенно, когда бабу ножовкой... Как на пилораме!

М-да, как это не прискорбно, а на билет, похоже, придется разориться!

Разорилась. К тому же на первый ряд. А иначе, как я эту Кармен рассмотрю? Рядом, конечно же, сельские, с семечками расположились. Варезки открыли, ждут. А вообще народу не больно-то густо. От силы ползала. Что, конечно же, не могло радовать «виртуозов», чьи скучные физиономии время от времени проглядывали из-за линялого занавеса и снова исчезали в недрах кулис.

Наверное, потому они и представление задержали. Видимо, надеялись, что свежие силы подтянутся. Только напрасно. Новые зрители так и не появились, зато старые успели залузгать все, вплоть до арены. А еще откуда-то с галерки, прямо мне под ноги с устрашающим грохотом выкатилась пустая бутылка из-под «Гордой княжны». Хорошо, что не на голову! Я обернулась, чтобы прикинуть, откуда ее могли запулить, и на самой верхотуре увидела красную лоснящуюся рожу в налезавшей на глаза ушанке.

Потом народ стал понемногу изнемогать. По рядам прокатились нестройные хлопки, быстро перешедшие в громкое улюлюканье, а местами в яростный свист и отборный мат. После чего на середину арены стремительно, как будто ему под зад коленом наподдали, вылетел персонаж с рыжими бакенбардами и во фраке, сходу рассыпавшийся в приветствиях:

– Друзья, мы рады слышать ваши аплодисменты, свидетельствующие о том, что вам не терпится насладиться нашим искусством. И в этом вы чертовски правы, потому что такого вы больше нигде не увидите!

Вслед за ним выкатилась парочка помятых клоунов и стала заводить публику веселыми репликами следующего содержания:

– Бим, а тебе не кажется, что в этом зале как-то тихо?

– Да, Бом, ты прав, что-то зритель у нас сегодня вялый!

На что из одного конца зала тут же раздался возмущенный возглас:

– Сам ты вялый, козел!

А из другого – практический совет, «меньше петь Алябьева», поскольку «массы «Пернатых Венер» жаждут».

Уж не знаю, каких венер жаждали массы, а я так заждалась факира с его пилой, однако первым номером программы были собачки, за собачками жонглеры, за жонглерами укротитель с худым, как велосипед, медведем, а между ними эти маньяки, клоуны Бим и Бом, постоянно вступающие в пререкания с массами, жаждущими «Пернатых Венер», которые, как выяснилось впоследствии, на самом-то деле были «крылатыми». И все до одной в телесного цвета бикини и разноцветных перьях на задницах, вызывающих неописуемый фурор у мужской части почитателей циркового искусства.

И лишь после того как Венеры, под гром аплодисментов повиливая задницами, удалились с арены, конферансье с рыжими бакенбардами возвестил долгожданную для меня весть:

– А сейчас – гвоздь программы! Победитель

международных конкурсов, член всемирной гильдии магов факир Анри Ланже!

Ну, и сразу музыка такая знакомая пошла из какой-то оперы, не помню точно. А также полумрак воцарился.

Я затаила дыхание и подалась вперед, а на арену вышел маленький человечек в черном плаще и черном цилиндре и стал с таинственным видом туда-сюда под музыку расхаживать. Походит-походит и вытащит чего-нибудь то из рукава, то из цилиндра. Типа куриного яйца или зажигалки. Затем под одобрительный гул публики прикурил от зажигалки сигару и зажарил на ней куриное яйцо, держа его в собственной ладони.

Потом перебрался в зал и, отвлекая внимание зрителей детскими фокусами, снял с нескольких из них часы, но тут же, правда, вернул. Так что все остались довольны и уже приготовились к новым чудесам, когда факир, еще немного покружив по арене, удалился за кулисы, чем вызвал ропот среди публики.

— А пилить?.. Пилить-то будут? — эхом прокатилось по рядам.

Как всегда, особенно усердствовала галерка, а на ней уже известный вам мужик с красной рожей, роптавший больше других, и в основном нецензурно.

Однако дальнейшие события показали, что зря они так надрывались, потому что уже через пару минут на арене снова появился факир Анри Ланже в сопровождении еще двух «виртуозов», выкативших столик с полированным ящиком, здорово напоминающим гроб.

— А тьепер, — объявил он с сильным иностранным акцентом, — смертьельный номьер. Слабоньервных просят удаляйт!

Ну, а уж после того как выяснилось, что «слабоньервных» среди присутствующих, по счастью,

нет, обвел зрительский зал пылающим орлиным взором и поинтересовался, не найдутся ли среди них в таком разе отчаянные смельчаки, готовые подвергнуться процедуре распиливания.

Взбудораженный зал на несколько мгновений затаился, и в тишине молодой женский голос прозвучал особенно звонко:

– Я – желающая!

Факир стал было выискивать взглядом смельчачку, а она уже сама легко, как лань, сбегала по ступенькам на арену. Невысокая, но стройная, в обтягивающих брючках и трикотажном балахоне и с забранными в тугую высокий куль смоляными, как у Марго, волосами.

– О! Ви ест очъен храбрый русский девушк! – восхитился победитель международных конкурсов и член всемирной гильдии магов и протянул руку желающей подвергнуться рискованной процедуре красавице, чтобы препроводить ее к полированному гробу на колесиках.

Словом, дело вполне сладилось, и можно было б уже наконец и к распиливанию приступать, да тут краснорожий на галерке выступил:

– Ага, хрен она храбрая! Подсадная она, уже третий раз одна и та же! И никакая не русская, а Кармен!

Публика дружно вздохнула, а у меня в сумке зазвонил мобильник.

ГЛАВА 28

– Ну, что там у тебя? – засопела в трубку Марго. – Что-нибудь вырисовывается?

– Не то слово! – доложила я громким шепотом, не отрывая взгляда от арены. – Такие события раз-

ворачиваются, я те дам! Зрители уличили факира в надувательстве, потому что он подсадную утку распиливает. А эту утку зовут Кармен!

– Значит, все-таки Кармен? – тревожно переспросила Марго.

– Да-да, только я тебе лучше потом перезвоню, а то тут самое интересное начинается, – выпалила я и дала Марго отбой, чтобы ничего из происходящего на арене не пропустить.

А там как раз такие страсти закипели! Краснорожий спустился с галерки, перевалился через бортик и поперся напрямик к иностранному факиру, на ходу засучивая рукава.

Тот заметно струхнул и предпринял попытку ретироваться за кулисы, да не успел. Краснорожий одной рукой ухватил его за черный плащ, а другой сорвал с головы свою растоптанную ушанку и швырнул ее на арену со словами:

– Ничего, щас я всех вас тут на чистую воду выведу!

– Давай, Жора, давай! – одобрительно загудел зал.

Ах, так это и есть тот Жора, который ни одного представления не пропустил, догадалась я. Уж больно его мастерство «виртуозов» потрясло. И вот, во что это вылилось. В пьяный дебош на арене.

В этот момент плененный маг попробовал вырваться из рук разъяренного поклонника его таланта, но опять-таки безуспешно.

– Не рыпайся, факирская твоя морда! – рывкнул краснорожий Жора и намотал на локоть полу черного плаща, под которым у победителя международных конкурсов оказались сильно потертые джинсы и простецкие кроссовки.

– Убери грабли, козел! – на чистейшем русском без какого-либо акцента отреагировал на Жорину

вольность факир Анри Ланже, а подсадная Кармен, незаметно подойдя сзади, влепила сельскому скандалисту оглушительную оплеуху.

Зал гулко ахнул.

— Ах ты, сучка недорезанная! Но ничего, я тебя сейчас распилю! — взревел, как голодный цирковой медведь Жора, отпустил мага и стал гоняться за обидчицей по всей арене. Но та была юркая, как ящерица, в то время как самого Жору, которого здорово развезло от «Гордой княжны», бросало из стороны в сторону.

А тут еще и многочисленные «виртуозы» из щелей повывлезали и всем скопом на бузотера набросились и ну ему по полной программе навешивать. В знак солидарности с факиром и его подсадной Кармен.

Публика, еще минуту назад заворожено наблюдавшая за этим представлением, по зрелищности не уступающим полуголым «Крылатым Венерам», мгновенно наэлектризовалась.

— Гады! Сволочи! Наших бьют! — понеслось ото всюду.

Мало того, из числа наиболее активных зрителей оперативно сформировалась крепкая группа Жориной поддержки и с большим энтузиазмом присоединилась к мордобойю на арене. И, надо признать, очень быстро потеснила повсеместно дрогнувших и ударившихся в позорное массовое бегство «виртуозов».

И только тут я обнаружила, что, увлекшись схваткой, потеряла из виду ту, из-за которой купила билет на эту убогую самодеятельность и которой на арене уже не было. Наверное, за кулисы под шумок смылась. А ведь я ее даже толком-то рассмотреть из-за потасовки не успела! А все этот идеалист Жора со своей неумемной тягой к справедливости!

Ну, и что теперь делать, засвербело у меня в черепушке, хотя, по большому счету, я вполне могла бы считать свою миссию выполненной. В конце концов, Марго ведь меня посылала только за тем, чтобы разнюхать, есть ли в этом цирке Кармен, что я и сделала. Но понятно же, что на этом Марго не остановится и уже завтра озадачит меня как минимум выяснением личности подозрительной циркачки.

Собственно, только лишь осознание этих раскладов меня на следующий, на первый взгляд, необдуманный поступок и толкнуло. Я сгруппировалась и, намертво зажав под мышкой сумку, ринулась в самую гущу свалки, где плечом, а где и военной хитростью прокладывая себе дорогу к кулисам. А, впрочем, особенных препятствий мне никто и не чинил, поскольку «виртуозам» и Жориным соратникам не до меня было. Уж больно плотно они друг дружкой занимались.

Да и за кулисами такой переполох стоял, что на меня никто и внимания не обратил. Поэтому я могла чуть не прогулочным шагом разгуливать и в каждый угол заглядывать, которых там, кстати, и не было, потому что шатер-то круглый. Ну, а что до прогулочного шага, то тут я тоже, признаюсь, слегка загнула. Потому что при тамошней тесноте как-то передвигаться можно было лишь бочком, да и то втянув в себя живот. И все равно при этом рискуя либо сломать себе ногу, либо нервный тик схлопотать. Поскольку чуть не из каждого то и дело встречающегося на моем пути ящика что-то таявало или рычало.

Так что я уже почти отчаялась к тому моменту, как все-таки заметила Кармен. Она стояла у служебного выхода и меланхолично застегивала пуговицы на полушубке из искусственной замши. И это

в то время, когда из-за нее на арене все еще настоящая бойня продолжалась!

— Уходишь? — окликнула ее одна из «крылатых венер», остававшаяся все еще в неглиже.

— А что тут делать? — равнодушно молвила Кармен. — Представление окончено.

А вот тут я могла бы с ней и поспорить. Ибо, судя по беснованию в зрительском зале, оно было в самом разгаре.

Впрочем, мое мнение так при мне и осталось. Кармен выскользнула на улицу, а я, выждав пару мгновений, за ней. И сразу увидела ее на задах цирка с сигареткой в зубах и мобильником возле уха. Но, как ни оттопыривала уши, ни словечка из того, что она говорила, не расслышала, что, как вы понимаете, еще сильнее меня заинтриговало.

Однако долго торчать в непосредственной близости от нее я побоялась и, прикинув, что смогу наблюдать за ней и со стоянки, резво перебежала через дорогу и занырнула в свою успешную основательно остыть «пятеру», которой и занялась, периодически бросая косяки на Кармен. Благо, она все еще не сходила с места. Такое ощущение, что ждала кого-то. Ну, а мне оставалось только мечтать, чтобы это ожидание затянулось до тех, пор, пока я не взбодрю свое ржавое корыто.

И, чтоб вы думали, моя колымага показала класс и завелась, прежде чем прыткая Кармен упорхнула. А также прежде чем к цирку с сиреной и мигалками два милицейских «бобика» подкатили. Надо же, выходит, не на всех кондратовских блюстителей порядка тотальный мор распространился!

И вот, когда блюстители повыпрыгивали из «бобиков» и, громко, как в лесу, перекликаясь, скрылись в недрах латанного заезжего цирка, из-за поворота на большой скорости вылетел навороченный

джип, крутанулся вокруг стоянки и, выхватив из темноты мощными фарами хрупкую фигурку Кармен, резко, без малого не встав на дыбы, перед нею затормозил. Но ненадолго. Потому что через считанные секунды он снова утюжил дорогу, а вот Кармен уже не было.

* * *

Наплевав на инструкции Марго с высокой колокольни, я тряслась по колдобинам вслед за унесшим Кармен внедорожником. И если моими действиями, что и руководило, то только охотничий азарт, подогреваемый интересом: догоню я его все-таки или только согреюсь? Так и решила про себя, потеряю, значит, так тому и быть. Ну, а уж если умудрюсь не отстать, то это уж точно знак свыше.

А этот гад, ну который в джипе, будто дразнить меня задумал. То разгонится, как пришпоренный, то вдруг ползти начинает. И так всю дорогу. Прямо замучил совсем. А потом, когда мы уже на Старо-Кодратовское шоссе повернули, неожиданно оторвался и стал удаляться с такой бешеной скоростью, что о том чтобы его настичь, можно было и не заикаться.

И все-таки я тоже со всей дури на «газ» надавила, скорее уж для успокоения совести, чем на что-нибудь надеясь. Впрочем, тут же стала постепенно притормаживать из опасения, что мой драндулет рассыплется на запчасти. Потом, окончательно разуверившись в возможностях несчастной «пятеры», собиралась уже повернуть обратно в город и буквально обалдела от открывшейся мне картины. Джип, за которым я гонялась, преспокойненько торчал на обочине.

Мне только и оставалось, что вперед проехать. Потому что не могла же я пристроиться рядом и смотреть, что дальше будет. Единственное, что я себе позволила, это, поравнявшись с «летучим голландцем», бросить в его сторону короткий взгляд, которого мне все же хватило, чтобы одно интересное открытие сделать. Двое на передних сиденьях замерли, приникнув друг к другу головами. Черт, да они целовались!

Ну, тогда понятно, почему этот лихой водила так странно вел свою колымагу. Как говорится, совмещал полезное с приятным. А теперь, видать, до того приспичило, что он даже решил прервать поездку. Или второй вариант: они никуда особенно и не торопились, а всего лишь искали уединенное местечко. Только вот стоило ли ради этого в такую глухомань забираться, когда у нас в Кондратове на весь город всего-то два фонаря!

А впрочем, это их проблемы. И мне они только на руку. Во всяком случае, я могла не переживать, что мне кто-нибудь башку открутит. И именно сознание того, что этим голубкам в данный момент уж точно не до меня, придавало мне такую уверенность. Проехав еще километра полтора по Старо-Кондратовскому шоссе, я остановилась у развилки. Во-первых, отсюда у меня был прекрасный обзор на случай, если влюбленные захотят вернуться назад, и, во-вторых, стопроцентная гарантия, что они не проскочат мимо, если все-таки продолжат свое романтическое путешествие по живописным окрестностям Кондратова.

Одно меня смущало. Не идиотская ли это с моей стороны затея – следить за сексуально озабоченной парочкой, удовлетворяющей свои желания буквально на ходу? Как бы там ни было, а это не преступление. Гм-гм, но Кармен, Кармен... Постойте-

ка... А вдруг она там с Денисом! Такое ведь тоже не исключено, если вспомнить, что рассказывала Лиза, уж не знаю, какая: то ли бедная, а то ли и не очень.

Кстати, а если в джипе окажется Денис, то кое-что, может, и прояснится. По крайней мере, отпадут сомнения в том, что Лиза, какая бы она там ни была, в этой истории роль третьей лишней исполняла. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Да, между прочим, а чего это Марго давно не звонит? Сейчас бы ее аналитические способности мне очень дажегодились. С этой мыслью я и полезла в сумку за мобильником, достала и разочарованно шмыгнула носом. Разрядился! Потому-то и молчал. А, самое обидное, Марго мне теперь всю плешь переест. Скажет, что это я специально подстроила.

Между тем у джипа дальний свет включился. Значит, голубки, вдоволь порезвившись, вновь путь держать собрались. Оставался, правда, вопрос, куда, но и он очень скоро разрешился, потому что поехали они в мою сторону, к развилке. Затем повернули направо и неспешно покатали по грунтовке. А я, выждав для приличия минуту-другую, тоже к ним присоединилась, хотя и не без опаски. Уж если у нас по проспекту Демократов, не влетев в канализационный люк, не прошвырнешься, то забуксовать на проселочной дороге – все равно, что два пальца... Короче, грамотные, сами в курсе, что сделать. Хотя и вряд ли знаете, зачем.

Но ничего, не засела, как ни странно. Даже несмотря на ненасытно чмокающую под колесами грязь и то обстоятельство, что я была без понятия, в какую степь меня эта грунтовка вывезет. А она вывезла то ли к озеру, то ли к пруду, на ярко освещенном пятачке перед которым джип наконец остановился и заглушил мотор.

Я тоже затормозила, но на очень почтительном расстоянии, а вот двигатель выключать не стала. Потому что мой тарантас вполне себе может потом и не завестись, а как я тогда отсюда выберусь? Тем более, не очень-то представляя, где именно я нахожусь.

Что касается джипа, то он какое-то время постоял с включенными фарами, после чего я услышала щелчок открывшейся дверцы и музыку, вырвавшуюся из его нутра на несколько мгновений. И тут же все снова стихло, а рядом с джипом возникли два силуэта. И если в том, что пониже, я без труда признала циркачку Кармен, это наливное яблочко недавнего раздора на арене, то второй, повыше, со спины мог напомнить кого угодно. Хоть того же Дениса. Впрочем, этот вроде как-то поплотней и покоренастей. Может, из-за одежды? Вот глянуть бы на него с лица...

Однако такой возможности обхвативший Кармен за талию незнакомец мне, к сожалению, не предоставил, поэтому мне пришлось осторожно выбраться из своей «пятеры» и, крадучись, перебежками, двинуться за этими голубками. А они, все также трогательно обнявшись, устремились к обсаженному ивами пруду, посреди которого я мало-помалу что-то вроде островка рассмотрела. А по мере приближения еще и ведущий к нему с берега узкий мостик. К тому же железный, судя по тому, как застучали циркачкины каблучки. Из чего следует, что стоит мне только на него ступить, как эти двое впереди сразу же догадаются, что они не одни.

Впрочем, тогда, по крайней мере, они обернутся, и я увижу этого типа анфас. Хотя опять же и он меня тоже. И все же, если я не рискну, мне трудно будет поручиться за то, что Кармен тискает Денис, а не кто-нибудь еще. Тем более доказать это Марго, а

она такая въедливая! Да к тому же и все мои сегодняшние цирковые мытарства насмарку пойдут.

И я решилась. Взялась за поручень моста, сделала шаг и тут... За моей спиной громко треснула ветка!

Глава 29

Я летела к своей «пятере», не разбирая дороги, а за мной по пятам, с пыхтением и сопением, расшвыривая по сторонам ошметки жирной грязи, мчалось что-то большое и бесформенное. А самое ужасное, что Оно ничего не говорило, поневоле наводя меня на мысль о своей нечеловеческой природе. Помню, меня еще будто током шарахнуло. А вдруг, думаю, это голодный цирковой медведь?

Да-да, не смейтесь, было у меня такое помрачение. Только я б на вас в такой обстановке посмотрела. Потому что на здоровую голову легко рассуждать логически, дескать, откуда бы он, этот косолапый, взялся, не в джипе же его привезли! В то время как со страху чего только не примерещится.

Ну, а этот-то точно никакой не медведь оказался, тут вы правы. Это я по его рукам определила, когда он мне в загривок вцепился, буквально в трех шагах от моей тачки, к которой я из последних сил стремилась.

Так вот, руки у его были вполне человечесьи, а хватка — точно медвежья. Так стиснул мне шею, что у меня перед глазами разноцветные круги поплыли.

— А-а-а!.. — испустила я жалостный вопль и упала лицом вниз, больно ударившись коленками и локтями.

А этот, с медвежьей хваткой только еще сильнее навалился, как будто расплющить меня собрался.

Из чего я сделала вывод, что планы его простирались намного дальше, нежели просто задержать меня и пожурить, и завертелась в его руках ужом.

Даже и не скажу, что меня в конечном итоге выручило – мое физкультурное образование или молитвы Марго, которая наверняка меня за выключенный мобильник вдоль и поперек крыла – только я каким-то чудом извернулась и лягнула своего обидчика ногой. Да так, что каблук моего сапога вошел в него, как в масло. Уж не знаю, в какое именно место я ему угодила, но мне показалось, что-то у него хрустнуло. А еще он застонал и отвалился.

Можете не сомневаться, этого мне хватило, чтобы вскочить с земли, запрыгнуть в «пятеру», благо, она стояла под парами.

– Ну-ну, козочка, выручай! – жарко шепнула я ей, впившись в баранку, и отчаянно вдавила в пол педаль акселератора.

«Козочка» послушалась и запрыгала по ухабам, как молодая, а я стала вглядываться в дорогу, чтобы не засесть в грязи, что, как вы понимаете, было бы особенно обидно после тех ужасов, которые я с трудом пережила. Причем, в самом, что ни на есть, буквальном смысле.

Но мне и в этот раз подфартило, и до Старо-Кондратовского шоссе я добралась на удивление быстро и без нежелательных эксцессов. Вырулила на развилку и, не заметив за собой погони, вздохнула с облегчением. Вот только на душе неприятный осадок остался. Из-за этого уroda, которого я в пылу борьбы каблуком проткнула. А вдруг на-смерть, а? Конечно, он первый начал и уж точно меня бы не пожалел, а все-таки убивать я его не хотела.

Нет, но если так разобраться, то он сам виноват. Накинулся на меня, как вурдалак, а за что про что,

непонятно. Вот если б мне удалось рассмотреть рядом с Кармен Дениса, тогда бы все на место встало. А так... Ведь чисто теоретически эта лихая циркачка могла быть с кем угодно. И я не сильно удивлюсь, если в каждом уездном городке, через которые гастрольный тур «Виртуозов арены» пролегает, у нее пруд пруди «поклонников таланта».

Кстати, насчет пруда. Хотелось бы знать, зачем там мостик и что такого на островке, раз туда Кармен со своим дружкой подалась. Уютное местечко для романтических свиданий? Ну, а кто в таком случае тот, которого я зашибла в порядке самообороны? Ой, нет, больше не могу! Пусть уж лучше Марго свои широко разрекламированные посредством «Кондрашки» мозги сушит. Тем паче, что мои ноги сегодня, как никогда, отличились.

* * *

– Ты... Что с тобой? – Марго открыла мне дверь и остолбенела.

– А что? – мне самой интересно стало, чего такого страшного, помимо грязной куртки и продранных на коленках колготок, она увидела. Вдруг этот бугай мне что-нибудь жизненно важное повредил? Однако, как ни размазывалась по стенке, к зеркалу протиснуться так и не смогла, потому что Марго всю прихожую собой заблокировала. Одно из двух: либо ей срочно пора начинать, наконец, с лишним весом бороться, либо квартиру менять.

– А телефон? Почему ты опять его отключила? – снова набросилась на меня Марго. – Скажи, пожалуйста, что я должна была думать?

– Да у меня просто мобильник разрядился! – у меня не было ни малейшего желания с ней объясняться, только вряд ли этого избежать.

– Конечно, у тебя вечно все не слава Богу! – мое оправдание Марго не убедило. – И, пожалуйста, прекрати корчить рожи!

– Какие рожи? Ничего я не корчу! – огрызнулась я, все больше беспокоясь. Нет, мне нужно срочно посмотреться в зеркало, а то мало ли!

Что я и сделала, когда Марго немного посторожилась. И после этого от сердца у меня отлегло. Но не сразу. Сначала я умылась. А иначе бы мне нипочем не разглядеть, что самое главное – мои глаза, нос, рот и уши – находятся на своих законных местах.

Ну а пока я дотошно изучала свое отражение, Марго закидывала меня вопросами:

– Так это в цирке тебя так отделали, что ли?

– Нет, не в цирке, хотя там тоже знатная драка была. Из-за этой Кармен, будь она неладна, – я стащила куртку и стала придирчиво рассматривать ее на свету. Увы, на ней, помимо грязи, обнаружилась еще и дыра, размером в кулак. Видимо, я за что-то зацепилась, катаясь по земле с тем дебилом, который еще немного и задушил бы меня в своих объятиях.

– Драка? – насторожилась Марго. – А с какой стати?

– Да там один правдолюбец попался, по имени Жора. Решил факира на чистую воду вывести, – я занялась осмотром собственных коленок, а они были не только в грязи, но и в крови.

А когда подняла голову, Марго уже стояла передо мной с ковшом воды, большим клоком ваты и пузырьком зеленки.

– Спокойно, – заявила она, – сейчас будем твои боевые ранения обрабатывать.

– А, может, не надо? – уныло покосилась я на зеленку.

– А тебе не стыдно? – сурово отрезала закаленная в битвах с нашими чадами Марго и ну меня зеленой раскрашивать.

– Ой, щиплет! – я даже зажмурилась и, поминутно охая и морщась, дорассказала ей историю о том, как «Виртуозы арены» потерпели поражение от местных забулдыг.

– Да, веселое, видно, представление было! – хмыкнула Марго и строго-настрого велела мне проверить, нет ли у меня еще каких повреждений.

– Просто сногсшибательное! – я ощупала свои локти и не нашла в них особенных изъязнов. – Но что было потом! Знаешь, я, кажется, кого-то убила!

– Что-о? – Марго уронила ковш с водой. И, конечно же, прямо мне на ноги. – Кого?

– Да я его не рассмотрела! Там темно было! – похлопала я тапками в образовавшейся на полу луже. – Но, я тебе так скажу, если б не я его, то тогда он бы меня! – Для наглядности обхватила я пальцами свое горло и высунула изо рта язык.

– Значит, это правда? – Марго в прямом смысле села в лужу.

– А ты думала, что я свою новую куртку от нечего делать порвала, так по-твоему? Я уже молчу про колготки! – указала я Марго на очевидные нестыковки в ее хваленной логике.

– Но... Как это случилось?.. И... И чем ты его? – похоже, в луже Марго себя вполне комфортно чувствовала.

– Чем-чем... Ногой... То есть, сапогом... М-м-м, каблуком, – замотала я головой. – Сама же знаешь, что пистолета у меня нет!

– Ка... Каблуком? – ахнула Марго.

– Ну да, им самым, – подтвердила и покосилась на свои брошенные у двери сапоги, которые выглядели, как две кучки грязи. – Этот гад на меня нава-

лился и стал душить, а я его ногой двинула... А каблук так и воткнулся!.. И еще что-то хрястнуло, бр-р-р... Он, ну тот, что меня душил, сразу обмяк, а я... Я запрыгнула в машину и по газам!

– Постой-постой... – снова возникла Марго. – А с чего он вдруг на тебя напал? Этот душитель!

– А я откуда знаю? Может, он маньяк, – пожала я плечами. – Потому что ничего такого особенного я там, возле этого пруда не увидела. Вернее, не успела. Но по всем признакам, это должен быть Денис!

– погоди! Какой пруд? Какой Денис? Объясни ты мне, наконец, все толком! – завопила Марго из лужи.

– Ну, пруд как пруд... – почесала я затылок. – Да хрен его знает, какой это пруд! Могу только рассказать, как туда проехать. По Старо-Кондратовскому шоссе до развилки, а потом направо по грунтовке...

– Нет, а ты-то там как оказалась? – заерзала в луже Марго.

– Да очень просто, – вздохнула я тяжело. – Поехала за этой Кармен после драки. Ну, она села в джип к этому, которого я так и не разглядела. Но, знаешь, по всему это должен быть Денис, больше некому... Тем более они всю дорогу целовались... Но, с другой стороны, я так прикидываю, все-таки этот дружок Кармен как-то покрепче, что ли... Эх, если б мне его с лица увидеть, но не повезло. Только-только они к пруду подъехали и по мосту пошли, как этот бугай на меня сзади накинулся...

– А что, там еще мост был? – Марго замерла с открытым ртом.

– И мост, и островок, – кивнула я, – а может, и еще что-нибудь, но я из-за этого вурдалака больше ничего не разглядела. Как набросится, кровопивец! У меня аж в глазах зарябило!

– Ну что ж... – пробормотала Марго озабоченно, опираясь о стенку, поднялась наконец из лужи и побрела на кухню.

Как выяснилось, за тряпкой. Чтобы лужу ликвидировать. Да только зря она так беспокоилась, потому что сама же разлитую воду собственным халатом и вытерла.

И все-таки она поелозила тряпкой по полу, видимо вся во власти мыслительного процесса, и только потом выдала, чего она надумала. А надумала она такого, что мало не покажется:

– В общем так, Люба... Решить, убила ли ты кого-либо или нет, не имея в наличии трупа, я, конечно, не могу, но считаю, что некоторые меры для того, чтобы тебя не нашли, мы должны принять. Причем, немедленно.

– А... – хватанула я воздуху, – ты думаешь, меня будут искать?

– Естественно, – вот что Марго умеет, так это поддержать в трудную минуту. – Причем, скорее всего, не милиция. И вне зависимости от факта убийства. Ибо раз уж этот, как ты его называешь, вурдалак на тебя напал, то уж точно неспроста. А потому что твое присутствие в районе загадочного пруда было крайне нежелательным.

– Значит, дело все-таки в Кармен? – с дрожью в голосе уточнила я.

– Возможно, – уклончиво ответила Марго, – но сейчас для нас другое важнее. А конкретно, забота о собственной безопасности, которая из-за твоей самодетельности в очередной раз под вопросом!

Как я ни была напугана, а такое стерпеть, конечно, не могла. Рискуешь своей собственной шкурой, а вместо благодарности одни упреки!

– Ах, опять я виновата? Очень мило! Получается, что я ни сделаю, все не так, да? Ну хорошо, боль-

ше я из дому не высунусь, даже не уговаривай. И тогда мы посмотрим, сколько будут стоить твои замечательные мозги без моих ног!

– Нет, но что ты завелась? Я же не это имела в виду, – разумеется, тут же пошла на попятный Марго. – Я о том, что нам нужно позаботиться о себе, пока сообщники того мерзавца, что душил тебя, до нас не добрались. А для этого у нас, к счастью, еще есть время. Поскольку, как ты говоришь, там было темно и бандит вряд ли мог тебя рассмотреть. Если он выжил, конечно... Вот только... А как насчет Кармен и ее приятеля? Они тебя видели?

А действительно, как же я о них-то забыла!

– Вряд ли, – покачала я головой.

– По крайней мере, хоть это обнадеживает, – выразила удовлетворение Марго, – Но мы все равно не должны успокаиваться. Потому что возле озера могли остаться следы. От тех же протекторов. А потому резину следовало бы поменять. Ну, или уж как минимум помыть машину. Она ж ведь, наверное, вся в грязи?

– А то! – присвистнула я. – Не видно, из чего сделана!

– Тем более, – поддакнула Марго и стала инструктировать меня дальше. – А теперь что касается куртки и сапог. От них необходимо избавиться. Особенно от сапог.

– Что-о? – взвыла я. – Да ты!.. Ты хоть думаешь, что говоришь? Ну, куртка ладно, она рваная, но чтобы я выбросила новые сапоги? Да у меня рука не наляжет!

Однако Марго в отношении моих сапог была крайне решительно настроена:

– Наляжет-наляжет, куда денется! Как-никак, они орудие убийства. А это тебе не шуточки!

– Ну и плевать, что оружие! А ходить я в чем буду? Босиком? – у меня даже слезы из глаз брызнули. Нет, это ж надо, в кои веки купишь себе новые сапоги, а тебя заставляют их на помойку выкинуть!

– Походишь в старых, ничего с тобой не случится. Тем более зима уже кончается, – не моргнула глазом Марго, у которой вообще сапог не было. А зачем они ей, если она из дому не выходит?

– Да, ты так думаешь? – честно говоря, я была близка к истерике. – Тогда, может, мне заодно и ногу себе отрубить? Она ж ведь, если что, по одной статье с сапогами пойдет!

– Вот только умничать не надо, ладно? – этот крик моей души Марго ни чуточку не тронул. – Лучше отправляйся машину мыть.

– Как? Прямо сейчас? – я даже про сапоги забыла.

– А ты что, утра ждать собираешься, когда все увидят, в каком она у тебя состоянии? – ощерилась на меня Марго, и я окончательно поняла, что мне не отвертеться.

– Ладно, если ты так хочешь, – полоснула я Марго обиженным взглядом. – Только Костю позову, пусть поможет...

А Марго аж подпрыгнула:

– Ни в коем случае! Он же первый начнет тебя расспрашивать, где ты так изгвоздалась, а про твои ночные приключения никто не должен знать!

Ну вот, вообще замечательно! Костя мне не помощник, потому что может проболтаться, у Стаса, как всегда, растяжение копчика... Нет, недаром же умные дядьки в телевизоре талдычат, что главное не суровость наказания, а его неотвратимость. Возьмите хоть меня. Я ж ведь даже еще не совсем уверена, что кого-то замочила, а уже расплачиваюсь.

И расплачивалась почти до рассвета. Раз, наверное, десять только за водой на пятый этаж бегала, потому что грязи на моей машине было больше, чем шерсти на собаке. И только одно меня хоть как-то утешало, это то, что мои сапоги, которые Марго вручила мне вместе с мусорным ведром перед первой ходкой во двор, мне удалось пристроить у Кости-Подводника.

– О, Любаня! – сонно захлопал он глазами, открыв передо мною дверь, и тупо уставился на мешок с «орудиями убийства». – А это что?

– А это тебе на ответственное хранение, – буркнула я и побежала вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки и громыхая помойным ведром.

Что касается «пятеры», то я ее все-таки с грехом пополам, но отмыла. От чего она, если и не как новая сделалась, то, по крайней мере, стала угадываться в темноте. Правда, сама я при этом так ухайдакалась, что обратно в квартиру на четвереньках приползла. Тихо заведя труп, оставшемуся спокойно лежать у пруда.

Не знаю даже, стоит ли уточнять, что я заснула раньше, чем моя голова коснулась подушки, но вот что обязательно придется вам рассказать, так это как я проснулась.

А проснулась я от того, что Марго трепала меня, как тряпичную куклу, внушая громким шепотом:

– Вставай! За тобой из милиции приехали!

– Как? Уже? – переспросила я и снова рухнула на диван.

ГЛАВА 30

– Только не вздумай ни в чем признаваться, – учила меня Марго, пока я как пьяная шарахалась по комнате в поисках одежды. – Потому что на тебя у них наверняка ничего нет.

– Ага, нет, – било меня в трясучке. – А чего ж они тогда приперлись?

И, правда, это ж надо, какая оперативность! Особенно если учесть, что без нас с Марго Косоротов ни одного дела не раскрыл! Кстати, а ведь в данный момент он вообще радикулитом подкошенный... Тогда, кто же вместо него такую бурную следственную деятельность развил? Неужто, этот тихоня Ермаков? Вот те на, а мы-то думали, он только картошку чистить умеет!

– Ну, приперлись и приперлись, – как могла успокаивала меня Марго, хотя и сама заметно нервничала. – Мало ли... Может, они посоветоваться с нами хотят...

– О чем? – я так отчаянно драла расческой волосы, что из нее все зубья повыскакивали.

– Н-ну... Как?.. Мы же все-таки детективное агентство, – Марго из последних сил пыталась вселить в меня оптимизм, а лучше бы сумку с самым необходимым собрала, на что я ей и указала.

А теперь представьте себе мою физиономию, когда я заметила, что мой арестантский мешок уже поджидал меня в прихожей!

– Да это я так, на всякий случай, – оправдывалась Марго. – Ты же знаешь, какая у нас правоохранительная система. И потом, ты же сама говорила, что Косоротов неоднократно обещал тебя в «обезьянник» упечь...

– Да, было такое, – вздохнула я чуть ли не мечтательно. А чему удивляться, сейчас перед угрозой статьи за убийство кондратовский «обезьянник», в котором я уже однажды побывала, представлялся мне просто райским уголком.

– Ну, вот, видишь... Все не так страшно, – ободряла меня Марго, старательно отводя при этом глаза.

— Угу, — шмыгнула я носом и тихонечко заглянула в детскую, где мирно посапывали Ян, Туська и Стас, счастливо не ведающие о том, что надо мной неотвратимость наказания нависла.

— Не волнуйся, все будет хорошо, — тронула меня за плечо, тихо подошедшая ко мне сзади Марго, после чего мы обнялись и тихо всплакнули.

Ну, а уж потом, закинув за спину свой арестантский мешок, я медленно и обреченно спустилась во двор и села в стоящий у подъезда милицейский «уазик», предварительно кинув последний взгляд на наше кухонное окно, за которым застыла печальная Марго.

Прощай, подружка, подумала я, хоть ты меня и тиранила, а мне тебя будет не хватать. А сидящий в «уазике» на переднем пассажирском сиденье незнакомый мне юный лейтенант скомандовал водителю-сержанту:

— Поехали!

«Уазик» сорвался с места и попылил по Кондратову, осточертевшие виды которого я в этот раз созерцала с особенной теплотой и горючей слезой во взоре. Даже ухабы, на которых исправно подпрыгивал милицейский «козел», и те мне казались какими-то особенно родными.

А уж когда мы на проспект Демократов выехали, меня и вовсе такие чувства переполнять стали, что словами не обсказать. Как зачарованная, завертела я головой, старясь запечатлеть в своей памяти каждую уличную забегаловку, каждую заплеванную подворотню, каждый разбитый фонарь и канализационный колодец на дороге. Потому что еще неизвестно, когда я все это снова увижу.

А тут еще, как нарочно, неизвестный мне лейтенант масла в огонь подлил:

— Да не волнуйтесь вы так, мы вас надолго не задержим.

Надо ж, такой молодой, а уже садюга. Далеко пойдет, можно не сомневаться.

– А... Зачем я вам понадобилась? – робко пискнула я, стиснув в руках свои арестантские манатки.

– Да опознание провести, – подмигнул он мне почти по-дружески.

– Опознание? – мне совсем уж нехорошо стало. Так это что ж выходит, свидетели того, как я у пруда проткнула каблуком неведомого мне бугая, все-таки имеются? Неужели это Кармен со своим любовником? Или... Или сам бугай? В том случае если травма от каблука оказалась не смертельной?

Короче, чего только перед моим мысленным взором не пронеслось, прежде чем «уазик» не затормозил у знакомого мне околотка с усыпанным окурками крыльцом. А уж как я шла по коридору в сопровождении молодого милицейского садюги, вообще не поддается описанию.

– Сюда проходите! – распахнул он передо мной дверь кабинета Мишки Косоротова.

Я шагнула – а куда мне было деваться – и увидела косоротовского помощника Ермакова и главу ликеро-водочной безопасности Пал Палыча, который в игривом расположении любит называть себя Магометом. Они сидели и о чем-то беседовали. А у стены, на стульях расположилась очень колоритная троица: еще один милиционер, дружинник Пал Палыча, тот, что с железобетонной челюстью, и четвероногий с вокзала по прозвищу Полсосиски, по-прежнему босой и в трениках.

* * *

– А вот и наша свидетельница! – первым заметил меня Пал Палыч и радостно осклабился.

Ермаков же напротив напустил на себя серьезной деловитости:

– Э-э... Здрасьте, Любовь Васильевна!

Я в ответ только кивнула, потому что язык у меня, по-моему, парализовало.

– Так вот, Любовь Васильевна, мы вас позвали, чтобы вы опознали одного человека, – снова заговорил Ермаков, не сводя глаз с предводителя ликероводочной безопасности, как будто тот посредством чревовещания суфлировал. – Э-э... Не могли бы вы сказать, есть ли среди присутствующих здесь лиц человек, у которого вы видели кошелек Елизаветы Романовны Кузовлевой?

– Ка... Какой Елизаветы Романовны? – с трудом шевельнула я языком. И только потом до меня дошло, что это он нашу бедную утопленницу подразумевает, которая, может статься, на самом деле жива. – Ах, вы про Лизу?

– Да-да, – подтвердил Ермаков деревянным голосом и заглянул в лежащую перед ним на столе бумажку, – я имею в виду Елизавету Романовну Кузовлеву, тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года рождения, уроженку города Саратова...

– Ах, вот оно что... – я как будто сама из Беглянки вынырнула, – ну да, разумеется, я могу вам сказать, у кого я видела Лизин кошелек. Вот у него! – показала я на Полсосиски.

– Вы уверены? – глазки Ермакова забегали.

– Абсолютно, – кивнула я, хотя правильнее было бы сказать: еще бы. Учитывая, какую они компашку Полсосиски подобрали. А, кроме того, разве такого с кем-нибудь спутаешь?

А чтобы у Ермакова пропали последние сомнения, я еще раз подчеркнуто внимательно изучила этого вокзального замухрышку с собачьими повад-

ками. Хотя чего там было особенно рассматривать? Если только цыпки на его босых ногах.

И вдруг он как тявкнет на меня! Я чуть на пол не села, притом, что уже знала, какие штучки от него ожидать можно. А вот мешок свой арестантский с перепугу выронила. Зубная щетка, расческа, мыло, полотенце и прочие, выпавшие из него мелочи так и разлетелись по всей комнате. Что же до сидящих рядом с Полсосиски милиционера и ликеро-водочного дружинника с железобетонной челюстью, то они без малого со стульев не посыпались.

Ермаков тоже растерялся, захлопал своими гляделками и пробормотал:

— Эй, ты кончай это!.. А то, если каждый будет тут гавкать!..

Кажется, один только Пал Палыч самообладания не потерял. Присел на подоконник, сложил на груди руки и стал с каким-то почти научно-познавательным интересом наблюдать за Полсосикиными фортелями.

А тот, надо сказать, на достигнутом не успокоился и продемонстрировал все, на что способен. В-первых, соскочил со стула и принял убедительную позу на четырех точках, а, во-вторых, очень правдоподобно и громко завыл.

При виде такой картины бедный Ермаков затрясся и дал «петуха»:

— А ну!.. А ну встань немедленно!

Однако Полсосиски не только не внял его требованию, но и громко заливисто залаял. Как цепной пес на перелезающего через забор вора.

— Черт-те что!.. — бледный Ермаков в мгновение ока оказался в самом дальнем углу комнаты. — Он... Он же ненормальный!..

— Ну и тем лучше, — отозвался с подоконника невозмутимый предводитель ликеро-водочной безо-

пасности, – меньше возни будет. Ясно же, что это он дивчину порешил. С больной головы. Маньяки они все шизонутые. Вот и этот такой же. Убил девчонку, сбросил в Беглянку, а кошелек на память прихватил. Типа, поиграться...

– П-п-п... Пожалуй... – Ермаков утер рукавом милицейского кителя покрывшийся крупными бисеринами пота лоб.

– Тогда поздравляю тебя, – Пал Палыч через стол протянул Ермакову руку для пожатия. – Считай, что дело закрыто. И начальнику своему радикалитному так и передай. Пусть себе болеет спокойно, не переживает, что у него тут «висяки» накапливаются. Мы, как говорится, подняли выпавшее из его рук знамя. А этого... Песика, – главный ликеро-водочный цербер кивнул на Полсосиски, – отправляй в СИЗО на полное довольствие. Глядишь, там из него человека сделают. Может даже, говорить научится!

И ведь как в воду глядел. Потому что говорить Полсосиски и впрямь научился. Причем, раньше, чем на нары загремел.

– Да за что? За что, начальник? – заголосил он с полу.

– О! Уже заговорил! – удивился Пал Палыч. – Надо ж, какой способный оказался!

– Да я ж!.. Я ж никого не убивал! – в эмоциональном порыве Полсосиски стал головой о косоротовский стол биться. При этом по кабинету почти колокольный звон распространился. – А лопатник она сама посеяла, когда на вокзале с другой лахудрой трепалась. Да вы ее найдите, она подтвердит! Она... Она такая ж тоже задрыга... Ну, лет двадцать ей, в джинсовых штанах... Ну, найдите ее, она подтвердит!..

– Уведите! Уведите его немедленно! – выкрикнул окончательно забившийся в угол Ермаков при-

влеченным шумом сослуживцам, в большом количестве набившимся в кабинете.

— А заодно на цепь посадите, — со своей стороны порекомендовал Пал Палыч.

Полсосиски подхватили под руки и волоком вытащили в коридор, откуда еще с минуту слышались возня и душераздирающие вопли:

— ...Ну, хорошо, срисовал я у нее этот лопатник, но мокрушничать-то мне зачем?..

И только когда все затихло, я подняла с полу заботливо собранные для меня Марго предметы первой необходимости, сложила их в мешок и осведомилась у Ермакова:

— Ну что, это все? Я вам больше не нужна?

Хотя логичней, наверное, было б спросить об этом у Пал Палыча, который, похоже, тут всем в отсутствие Косоротова заправлял.

— Идите, идите!.. — замахал на меня руками Ермаков.

Ну, я и ушла. Пожелав на прощание успехов в борьбе с преступностью, а также скорейшего выздоровления Мишке Косоротову.

— А Маргарите Софокловне от меня персональный привет! — браво гаркнул мне вслед глава ликеро-водочной безопасности, он же главный поклонник древнерусских статей моей подружки.

Глава 31

Марго долго не могла на меня налюбоваться, в то время как я не могла налюбоваться на пышную стопку блинов в стоящей передо мной тарелке.

— Кушай, Люба, кушай, — приговаривала Марго, пододвигая мне плошку со сметаной.

– Я кушаю, кушаю, – довольно жмурилась я, методично отправляя в рот один блин за другим и тихо наслаждаясь домашним уютом, которого я чуть было не лишилась. Вернее, думала, что лишусь.

А вокруг уж такое благолепие было! Сытые Ян с Туськой носились за щенком, который в свою очередь гонялся за котом. Стас, лежа на диване кверху копчиком, в тысячу первый раз сортировал семейные фотографии с бабой Нюсей и дедом Ипполитом, в то время как у него в головах с беззвучным шорохом осыпалась наша новогодняя елка. Честное слово, так взяла бы от счастья и разрыдалась! Как Марго, которая то и дело носом хлюпала и незаметно слезу смахивала.

В конце концов, я даже не выдержала, оторвалась от блинов – хотя, видит Бог, это нелегко было – и приобняла ее за плечи:

– Ну, хватит, Марго. Все уже позади. И вообще, зря мы так с тобой переволновались. Я же сама Ермакову про этого Полсосиски рассказала, вот он меня и позвал его опознать. А мы-то, мы-то!..

– Ну и что, ты его опознала? – Марго задышала пореже.

– Конечно, – замерла с очередным блином в руке. – А что, не надо было?

– Почему же не надо, надо, – Марго была такая умиротворенная, что мне даже не верилось. – В конце концов, в СИЗО этому бедолаге, наверное, даже лучше будет. По крайней мере, теплее.

– Наверняка, – поддакнула я. – А уж как Пал Палыч этому рад!

– Пал Палыч? – Марго приподняла брови. – А чего это ты про него вспомнила?

– Так он же там был, ну, на опознании. И подсказывал Ермакову, чего ему говорить. А в конце самостоятельно распорядился Полсосиски в кутузку зака-

тать. Между прочим, за Лизино убийство! – погладила я под столом свой набитый живот.

– Ах, так? – Марго осветилась какой-то магической улыбкой. – Ну, в таком случае, события четко по плану разворачиваются.

– По плану? По какому еще плану? – перестала я жевать, почувствовав, что в воздухе снова чем-то таким запахло... Ну, не то чтобы жареным, а слегка паленым, что ли...

– Ну, видишь ли, – Марго сцепила ладони «замочком», – вся эта бурная деятельность Пал Палыча, не поленившегося принять непосредственное участие в поимке и дальнейшем разоблачении Полсосиски, свидетельствует только об одном: и Пал Палыч, и его шеф Москалец уверены, что Лизина смерть на совести Дениса.

– А она, что не на его? Ну, в смысле, совести? – уставилась я на Марго. – Ну, ты, ты-то как считаешь?

– Я? – повела своими греческими глазами Марго. – А разве не ты мне доказывала, что Лиза и не утонула вовсе?

– Да, доказывала, – пригорюнилась я над тарелкой с блинами. – Но раз все так считают... Ты вот тоже, между прочим, только что обмолвилась, будто собственный Денисов папаша и тот не сомневается, что Лиза оказалась в Беглянке не без содействия его сыночка. А что если... А что если сам Денис ему про это рассказал а?

– Может быть. Хотя вряд ли, – Марго качнула своим «вавилонном». – Я связывалась с Антониной, и она мне сообщила, что Дениса по-прежнему ищут.

– Тогда это странно, – заметила я, попутно раздумывая, не повредит ли мне, если я еще парочку другую блинов слопаю. Все-таки не каждый день у меня такой праздник. – Ведь получается, что Пол-

сосиски в СИЗО они на всякий пожарный пристроили? Ну, раз они даже не знают наверняка, утопил Денис Лизу или нет?

– Да, но что же мешает им это предполагать? Как это делаем мы, к примеру, – Марго всего лишь несколькими словами разрушила мои сложные умственные построения. Причем, до самого основания. – А, кроме того, в отличие от того же Москальца и его прихлебателей, мы еще не исключаем такой возможности, что Лиза вообще жива. Хотя, честно тебе скажу, если это действительно так, то дело запутается окончательно.

И мы помолчали, каждый о своем размышляя. Во всяком случае, до сих пор одно и то же приходило нам на ум в исключительно редких случаях. Если не сказать, никогда. Вот и сейчас я думала о том, что раз уж это дело такое запутанное, то, может, нам стоит уже каким попроще заняться, но вслух не говорила. Во избежание, сами знаете чего.

А Марго, та конечно же, продолжала свои мозги напрягать, а ведь им, как и моим ногам, тоже отдых нужен.

Так, она зачем-то спросила:

– Ну, а этот... Полсосиски... Он что, так и лаял все время?

– Ха, если бы только лаял, а то еще и выл. Но хорошо хоть не кусался, – хмыкнула я. – Правда, когда Пал Палыч высказался в том духе, что он, дескать, маньяк, грохнул Лизу, а кошелек на память захватил, неожиданно разговорился. Мол, убивать он не убивал, а красть не крал... Мол, Лиза стояла с какой-то девицей трепалась, а кошелек у нее выпал... Ну и, как говорится, с ним была плутовка такова...

А Марго вдруг на меня, как вызверится:

– Так что же ты до сих пор про эту девицу молчала?

— Нет, а чего ты орешь? — подпрыгнула я на табурете, а вместе со мной подпрыгнули блины в моем желудке. — Мало ли что этот идиот наболтает! У него же не все дома, это невооруженным глазом видно! И к тому же... Ты что, не знаешь, в каком я была состоянии? Сначала еле-еле от смерти спаслась, потом всю ночь тачку мыла, а утром ты собственноручно меня в тюрягу снарядила. Что, забыла уже, да?

— Ну, прости, я погорячилась, — Марго стала снова блины мне подсовывать. Чтобы, значит, вину загладить. — И правда, тебе нелегко сегодня пришлось. Но ты тоже... Оставить без внимания самое главное! Ведь если этот четвероногий друг не заговаривается, то у нас появляется еще один свидетель. Поскольку вполне вероятно, что эта девица видела Лизу последней!

— Вот именно, если он не заговаривается! Потому что тебе с этим Полсосиски сталкиваться не приходилось, а мне посчастливилось! Это во-первых. А во-вторых, даже если Лиза и обмолвилась словечком с какой-то задрыгой, как ее назвал Полсосиски, то где мы ее найдем? Не забывай, что дело было на вокзале, и она могла в тот же день куда-нибудь уехать. А ко всему прочему, приметы он назвал такие расплывчатые — двадцать лет, одета в джинсы, — что под них кого угодно подвести можно! — выпалила я на одном дыхании и уставилась на Марго, а она на меня. И бьюсь об заклад, что в этот раз мы с ней об одном и том же подумали.

А оказалось, хренушки вам!

— Послушай, — Марго прикусила нижнюю губу, — а дочь Антонины, Лариска, она под это описание не подходит?

— Лариска? — я вздрогнула. — А при чем тут она?

– Нет, ты мне скажи, подходит или нет? – Марго прижала ладони к вискам.

– Ну... В принципе, да, – протянула я растерянно, – ей тоже лет восемнадцать-девятнадцать примерно... А ты же знаешь, они в этом возрасте все, как близнецы. Одеваются одинаково, красятся одинаково...

– Вот! – Марго так резко подскочила с табурета, что он в угол отлетел. – В этом-то и дело! Отсюда вывод: Лиза могла стать либо случайной жертвой, либо добычей серийного маньяка!

– Так ты... – оцепенела я, – ты все-таки считаешь, что из Беглянки выловили Лизу?

– Да, к моему большому сожалению. В этом теперь нет сомнений, – печально вздохнула Марго. – А насчет Дениса есть. Честно говоря, что-то мне подсказывает, что в Лизиной смерти он не виновен. А, может даже, и погиб вместе с нею.

– Но... Но как же? – у меня земля из-под ног ушла. Потому что это был какой-то совсем уж неправильный сюжет. И не классический, и не бразильский! По которому и Орест, и пастушка умирали. А так не должно быть. Не должно быть и все!

– Потом... Все детали потом, – Марго порывисто выхватила из своего «вавиллона» шпильку, посмотрела на нее с удивлением и сунула ее обратно. А это, скажу я вам по большому секрету, признак того, что она состоянии крайнего волнения находилась. – Нам нельзя терять ни минуты, чтобы предотвратить новое убийство. Мне, правда, самой пока не все ясно с этим звонком в милицию, но сейчас это не главное.

– А что? Что главное? – вытаращилась я на нее.

– Главное, чтоб ты немедленно нашла Ларису – скорее всего, она сейчас в своем мясо-молочном техникуме – и привезла ее сюда! Быстрее, быстрее, это вопрос жизни и смерти!

* * *

Дорога до кондратовского мясо-молочного техникума заняла у меня от силы десять минут, но мне показалось, что прошел, по меньшей мере час, прежде чем я остановила машину у его ворот. И все это время в голове у меня точно заезженная пластинка вертелась:

— ...Вопрос жизни и смерти... Вопрос жизни и смерти...

Потому-то, кое-как притулив свою «пятеру» у ворот, я на всех парах подлетела к техникуму, чтобы в соответствии с инструкциями Марго сразу направить стопы в учебную часть для выяснения, в какой группе поварихина дочка Лариса учится. И вдруг вижу — вот же она, стоит на крыльце и смолит сигаретку в теплой компании таких же, с позволения сказать, студенток. Ну, а поскольку скорость я к этому моменту развила почти сверхзвуковую, то из-за резкого торможения чуть без подошв не осталась. Хорошо хоть сапоги на мне старые были, так как новые в качестве орудия убийства все еще у Кости-Подводника находились.

Да, а Лариска тоже меня заметила, равнодушно кивнула и беззвучно шевельнула губами. Типа, поздоровалась, короче. И, как ни в чем не бывало, стала дальше со своими мясо-молочными подружками щебетать.

Тогда я стала чуть поодаль и поманила ее пальцем. Ну, не могла же я ее в машину на глазах у всего техникума заталкивать. Прикиньте, сколько шуму будет, весь профессорско-преподавательский состав на уши встанет! Только эта малолетняя паразитка вместо того, чтобы тут же подрулить ко мне на полусогнутых, довольно долго своими выщипанными бровями манипулировала. Мол, это вы мне или не мне.

Потом все-таки подвалила и навела на меня круглые вопросительные лупалки:

– Вы чего-то хотели?

– И до сих пор хочу, – процедила я сквозь зубы. – Так что, погнали, а то некогда мне.

– Куда? – Лариска бросила в рот жевательную резинку и интенсивно заработала челюстями, от чего ее то ли врожденное, то ли благоприобретенное сходство с отдельными представительницами мясо-молочной породы только усилилось.

– Куда надо, – буркнула я. – И учти, это в твоих интересах. Если не хочешь Лизину участь разделить.

– Лизину? – на апатичной Ларискиной физиономии появились первые признаки каких-либо эмоций. – А чего с ней?

– Как чего? – постучала я пальцем по ее выпуклому лбу. – Утонула она. Ты разве не слышала?

– Как? – Лариска чуть было жвачкой своей не подавилась. – Когда? Это ж не она, а она... Да я ж ее только вчера видела!

– Вчера-а?! А ты... Ты ни с кем ее не перепутала? – по счастью, в отличие от Лариски у меня во рту никаких посторонних предметов не было, а то ведь так и летальный исход схлопотать недолго!

– Я? Перепутала? – шмыгнула своим курносым носом Лариска. – Да я ж ее знаю хорошо... Потому и в общагу устроила, к Лильке... Она просила на пару деньков...

– В какую общагу? Эту? – кивнула я на обшарпанный корпус студенческого общежития, стоящего аккурат супротив мясо-молочного техникума.

– Ага, – поддакнула Лариска, – у нас же другой нету.

– Тогда сейчас же води меня к этой своей Лильке, – приказала я ей сурово.

ГЛАВА 32

– Да быстрее ты, быстрее! – покрикивала я на Лариску, которая, хоть и не упиралась, но передвигалась, как черепаха. Видимо потому, что два дела одновременно, а именно, идти и разговаривать, были ей не под силу.

– Да я и так уже бегу, – пыхтела она у меня на буксире. – А Лизка... Вам она зачем?.. Она ж ничего такого не хотела... Только чтобы Дениса немного попугать... Чтоб он понял...

– Попугать? – уточнила я зловещим тоном. – Ну, считай, что ей это удалось... – И завертела головой, оглядывая унылый коридор общаги: – Ну, и где тут эта Лилька?

– Да в конце... Справа... – с трудом выдавила из себя Лариска. Вот вам и пожалуйста, такая молодая, а дыхалка ни к черту!

А уж когда мы у Лилькиной двери оказались и я стала в нее кулаком лупить, Лариска совсем спеклась. Не говорила, а сипела:

– Вы... ее... позовите...

Я гаркнула:

– Лилька, открой!

– Ну, кого там опять принесло? – недовольно поинтересовались за дверью. – Лариска, ты что ли?

– Я! – жалобно вякнула из коридора поварихина дочка.

– Ладно... Щас... – собачка замка звонко щелкнула, и в образовавшемся дверном проеме возникла пухлая, завернутая, до подмышек в простыню, как бабочка в кокон, дородная деваха. – О! А это еще кто? – тупо уставилась она на меня.

Я не стала ждать, когда Лариска придет в себя настолько, чтобы членораздельно изъясняться, оттиснула деваху в простыне в сторону и ворвалась в

небольшую комнатуху. Да к тому же еще и перегороденную полированным шкафом, из-за которого доносилось тихое сосредоточенное сопение.

Само собой, я тут же за него – шась. А там, на сильно помятой кровати – еще один кокон обнаружился. Только мужского полу. И этот самый кокон игриво мне подмигнул:

– Привет, красотка! Проходи, не стесняйся. Будь, как дома.

– Да пошел ты! – беззлобно послала я его и заглянула сначала под кровать, а потом в шкаф. Однако ничего, похожего на Лизу, там не нашла. Только Лильку зря распалила.

– Эй, это что еще за дела? – пошла она на меня, повиливая под простыней бедрами. – Че те надо?

Хорошо хоть успевшая мало-мальски отдышаться Лариска поспешила внести в вопрос ясность:

– Да мы Лизку ищем. Где она?

– А... Ну так бы сразу и сказали, – Лилька, в которой, как и в Лариске, было очень много мясо-молочного, сграбастала со стола бутылку пива, сделала хороший глоток, заправски крякнула и утерлась тыльной стороной ладони. – А Лизка, она как вчера ушла, так и не приходила. Я думала, может, она у тебя...

– Да как у меня? – Лариска повертела пальцем у виска. – Ты ж знаешь, ко мне нельзя. У меня бабка!

– Ну не знаю, – Лилька потянулась перед зеркалом. – Ты ж мне как сказала, что она пару деньков поживет и все. Ну, она и пожила. А пасти ее я не нанималась. И так из-за нее никакой личной жизни!

– Ладно-ладно! Потом разберетесь! – встала я между ними. – Лучше скажите, где она сейчас может быть?

– Ну, где сейчас, без понятия, – Лилька обмахнулась краем простыни. – Но вчера вечером она в цирк собиралась.

– В цирк? – я схватилась за полированный шкаф, чтоб не упасть. – Это точно?

– Ну да, – обнажила в зевке лошадиные зубы Лилька. – Сказала, пойду, мол, развеюсь. А что?..

Но даже если б я захотела ей ответить, все равно не смогла бы. По той причине, что моя мобила стала буквально разрываться.

– Да? – приложила я ее к уху.

А звонила, конечно же, Марго и истошным голо-сом требовала с меня объяснений, почему я доселе ей поварихину дочку не доставила.

– А потому, – огорошила я ее с ходу, – что, может быть, я тебе еще и Лизу привезу!

На том конце провода повисла звенящая тишина, пользуясь которой я поспешила выложить Марго все, что выяснила в мясо-молочном техникуме, пока она мне опять рот не заткнула:

– Так вот, чтоб ты знала, Лиза все это время жила в мясо-молочной общаге. Якобы от Дениса скрывалась. Чтоб он думал, будто она утонула, и казнился, как Орест. А вчера вечером пошла в цирк и до сих пор не вернулась!

– А-а-а... – невнятно прорезалась в трубке Марго, – а ты уверена, что это Лиза?

– Ну, лично я уже ни за что не поручусь, – выпалила я. – Но Лариска клянется, а она ее знает.

– Да, действительно, – пробормотала в трубке Марго, чувствуется, не меньше моего с толку сбита.

– А я, между прочим, предрекала, – мстительно напомнила я ей. – Еще вчера, когда джинсы на детских рисунках рассмотрела. А ты до последнего отказывалась мою версию всерьез рассматривать, потому что тогда твоя Лиза не такая непорочная получается, как тебе бы хотелось! А она, пока мы по толку бегали, преспокойненько в общаге отсижива-

лась! И вообще, она темная лошадка, это я тебе сразу сказала. А ты все русскую классику цитировала!

Рубанув эту правду-матку, я сделала паузу для Марго. Так и быть, пусть выступит, если ей есть чего сказать. В чем я лично сомневалась. И не зря. Потому что ничего, кроме пристыженного молчания, не услышала.

И все же я выждала еще минуту, прежде чем отключиться, и твердо заявила:

– Короче так, сейчас я еду в цирк и, если найду там эту сопливую аферистку, за волосы ее к тебе приволоку.

А только после этого выскочила из общаги, исполненная решимости хоть из-под земли достать наглую, задушившую нам головы девчонку. И эта самая решимость едва меня не захлестнула, пока я билась со своей строптивой «пятерой», упорно не желавшей заводиться, несмотря на все известные мне ухищрения. Хорошо хоть кучковавшиеся у общаги отзывчивые мясо-молочные студентки меня выручили, поднатужились и подтолкнули мою развалюху с пригорка. После чего, уже прилично разогнавшись, она все-таки заурчала.

* * *

Латаный купол заезжего цирка по-прежнему туго вздувался на ветру, как парус, однако вокруг творилась какая-то непонятная суета. Причем, явно не связанная с очередным незабываемым представлением. Потому что движение в основном у служебного входа наблюдалась. Того самого, возле которого циркачку Кармен накануне вечером джип подобрал.

Так вот, именно там, где она вчера курила, поджидая своего слащавого блондинчика, стояла боль-

шая фура, а рядом с ней околачивалась бригада «ух», состоящая из крепких, как на подбор, ребятушек в зеленых комбинезонах. Да еще к тому же сплошь шутников и балагуров. Что, впрочем, выяснилось не сразу, а лишь после того как я, сделав пару кругов по привокзальной площади и заметив, что в фуру время от времени какие-то ящики загружаются, подошла поближе и застенчиво поинтересовалась:

– А что, цирк уже уезжает?

– Ага, уезжает, – радостно подтвердил мне один из ребятушек, не иначе бригадир, – но вы не волнуйтесь, клоуны остаются.

Его приятели дружно заржали.

А не многовато ли их будет на наш Кондратов, тут же завертелось у меня на языке, но, вспомнив про пресловутый профессионализм, я избрала другую тактику, и, провожая взглядом свежую порцию циркового реквизита, исчезающую в бездонных недрах трейлера, вежливо уточнила:

– Это вы Бима и Бома в виду имеете? А как насчет факира?

– А ты что, фокусы любишь? – перешел на игривый хохоток самый веселый из зеленых комбинезонов. – Тогда подходи через пару часиков. Мы тут управимся, я тебе один покажу! Бесплатно!

– Да пошел ты! – сплунула я ему под ноги и гордо удалилась под восторженное улюлюканье бригады.

И ровно в этот момент я неожиданно почувствовала сильное волнение, обернулась и увидела Кармен. Она быстро шла к цирку со стороны автостоянки, и ее распущенные черные волосы и полы длинного плаща разлетались по ветру, как диковинные хищные существа.

Я смотрела на нее, как загипнотизированная, борясь с желанием подойти и спросить напрямую, где

Лиза, пока она не скрылась в цирке, войдя через центральный, предназначенный для зрителей вход. И только после этого я вышла из внезапно охватившего меня оцепения и, сжав в карманах кулаки, бросилась за ней.

А в цирке было пусто. Только на арене уныло копошилось несколько «виртуозов». Что касается Кармен, то ее нигде не было видно, сколько я ни вертела головой. Значит, успела уже за кулисы шмыгнуть. Юркая бестия!

Я тоже медленно, озираясь по сторонам, двинулась по направлению к кулисам, путь к которым пролегал через арену, где меня, по идее, запросто могли «виртуозы» тормознуть. Однако они на меня даже не посмотрели. Уж слишком унылым переругиванием между собой заняты были. А потому я беспрепятственно повторила свой вчерашний маршрут, когда, воспользовавшись потасовкой на арене, я уже успела протоптать дорожку на забитую реквизитом цирковую «кухню».

Вот только в этот раз все было несколько иначе. Поскольку, прокравшись сквозь занавес, я инстинктивно шлепнулась на пол, замаскировавшись в его складках. А все потому, что совсем близко от себя голоса слышала. И один из них принадлежал Кармен. Это точно, потому что его высокий и звенящий тембр я бы ни с каким другим не спутала. Второй, глуховатый, мужской бубнил на одной ноте, почти без выражения:

— ...Я же тебе говорил, зря ты в это ввязалась. Не кончится это добром, не кончится...

— Не каркай! — это уже Кармен огрызнулась. — Уже надоел своим нытьем! Сказал бы лучше спасибо, что я о нашем прожиточном уровне забочусь. А то много бы ты на этом дурацком распиливании заработал!

Ага, значит, она с факиром разговаривает, сообразила я, прежде чем тот ей напомнил:

– Может, оно и дурацкое, конечно, но до сих пор нас исправно кормило и поило.

– И только-то! – возразила Кармен. – А ты видел, как люди живут? И потом... Пора бы тебе понять, что ты не Дэвид Копперфильд и никогда уже им не станешь. Наш номер устарел так безнадежно, что даже уездные олухи нас на смех поднимают!

– Да подумаешь, это же просто алкаш какой-то, а ты уже далеко идущие выводы делаешь! – прогнул факир. – А уже завтра мы будем в Армавире и увидишь, как нас там принимать будут! Цветами забросают!

– В связи с острым дефицитом гнилых помидоров! – язвительно подхватила Кармен.

– Ну и даже если так! – факир заговорил более оживленно. – Только я тебе так скажу, что гнилые помидоры все равно лучше, чем пули!

А Кармен, та и вовсе на визг сорвалась:

– Какие пули? Ты что такое плетешь, идиот?

– Тише ты! Тише! – зашипел на нее фокусник. – Я про ту девчонку! Что с ней-то будет?

– Да ничего, ничего такого с ней не будет, – Кармен перешла на жаркий шепот. – Просто ее нужно вывезти отсюда псдальше, вот и все! Чтобы она под ногами не путалась!

– Это ж у кого, интересно? У этого твоего нового увлечения, да? – ревниво осведомился факир, совершенно утративший свою первоначальную бесстрастность.

– А ты идиот, если ревнуешь! – немедленно отпарировала Кармен. – Потому что, если б я хотела, то давно тебя бросила! Но ты же прекрасно знаешь, что в мои планы это не входит.

— А что, что входит в твои планы? Если б я только знал, — факир заскулил, как побитая собака. — Сначала ты того мальчишку зачем-то окружила. Теперь опять с кем-то связалась... Объясни, какие цели ты преследуешь? Я ведь чувствую, что амуры здесь не при чем. Тем более, что романы у тебя и раньше случались, но я всегда на них глаза закрывал. А тут еще эта девчонка! Ну, зачем, зачем ты ввязалась в эту историю? Умоляю тебя, Христом Богом прошу, откажись от всего, и поедem со всеми в Армавир. Клянусь, я тебе слова не скажу, все будет, как прежде...

— Как прежде? — похоже, обрисованная иллюзионистом радужная перспектива Кармен не впечатлила. — А если мне это как прежде уже опротивело? Осточертело в ящик этот каждый вечер укладываться и выпрыгивать из него на потеху всякому пьяному мурлу! А ты?.. Что, так и будешь до старости меня распиливать? Хоть бы уже что-нибудь новенькое придумал!

— А я уже придумал! Зеркало, в котором не будет твоего отражения! Представляешь, все будет, а тебя нет! — страстно зачастил бедняга-факир. — Вот закончим чес и начнем репетировать! У нас еще такой номер получится, Копперфильд обзавидуется!

Но Кармен в ответ только фыркнула, а я поймала себя на мысли, что при всей своей неприязни к цирку как таковому, не прочь как-нибудь посмотреть фокус с зеркалом. А впрочем, в этой Кармен столько нечистой силы, что подобные чудеса наверняка не представляют для нее проблемы.

И вообще, может, хватит им уже о своем мошенническом ремесле болтать, а лучше уже хотя бы обмолвиться о том, где сейчас Лиза, которая, вне всякого сомнения, и подразумевается иллюзионистом, когда он об «этой девчонке» говорит!

Однако, как я не вслушивалась, более ничего интересного из взаимных упреков факира и его ассистентки так и не почерпнула. Поскольку они в основном на свои сложные взаимоотношения напирали, которыми я мало-помалу так увлеклась, что не заметила, как занавес, отделяющий арену от кулис, пришел в движение. А когда сообразила, что к чему, уже поздно было. Потому что к тому моменту меня уже каким-то совершенно сверхъестественным образом приподняло над полом примерно на метр.

ГЛАВА 33

Несколько мгновений я парила в воздухе, недоумевая, куда подевалась сила земного притяжения, прежде чем почувствовала на своей шее эти холодные пальцы, хватка которых показалась мне почему-то знакомой. Естественно, мне захотелось заорать, но издала только какой-то слабый мышинный писк, после чего отлетела в сторону и больно шмякнулась затылком об один из цирковых ящиков.

Потом стало темно, как будто лампочку выключили. А в ушах немного позвенело и затихло. Сколько это продолжалось не знаю, а когда изображение появилось вновь, я обнаружила себя лежащей за кулисами среди бесконечных нагромождений реквизита «Виртуозов арены», со связанными руками и ногами и заклеенным скотчем ртом. А еще рядом со мной на корточках сидели Кармен и какой-то здоровый жлоб с перевязанной, как при флюсе, щекой. Что до факира, то его поблизости не наблюдалось.

— Ты ее знаешь? — Кармен повернулась к бугаю с флюсом.

– А то! – бугай схватился за свой флюс. – Это ж она вчера за вами следила!

– Ну и зачем ей это надо, как думаешь? – Кармен перекинула за спину свои длинные распущенные волосы.

– Ой, да она из себя эту, миссис Марпл, изображает. На пару со своей подружкой. Они даже контору открыли. Знаешь, как называется? – «Мозги и ноги»! – поморщился жлоб, продолжая держаться за перевязанную щеку, а до меня, наконец, дошло, где я его раньше видела.

Да это же один из ликеро-водочных охранников. Не тот, что с железобетонной челюстью, а тот, который предлагал своему патрону Аркадию Петровичу Москальцу по-тихому вывезти мертвого Макса из дому. Ну такой, с зализанным пробором. Только сейчас, с флюсом, его трудно было узнать.

Кстати, о флюсе. Что он там говорил, насчет моей вчерашней слезки? Мамочки, в таком разе, уж не след ли от каблука моих новых сапог скрывается под его повязкой? Ну, если это так, то мне кранты, это точно!

– Ну, и что будем с ней делать? – Кармен смотрела на меня, как на лабораторную крысу.

– Что-что, скормим вашему медведю. И всем будет хорошо, и нам, и косолапому, – медленно процедил переметнувшийся к «виртуозам» ликеро-водочный предатель. Похоже, благодаря моему каблуку, каждое слово давалось ему не без труда.

– С ума сошел? – как ни странно, Кармен его кровожадных планов на мой счет не поддержала, и я невольно преисполнилось к ней чувством глубокой благодарности. Но чуть позже стало понятно, что с этим я сильно поспешила.

– А что? – прогундосил травмированный моим

каблуком бугай. — Эта сучка меня чуть без глаза не оставила!

— Да тут народу вокруг полно, придурок! — разъяснила природу своего человеколюбия Кармен. — Грузчики эти... И наши, там, на арене!

— Ну, тогда... — ликеро-водочный предатель огляделся, с видимым усилием ворочая шеей. — Засунем ее в твой ящик, вывезем из города, а там!..

— В какой ящик? — Кармен возмущенно уставилась на своего подельника. — Ты что забыл, он уже занят!

— Ах да, действительно, — бугай любовно огладил свою перевязанную щеку. — Там же эта помешанная на молодом наследнике идиотка! Но у вас тут достаточно и других гробов.

— Да уж, этого добра полно, — изрекла Кармен задумчиво и встала в полный рост.

И как раз в этот момент из-за ее спины показался взъерошенный факир и фальцетом выпалил:

— Ну нет, хватит мне уже одной! Вторую девайте, куда хотите, а реквизит оставьте в покое!

— Начинается! — процедила сквозь зубы Кармен и закурила сигарету.

А ликеро-водочный предатель потихонечку дернул ее за полу плаща:

— А может, нам и этого заодно куда-нибудь пристроить?

— Смотри, чтоб я тебя не пристроила! — ощерилась на него Кармен и вонзила остренький каблук сапога бугаю в ладонь, благо он ею как раз в пол уперся.

Бугай взвыл, как пожарная сирена, и со свирепым видом накинулся на циркачку. Та, конечно, успела отскочить, в результате чего основной заряд его ярости достался несчастному иллюзионисту, который не выдержал напора и с размаху рухнул на

стоящий поодаль длинный ящик для распиливания Кармен. Ящик перевернулся и из него вывалилась Лиза, спеленутая по рукам и ногам веревками и с заклеенным, как у меня, ртом. Несколько раз перекатилась и очутилась лицом к лицу со мной. При этом выражение у нее было точь-в-точь такое же, как в тот день, когда в качестве четвероюродной Стасовой племянницы она в первый раз у нас появилась. Но самое ужасное – это все-таки то, что ее глазки как и прежде оставались ангельски голубыми!

– Ну что, добились своего? – нестерпимо захотелось мне у нее спросить, но в силу известных вам объективных причин, к моему большому сожалению, я не имела возможности это сделать.

А потому мы так и лежали, глядя друг на дружку, пока бугай гонялся за Кармен, сшибая на своем пути цирковой реквизит. Пару раз на нас даже что-то свалилось, но, по счастью, это были всего лишь перья «крылатых Венер», а не клетка с медведем, не приведи Бог.

Короче, треску было столько, что в конце концов сбежались и «виртуозы», и загружавшие трейлер рабочие. Правда, разнимать Кармен и ликеро-водочного предателя они не спешили. Так же, как и нас с Лизой развязывать. Просто стояли вокруг балбесы-балбесами, точно перед ними цирковое искусство демонстрируют. До тех самых пор, когда за кулисами со слоновьим топотом не появилась новая команда зрителей. Во главе с Пал Палычем.

* * *

Остаток этого сумасшедшего дня и до обеда следующего я блаженствовала. Лежала на диване, принимая подношения в виде невиданных вкусовностей, которые без устали подносила Марго, челноком

сновавшая по маршруту кухня – гостиная. Да, а появлялись они чуть ли не по щучьему велению. А конкретно – доставлялись бойцами из ликеро-водочной охраны, с завидной регулярностью робко стучавшими в дверь и торжественно вручавшими Марго новые сумки с провиантом. А та их еще и отчитывала:

– Да зачем нам столько водки? Мы ее в жизни не выпьем!

На что в ответ из прихожей неслись сбивчивые оправдания:

– Так Пал Палыч велел... Для поправки здоровья...

А Марго еще и прикрикивала:

– Да тише вы, тише! Люди же спят!

Кстати, под людьми она подразумевала нас с Лизой, хотя я к этому времени уже всласть отоспалась, а дрыхнувшую на раскладушке без задних ног фальшивую Стасову племянницу из пушки было не добудиться. Она не то что на тихую возню в прихожей не реагировала, но и на дикие скачки вокруг ее ложа Яна, Туськи, кота и щенка.

И лишь одна Марго к ней почему-то на цыпочках подходила, качала «вавилонном» и жалостно вздыхала:

– Бедная девочка, до чего же намучилась!

– Не бедная, а безбашенная! – поправляла я ее с набитым ртом, наворачивая красную икру ложкой прямо из банки.

Марго, судя по всему, моего мнения не разделяла, но в открытую полемику не вступала. Видимо, в благородных целях поправки моего пошатнувшегося в процессе Лизиного спасения здоровья. Ну и, конечно же, заодно и Лизин беспробудный сон оберегая.

Как я понимаю, по той же самой причине она и Пал Палыча завернула, периодически добивавше-

гося нашей аудиенции по телефону. Причем, каждый раз безуспешно.

— Нет, сегодня нельзя, — упорно твердила Марго суровым голосом, — пусть сначала пострадавшие в себя придут. Что касается завтрашнего дня, то я вам уже передала список лиц, которые мне понадобятся, и указала, в какое время вы должны будете их доставить. Однако прошу иметь в виду, что в предварительную договоренность могут быть внесены коррективы в том случае, если пострадавшие недостаточно окрепнут.

И совсем уже безапелляционным тоном уточняла:

— Да-да, все перечисленные мною лица должны прибыть к нам. Ни о каком изменении места встречи не может быть и речи!

А теперь представьте себе, как вытянулась моя физиономия, когда она смилостивилась и приподняла для меня завесу тайны над таинственным «списком лиц», отправленным Пал Палычу через его верных ординарцев, бывших у нее весь день на посылках. А все потому что я насчитала в нем с десятков имен. А среди них не чье-либо там, а самого ликеро-водочного магната Аркадия Петровича Москальца!

Не удивительно, что меня сразу же панические настроения обуяли:

— Да где ж мы их всех разместим?

А Марго, та меланхолично отпарировала:

— Ничего, в тесноте, да не в обиде.

— А Москалец?.. Ты думаешь, он сюда явится? — я окинула взглядом наши хоромы со всеми их достопримечательностями. С допотопной румынской «горкой», развалюшным «вольтеровским» креслом и полузасохшей новогодней елкой в головах моего дивана.

— Явится, конечно, куда денется! — в отличие от меня, Марго была полна оптимизма. Пока не очень понятно, на чем основанного.

— Думаешь? — в сомнении поскребла я свой все еще поднывающий после удара о ящик с цирковым реквизитом затылок.

— Уверена! — отозвалась Марго без колебаний. — Если его еще волнует, где его любимый сын.

— А что, ты это знаешь? — воскликнула я и неожиданно получила Лизину поддержку с раскладушки, которая в одночасье проснулась и уставилась на Марго своими ангельскими гляделками: — Тетя Марго, скажите, скажите мне, пожалуйста, где Денис?

— Э-э-э... — похоже, такой реакции Марго не ожидала, — дело в том, что как раз это завтра, когда ты будешь чувствовать себя получше, мы общими усилиями и выясним.

— Как завтра? — вскричала Лиза. — А он все это время будет... Да, может, он сейчас в руках бандитов, и ему угрожает смертельная опасность!

— Ну-у, — стала изворачиваться Марго, — у меня нет оснований предполагать, что это так, поэтому...

— Да что вы такое говорите, тетя Марго! Основания какие-то! — Лиза, еще минуту лежавшая на раскладушке пластом, вскочила и забегала по гостиной. — Да вы должны, вы просто обязаны немедленно сделать все, чтобы его спасти!

— А вот я бы на месте некоторых вообще помалкивала в тряпочку! — гневно осадил я ее, хотя, признаться, мне самой не терпелось поскорее узнать, куда подевался, между прочим, задолжавший мне сотню баксов наследник кондратовской ликеро-водочной империи. — А то спасли мы уже одну такую! А она не успела очухаться и давай нам тут приказы приказывать! А где ж ты раньше-то была, когда мы

ради тебя и твоего Дениса жизнями рисковали? В мясо-молочной общаге отсиживалась?

— Ну, извините меня, пожалуйста, — Лиза сразу сбавила обороты и тихо захлюпала носом. — Честное слово, я не предполагала, что так получится. Я же... Клянусь, я не думала, что все так серьезно. Я просто надеялась, Денис поймет, что он потерял, и одумается. И все! Никаких других целей я не преследовала. И в цирк я пошла, чтобы с Кармен наконец поговорить, а она меня почему-то в ящик засушила!

— Ага, — хмыкнула я, — ты еще радуйся, что этим все обошлось, а то могло быть и хуже!

— Да ладно тебе, совсем застращала бедную девочку, — зашикала на меня Марго. Нашла, кого жалеть!

— Ну и защищай ее, если тебе так хочется, а я в другой раз искать ее больше не буду, — предупредила я ее на будущее и отвернулась к стенке.

И только после этого до Марго дошло, что она здорово перегнула палку, и она попыталась изобразить из себя строгую, но справедливую тетушку шаловливой племянницы:

— А, между прочим, Лиза, Люба во многом права. Ты повела себя по отношению к нам не очень справедливо. Даже не задумалась, что мы можем о тебе волноваться. Пусть ты хотела своему Денису досадить, хорошо, это твое дело, но нас-то ты за что чуть до инфаркта не довела? Что плохого мы тебе сделали?

Можно сказать, всего лишь слегка пожурила, при том что эта зловредная девчонка хорошей трепки заслуживала, а в результате Марго пришлось ее еще и утешать, когда она в рыданиях зашлась:

— Тетя Марго, простите меня, умоляю! Обещаю, что больше никогда, никогда, никогда...

Ну, а потом они довольно долго на пару исходили соплями, а я из последних сил крепилась, чтобы не высказать им все, что я о них думаю.

— ...Я ...Я тогда на вокзале решила, что раз он так со мной, то я его проучу, — хныкала Лиза на плече у Марго. Денис... Он пошел к кассе, билет мне покупать, а я взяла и потихоньку смылась! И еще специально телефон выключила, чтобы он не смог мне дозвониться... В общем, выбежала я с вокзала...

— ...И встретила на перроне Ларису, — участливо подсказала Марго.

А Лиза ей сквозь всхлипывания возразила:

— Нет, Ларисы на вокзале не было. Я встретила ее возле техникума. Ну, я туда специально пошла, чтобы она помогла мне на пару деньков спрятаться...

— Как? — истошно завопили мы с Марго в две луженые глотки. — Тогда с кем, интересно, ты на перроне болтала?

ГЛАВА 34

— Ах, вы вот про кого, — растерянно пробормотала Лиза, — про эту девушку, Свету, кажется... Она сама ко мне подошла, сказала, что работала у Москальцов горничной еще до меня, и спросила про человека, который с лестницы насмерть убился. Мол, не видела ли я его в доме у хозяев. Ну, а я ей все про него и выложила, что от вас слышала. Только вы, вы-то откуда про это знаете? От Светы, что ли?

— Нет, не от Светы, — Марго в мгновение ока сделалась пунцовая, как свекла. — А от одного шаромыги по прозвищу Полсосиски. Он у тебя кошелек на вокзале стащил...

— И правда, кошелек у меня пропал. Только я подумала, что выронила его в спешке, — захлопала

ресницами Лиза. – Только денег в нем все равно не было. А вы... Вы чего это так на меня смотрите? Что, думаете, Дениса уже нет в живых?

И, разумеется, опять начала слезами заливаться, только Марго на Лизины стенания внимания не обратила, что на нее, в принципе, не похоже. Впрочем, она и сама-то на себя похожа не была. И вообще с ней явно что-то неладное творилось. А иначе, как расценить ее странное поведение, когда, мучительно скрежетнув зубами, она запустила пальцы в свой «вавилон», отчего шпильки из него во все стороны посыпались, и трагическим голосом изрекла:

– Боже, какая же я идиотка!

Мы с Лизой переглянулись и, не стовариваясь, выступили единым фронтом, подхватив ее под руки, и экстренно отбуксировали в «вольтеровское» кресло. Ведь видно же было, что она не в себе. При чем, невооруженным глазом.

– Только не надо волноваться! – наперебой кинулись мы сдувать с нее пылинки. – Все будет хорошо!

А Марго запрокинула голову, печально посмотрела на нас снизу вверх и пожаловалась:

– Все опять не так, как я думала, понимаете!

– Ну не так и не так, – попыталась я ее на ее же излюбленный философский лад настроить, – а в другой раз по-другому будет.

И, глядишь, все бы и обошлось, если б Лиза опять не стала скулить:

– А Денис... Как же с ним?

Но Марго ей ничего не ответила, только сжала виски ладонями, словно желая от нас отгородиться. Просидела так примерно минут десять и медленно подняла веки. Не знаю, в чем дело, но меня от этой картины почему-то оторопь взяла.

– Хорошо. Я готова, – провозгласила она ледяным тоном. – Только придется немного сценарий

переиграть и пригласить еще одно действующее лицо.

Услышав такую странную речь, мы с Лизой замерли, а Марго поднялась с кресла и, прихватив с собой мобильник, уплыла на кухню. Ни я, ни Лиза почему-то не решились за ней последовать.

Впрочем, отсутствовала она недолго, а вернулась не такой, какой уходила. А именно спокойной, сосредоточенной и с тщательно уложенным «вавилонном». Встала посреди гостиной, посмотрела налево-направо и объявила:

— У нас четверть часа на то, чтобы привести этот хлев в относительный порядок. Потому что скоро они все тут будут.

— Все? — ахнула я, мысленно пробежавшись по обширному списку приглашенных. — Но ты же говорила, что это будет завтра!

— Но обстоятельства переменились, — процедила в ответ Марго и целиком ушла в себя.

А вышла лишь только после того, как в нашу дверь позвонили. В этот момент мы, все трое, вздрогнули. Потом я вскочила с дивана, Лиза в ускоренном темпе заметалась по комнате, расчищая жизненное пространство для скопившихся за дверью «действующих лиц». Ну, а Марго заглянула в детскую, повелев Стасу ни под каким предлогом не выпускать оттуда детей, кроме как в туалет, привычным движением расправила складки на своем парадном атласном костюме и, печатая шаг, проследовала в прихожую.

* * *

Ну и народищу к нам набилось, доложу я вам. Это что-то страшное! Марго, она-то как ни в чем не бывало, сразу в кресле своем любимом угнездилась,

а мы с Лизой замучились табуреты с кухни таскать. Пришлось даже пару стульев у Зойки прихватить, тем самым вызвав у нее нездоровый ажиотаж. Поскольку она решила, будто мы что-то празднуем, и долго набивалась в гости. Прямо с трудом от нее отделалась.

Оттого-то я и визитеров толком не рассмотрела. А уж, когда наконец сподобилась, обомлела. Как и предвещала Марго, ликеро-водочный олигарх Москалец был среди приглашенных. Напряженно, словно аршин проглотил, сидел на табурете под елкой, сложив руки на коленях, как примерный первоклашка. А еще в прихожей, со стульями наперевес, я нос к носу столкнулась с Пал Палычем, который, демократично устроившись на обувной тумбочке, с удивлением рассматривал просверленные Максом дырки для вешалки. Больше того, он даже поинтересовался историей их происхождения. На что я, торопливо пробегая мимо, сдержанно обронила:

– Да так, бандитские пули...

Что до остальных, то они тоже были мне знакомы. Хотя некоторые из них и не соответствовали предварительно заявленному Марго списочному составу. Ну, вот взять к примеру, ту же домоправительницу по кличке Банный Лист, ее в нем, сколько я помню, первоначально не было. Но несмотря на это в данный момент она сидела на служащем мне спальным ложем диване по левую руку от москальцовой дочки Инны, из-под левой брючины которой выглядывал пусть и изящный, но все же ортопедический сапожок, и по правую от Виктории Васильевны, и впрямь заметно похудевшей с тех пор, как я ее видела в последний раз.

Дальше, если идти против часовой стрелки, на табуретах расположились заместитель подкошенного радикулитом Мишки Косоротова Ермаков,

Кармен, сердитая и в наручниках, и ликеро-водочный предатель с перевязанной щекой и загипсованной правой рукой. Что касается маячивших за их спинами дюжих ликеро-водочных громил из команды Пал Палыча, то они как бы и не при чем были, хотя место занимали. Причем, немалое, с учетом нашего метража.

А ближе к Марго и вполоборота ко всем, на Зойкиных стульях пристроились Лиза и незнакомый мне слащавый блондинчик, восседающий, на американский манер закинув ногу на ногу, и невозмутимо жуя жвачку.

Короче говоря, все, как обещала Марго, пребывали, хоть и тесноте, но не в обиде. Кроме меня. Ибо мне-то сидячих мест и не хватило. А потому, скромно потоптавшись в уголке, я взгромоздилась на подоконник, мысленно подготовившись к зрелищу покруче «Пернатых Венер».

Однако Марго не очень-то спешила его начинать. Предпочитала внимательно разглядывать гостей, одного за другим. Кое-кого это заметно коробило, но, с другой стороны, прежде она ведь никого из них не видела. А знала заочно с моих и Лизиних слов. И сейчас, наверное, оценивала, насколько мы с ней были точны в своих описаниях.

Первым не выдержал ликеро-водочный магнат. Конечно же, он не стал улюлюкать, как пьяные придурки в цирке, но нервно произнес:

– Может, вы уже что-нибудь нам объясните!

– Обязательно, – пообещала Марго, продолжая сверлить взглядами присутствующих. – Мне только нужно решить, в какой последовательности.

– Нет, но что это за маразм такой, а? – теперь уже Инну прорвало. – Не понимаю, зачем мы сюда притащились? Сбились здесь в кучу, как бедные родственники, а ради чего?

– Вот именно, – запела ей в унисон молодая мачеха, с которой при обычных обстоятельствах они всегда на ножах. – Что мы забыли в этой халупе? Ясно же, что все они аферистки. Одна пробралась в наш дом под видом горничной, вторая вообще воровка, а третью я вообще в первый раз вижу. Да кто она, в конце концов, такая, чтобы я ее выслушивала?

И еще неизвестно, как долго бы они разорялись – а я по собственному опыту знаю, что они способны лаяться часами, – если бы глава семейства и бизнеса не прикрикнул на них, будто на не знающих удержу шавок:

– Цыц, я сказал!

Инна с Викторией замолчали, но, чувствуется, злобу затаили. До лучших для них времен. А Москалец вновь поторопил Марго, как будто не очень-то надеясь, что это затишье продлится надолго:

– Э-э-э... Уважаемые... Мне все-таки, кажется, что вам пора многое рассказать... А иначе у нас может возникнуть такое мнение, что вы все от начала до конца подстроили...

– Что-о? – я чуть с подоконника не сверзилась. Нет, но вы слышали? Такие обвинения после всего, что мне пришлось испытать с тех пор, как мы с Марго с подачи Лизы ввязались в ее любовную историю.

– Да-да, именно так, – обернулся ко мне ликероводочный олигарх, прохлопавший в Лондоне ушами какие-то суперяйца. – И у вас осталась только одна возможность его опровергнуть, это сообщить, где мой сын Денис.

Нет, но нормально, да? Небось и Марго такого не предполагала, когда затевала эту теплую встречу в домашних условиях. Кажется, это называется, нашим же салом и нам по сусалам!

Тем не менее, Марго никаких признаков растерянности не продемонстрировала. То ли тщательно замаскировала, то ли маскировать-то особенно нечего не было. А вместо этого залепила ему промеж глаз контраргументом.

– Конечно, – говорит, – сообщу, как только сама разберусь. А разобраться я смогу лишь с вашей помощью. А потому для начала вы сами на несколько моих вопросов ответите. И чтобы не тянуть резину, задам вам первый, который прозвучит следующим образом: почему вы решили, что в Лизиной смерти виновен Денис.

– А-а... С чего вы это взяли? Ничего подобного мы не решили! – кадык на худой шее этого шибздика-магната ходуном заходил. – А, кроме того, она ведь вполне живая, насколько я в этом разбираюсь!

– Да, она живая, – холодно подтвердила Марго, – но до сегодняшнего утра вы были уверены в обратном.

– Прекратите эти инсинуации! – Москалец дернулся на табурете и боднул головой елку, с которой обильно посыпались иголки. – Говорите немедленно, где Денис! Это все, что мне от вас надо!

– Ну, извините, я не ясновидящая, – поставила его в известность моя подружка, скрыв тот факт, что когда-то именovala себя не кем-нибудь, а провидицей Марго. – И если вы не будете со мной откровенны, откуда же я почерпну информацию для размышления? А я, смею заметить, в своей следственной деятельности без серого вещества обходиться не привыкла. Ну, а раз вам мои методы не подходят, обращайтесь, как принято говорить, в официальные инстанции. Там у них все намного проще, без всяких ненужных, с вашей точки зрения, подробностей.

Казалось бы, любой козе понятно, что она прозрачнее некуда на доблестные органы правопоряд-

ка намекала, но затесавшийся на нашей территории их яркий представитель в лице Ермакова на едкое замечание и бровью не повел. Наверное, был выше этого.

Зато парочка в составе дочки и мачехи опять включилась в дискуссию.

– Нет, но что это за свинство такое, – злобно зашипела первая и подскочила с дивана. – Я немедленно покидаю этот серпентарий!

Ого, какие словечки! Серпентарий, серпентарий... Это что-то такое со змеями связанное, если я не ошибаюсь. Ну, тогда она в точку попала!

– А это как вам будет угодно, – раскланялась я с ней, не слезая с подоконника, – только и без вас здесь еще предостаточно гадюк останется!

Марго меня не одобрила, недовольно зыркнула в мою сторону, а эти две сучки, дочка и мачеха, дуэтом заверещали. И уж в этот раз, чтобы их кое-как утихомирить, Москальцу пришлось тяжелую артиллерию выкатить. В виде обещания заблокировать обеим их счета в банке в том случае, если они немедленно не заткнутся.

И это на них подействовало. Да еще как. Присмিরели враз.

А усмиривший бунт на своем корабле ликеро-водочный магнат поерзал-поерзал на табурете, покосил на Марго и кашлянул в кулак:

– Но, может быть, мы хотя бы обсудим это не при таком стечении народа? Все-таки дело деликатное...

Но Марго была непреклонна:

– К чему эти секреты. Ведь эта ваша тайна известна всем собравшимся здесь.

– Ну, хорошо, – крикнул ликеро-водочный олигарх. – Ладно, я скажу вам, что нас смутило, хотя не очень-то понимаю, какое это может иметь значение

теперь, когда выяснилось, что Лиза цела и невредима. Не вижу, чем вам эта давнишняя история может пригодиться, но так и быть... Дело в том... Дело в том, что в детстве на глазах у Дениса произошел один тяжелый случай... Моя вторая жена, будучи в сильном подпитии, утонула в ванне... Понятно, что он это тяжело пережил... Настолько, что это отразилось на его психике...

Москалец подавленно замолчал, и тогда Марго продолжила за него:

– ...И отразилось таким образом, что он вбил себе в голову, будто это он ее утопил. Правильно я поняла?

Понурый Москалец кивнул, собравшийся в нашей гостиной серпентарий дружно затаил дыхание, Лиза протяжно ахнула, а из детской вышла Туська и торжественно объявила:

– Мама, я писать хочу!

ГЛАВА 35

За Туськой в туалет проследовал Ян, и нашим «дорогим гостям» пришлось терпеливо дожидаться, пока он сделает свое дело и вернется в детскую. И только когда он, позевывая, продефилировал в обратном направлении, Марго вновь разверзла свои уста.

– Сколько тогда было лет Денису? Лет десять? – спросила она.

– Да, – глухо отозвался Москалец.

А Марго поудобнее расположилась в кресле и наконец-таки стала выдавать результаты своей хваленной умственной деятельности:

– И с тех пор вы приложили немало сил, чтобы он забыл про то, что тогда случилось. Показывали

его лучшим врачам и психологам. Их труды не пропали даром, и мало-помалу Денис успокоился, стал обычным ребенком, поступил в Московский институт... Вы вздохнули с облегчением и решили, что можете теперь вновь подумать о личной жизни и женились на своей секретарше. Нет-нет, только не подумайте, я вас не осуждаю. Это я к тому, что все у вас вроде бы наладилось, и вдруг... И вдруг Денис резко переменялся. И, думаю, вы заметили это в его прошлый приезд из Москвы...

– Да, – опять, не поднимая головы, подтвердил ликеро-водочный олигарх. Кстати, забегаю вперед, замечу, что и дальше он в основном только одно это слово и говорил. Как будто все остальные позабыл.

– Полагаю, что он даже стал задавать вам вопросы о том трагическом случае, чем привел вас в замешательство, – продолжила Марго, не обращая внимания на периодические «да» Москальца. – Вы, скорее всего, снова стали отправлять его к врачам и психологам, думая, что проблемы вашего сына связаны с его чувствительной нервной системой, а он, конечно же, упорно отказывался от какой-либо медицинской помощи. Уехал в Москву, через непродолжительное время вернулся еще более взвинченным, чем прежде. И наговорил вам такого, что, когда открылись его взаимоотношения с Лизой и ее якобы последовавшая вскоре загадочная гибель, а сам Денис таинственным образом исчез, вы сделали очень неутешительные для себя выводы. А дальше пошло-поехало. Ваша служба безопасности сделала все, чтобы отвести от Дениса какое-либо подозрение, посодействовав, в частности, тому, чтобы упрятать в кутузку чудаковатого вокзального бомжа, который всего лишь свистнул у Лизы кошелек. И все это вместо того чтобы разобраться, а нет ли за странным поведением чего-то более конкретного,

нежели детские страхи? Причин, так сказать, материального характера...

Нет, ну Марго, ну дает! Не зря кастрюли чистила! Я обвела ликующим взглядом остальных участников этого реалти-шоу, которые сидели с открытыми ртами и даже не шевелились.

– А они, эти причины, вполне приземленного происхождения и называются алчность и вероломство, – Марго мастерски держала внимание публики. – Некто, будем называть его пока что так, задумал хитроумный сценарий и нанял себе помощников для его осуществления. Помощники эти, между прочим, не лишены обаяния и дара убеждения, должны были крутиться вокруг Дениса и при каждом удобном случае напоминать ему о том, что произошло с его мачехой. Нет, не напрямую, конечно, а путем всяческих уловок. И хотя я не знаю доподлинно, как они проворачивали свои штучки, но могу предположить, что без устали намекали на его «странности», которых в действительности не было, притворно заботливо опекали, сочувствовали и так далее. А тут еще этот случай с якобы утонувшей Лизой очень кстати пришелся. Впрочем, обо всем этом мы могли бы спросить у одной из участниц данного проекта, известной мне под сценическим псевдонимом Кармен. Раз уж она среди нас оказалась...

– Ну, нет уж, на меня вы такое не повесите! – в первый раз за все время подала голос циркачка, до сих пор делавшая вид, что семейные разборки ликеро-водочного клана ее не касаются. – Хватит уже того, что меня в наручниках держат! Нашли мне тоже террористку! Да, признаю, роман у меня с Денисом был, но это же не преступление! Тем более, что даже мой собственный муж меня за это простил, а Денис, слава Богу, не женат. Да и не встречаемся

мы с ним уже давно; и вдруг эта ненормальная, — кивнула она Лизу, в волнении впившуюся ногтями в сиденье Зойкиного стула, — ворвалась в цирк, набросилась на меня, орет: «Куда ты дела Дениса, куда ты дела Дениса?» Пришлось ее связать до приезда милиции, чтобы она чего не натворила, а тут вдруг ворвались, наручники нацепили! А я всего лишь защищалась! Вот, видите, она меня чуть не задушила! — Марго мотнула головой и обнажила прежде прикрытую распущенными волосами шею, на которой и впрямь имелось небольшое покраснение. Только сдается мне, что не от Лизиных пальчиков, а от ночных тисканий в джипе.

Понятно, что после такого выступления теперь уже у Лизы терпежу не хватило.

— Да врет она! Врет она все, — отчаянно завопила она. — Потому что все не так было. Я пришла к ней вчера, чтобы поговорить и узнать, где Денис. Ну, я же не знала, какая за их отношениями подоплека скрывается. А она даже слушать меня не стала, а сразу вызвала своего амбала, ну того, что сейчас весь перевязанный, и они меня связали, а рот скотчем залепили... А никакой милиции не вызывали. А потом... Потом они меня в этот свой ящик для распиливания засунули, в котором я всю ночь пролежала, пока тетя Люба не появилась!

— Подтверждаю, все как есть, подтверждаю! — подхватила я с энтузиазмом, довольная тем, что и до меня очередь дошла. — Эта и этот, — показала я поочередно пальцем на Кармен и перевязанного ликеро-водочного предателя, — и меня связали. И уже выбирали подходящий ящик, перед тем как в цирке появились ребята из службы безопасности.

Только рано я радовалась, ибо практика показала, что вертлявую циркачку Кармен не так-то просто к стенке прижать.

– Да, связали, – не стала она отпираться. – А потому что и эта стала на меня набрасываться. Могу даже синяк на плече показать, если наручники снимете. А что касается его, – повернулась она к своему перебинтованному сообщнику, – то у меня с ним тоже был небольшой роман, за который муж меня простил.

– Да-а, чувствуется, отходчивый он у вас. Просто не муж, а золото. И очень прогрессивных взглядов, – Марго очень высоко оценила душевные качества факира-неудачника. – Сразу двоих простил. Ну а как насчет третьего, с которым вы в доме на пруду встречались?

– Ка-акого еще третьего? – этот вопрос Кармен явно не понравился. Правда, она быстро взяла себя в руки и равнодушно добавила: – Ну, а хоть бы и четвертого, вам-то что? Это наши с мужем проблемы!

Да уж, за рубль за двадцать такую точно не купишь! Интересно даже, чем Марго это крыть будет.

И я уставилась на свою подружку в предвкушении скорой реакции с ее стороны, однако, вопреки моим ожиданиям, последовала она из-под елки.

– Что? Что вы там про дом на пруду сказали? – подался вперед Москалец.

– Ах да, я же не пояснила, о каком доме речь, – хитро улыбнулась Марго. – А речь о доме приемов Кондратовского ликеро-водочного завода. Так, кажется, он называется?

– Так она, – ликеро-водочный магнат гневно воззрился на Кармен, – она там была?

– Была, была, – поспешила я развеять его сомнения, – я сама видела. С каким-то мужиком на джипе приезжала. А этот ваш перебежчик перевязанный охранял их покой.

– Правда, не очень удачно, – усмехнулась Марго, но тут же посерьезнела. – А теперь будьте предельно

внимательны, поскольку мы переходим к самому главному, к выяснению личности того самого Некто, что задумал эту злокозненную комбинацию с Денисом. Так вот, Некто как раз и есть тот человек, с которым Кармен проводила время в доме на пруду.

– Но, – нахмурился Москалец, – и пруд, и дом принадлежат нашему акционерному обществу, а значит, тот, кто привез туда эту особу, тоже имеет к нему отношение...

– А он и имеет, – успокоила его Марго, – причем, не только к акционерному обществу, но и к вашему, так сказать, семейному пирогу, от которого он и собирался отщипнуть кусок пожирнее, посредством доведения Дениса до видимости сумасшествия, а если повезет, то и не только до видимости. С последующим признанием его недееспособным, со всеми вытекающими из этого факта последствиями. Не знаю, стоит ли уточнять, какими. По-моему, и так понятно, что его конечная цель – прибрать к рукам весь бизнес.

После этих слов Марго обвела взглядом безмолвный и до предела наэлектризованный «серпентарий», словно заряжаясь энергией для решительного рывка и уже открыла было рот, но ее опередил доселе невозмутимый слащавый блондинчик, сидящий на одном из Зойкиных стульев рядом с Лизой.

– Послушайте, – задушевым тоном обратился он к собравшимся, – а вам не кажется, что с этим балаганом пора кончать? Да что мы, мазохисты какие-нибудь, чтобы такое выслушивать? Ведь ясно же, что она на меня намекает!

– А с чего вы это взяли? – спокойно отпарировала Марго, пока публика предыдущее выступление переваривала.

– Как с чего? – блондинчик завертел головой в поисках сочувствия. – Вы же сказали, что человек,

задумавший довести до сумасшествия Дениса, дружок этой Кармен или как ее там, а я единственный, не считая Аркадия Петровича и Дениса, мужчина в семье!

Ах, вот оно что! До меня наконец-то дошло, кто этот красавчик. Муж Инны Олег! Так это он, пока его жена-хромоножка с молодой папашкиной женошкой собачилась, водил шашни с Кармен. Недаром принцесса на диване вся позеленела и напряглась, как струна.

Короче, я уже приготовилась к полному разгрому блондинчика по всем фронтам, когда Марго одной фразой перечеркнула все, к чему сама же так долго и вела.

– Пойдите, – сказала она, – а разве я хоть раз обмолвилась, что имею в виду мужчину?

– Но... Но это уже совсем ни в какие... – начал было красавчик и вдруг замолчал на полуслове, уставившись на собственную жену с такой же подозрительностью, с какой она минуту назад на него пялилась.

Та, в свою очередь, перевела стрелки на Марго, обвинив ее в том, что она намеренно их стравливает. А ее драгоценная мачеха, как это повелось у них в последнее время, поддержала ее огнем из всех стволов.

И только когда они от души наорались, Марго получила возможность высказаться. И, должна признать, использовала ее на полную катушку.

– А теперь слушайте меня и перебивайте. Потому что речь будет идти о вещах, в которых я не сильна, а потому боюсь сбиться и перепутать какие-нибудь коммерческие термины, типа эмиссии. А вы, люди в этой области подкованные, меня на смех поднимете. Ну а теперь вернемся к этой самой эмиссии. Уж простите, это словечко я буду много

повторять. Так вот, эмиссия... Э-э, эмиссии акций, если быть точной. Насколько я знаю, таковая недавно произошла на вашем предприятии. Уж, извините, буду выражаться по-делетантски, но, как я понимаю, вы решили расширить свое производство, для чего вам понадобились большие средства. Брать кредит в банке вы по какой-то причине не захотели, а посему провели эту самую эмиссию. То бишь продали нескольким разным фирмам небольшой пакет акций Кондратовского ликеро-водочного завода и таким образом существенно увеличили свои денежные ресурсы.

– Ну и что? – встрял слащавый супружник Инны, несмотря на то что Марго русским языком просила ее не перебивать. – Это же обычная для бизнеса практика. Я сам занимался этой эмиссией и все фирмы лично проверял. Там все чисто.

– Да? – Марго еле заметно улыбнулась. Одними кончиками рта. – Ничуть не сомневаюсь в вашей компетенции, но боюсь вас разочаровать, поскольку с этими фирмами все не так чисто, как кажется на первый взгляд. И вы сами сможете в этом удостовериться, если ознакомитесь с материалами, которыми располагает один из наших...м-м-м... осведомителей. В общем, не буду вас утруждать излишними подробностями, в которых я, повторюсь, не слишком разбираюсь, только замечу в скобках, что в наше время есть люди, торгующие, по большому счету, секретными базами данных. С помощью которых иногда удастся распутать очень длинные цепочки. Ну, знаете, как оно другой раз бывает: за одной фирмой стоит вторая, за второй третья и так до бесконечности. Так вот, это именно ваш случай, у всех фирм, скупивших акции Кондратовского ликеро-водочного, один и тот же учредитель. А конкретно – Виктория Васильевна Москалец.

ГЛАВА 36

Ну, убила, так убила. На какое-то время все будто в кому впали, а потом такое началось! Крик, гвалт, чуть до драки не дошло. Соседи, конечно же, как будто только того и ждали, застучали по батареям. А Марго была вынуждена напомнить, что за стенкой дети.

И все равно циркачка и бывшая парикмахерша еще долго переругивались. Выясняли, по чьей вине они погорели. При этом первая второй вчиняла иск за нарушение конспирации, имея в виду любовную встречу в доме приемов на островке, ну а та, сама собой, считала, что провал операции произошел из-за неумеренных appetitов циркачки. Дескать, могли бы уже и на достигнутом остановиться, вместо того, чтобы Денису мозги задушивать.

И вся эта вакханалия продолжалась, пока бледный как смерть ликеро-водочный магнат не пригрозил утопить в Беглянке обеих, если они немедленно не скажут, где Денис.

— А мы не знаем, — дуэтом отозвались струхнувшие злоумышленницы. — Сами его искали, но он как сквозь землю провалился.

И тут же совершенно уж неожиданно проснулся Ермаков. Ровно затем, чтобы ни к селу ни к городу проблеять:

— Но-о... Если эта Лиза живая, то кого ж тогда из Беглянки выловили?

— Ой, да какая разница, — отмахнулся от него оправданный по всем статьям блондинчик. — Сейчас главное Дениса найти!

— Ну почему же, — возразила ему Марго, загадочно блеснув своими греческими очами, — как раз таки разница есть. И большая. И как только мы ее осознаем, так сразу и пойдем, куда бесслед-

но исчез Денис. А все дело в том, что на одном и том же поле, — а под полем я подразумеваю Денисову водобоязнь, если выражаться иносказательно — играли сразу два игрока. Причем, тот, до которого, как я надеюсь, мы скоро доберемся, был на порядок сильнее тех двух, с которыми мы только что разобрались. Хотя бы потому, что выйти на него мне было очень нелегко. Я просто до последнего не видела связи между Лизой, неизвестной утопленницей и этим несчастным, сорвавшимся с лестницы. Да, кстати, вы что-нибудь про него разузнали?

— Так, кое-что... Он всего лишь мелкий мошенник на доверии, — с готовностью отчитался перед Марго за собственную службу безопасности Москалец. Вот только под козырек не взял.

— Да, негусто, — Марго изящно дала понять, что служебные подвиги Пал Палыча и его команды ее не впечатлили. — Но, впрочем, это не важно. Ведь по большому счету, его личность особого значения не имеет, поскольку в этой истории он почти случайный персонаж, к тому же погибающий, если и не на первой странице, то в самом начале. И по всем признакам в результате несчастного случая, хотя в действительности это не так.

— О! Я так и знала, — подпрыгнула я на подоконнике, как на сковородке. — Значит, его все-таки грохнули! А эта... — зыркнула я на поникшую Викторию, — еще меня обвиняла. Типа он на ведро налетел... А сама же, небось, его и прикончила!

— Нет! Я его не убивала! — заверещала разжалованная ликеро-водочная королева. — Зачем мне трупы? И потом, я его вообще не знаю!

— Ага, так я тебе и поверила! — приготовилась я от души уделать эту выскочку, но Марго меня остановила:

– Да не наскакивай ты на нее. Она действительно тут не при чем!

– Вот интересно, – растерялась я, – но ты же сама сказала, что Макса убили.

– Да, убили, но не она, – Марго была тверже гранита.

– А кто? – я захлопала глазами, невольно уподобившись Лизе, которая, на мой взгляд, уж очень этим злоупотребляет.

И Марго мне ответила. Но в своем излюбленном духе. То есть, загадками.

– Тот же, кто убил выловленную из Беглянки девушку и сообщил в милицию, что это Лиза.

– Ну да, конечно, – разочарованно протянула я, – я тоже именно так и думала.

Но Марго, словно и не уловив в моих словах ехидцы, предложила мне вспомнить наше обсуждение этого самого звонка в милицию.

– Каких мы тогда только вариантов с тобой не перебирали, – покачала она «вавилонном», – а ты действительно была близка к истине, когда предположила, что звонил убийца. Хотя, если следовать нормальной логике, ему это ни к чему. Поскольку он напротив должен был замечать следы. Но, как мы только что выяснили, он все-таки позвонил. Так что, выходит, он ненормальный? Ничего подобного! Ну, тогда он просто перепутал и вместо Лизы утопил другую девушку? Кстати, это опять же была одна из твоих, Люба, гипотез, которая при всей ее абсурдности имела рациональное зерно. Нам просто нужно было эти твои замечательные идеи сложить и поделить. Вывести среднее арифметическое. А оно состоит в том, что убийца с самого начала охотился не на Лизу, а на ту, другую девушку, а Лизиним именем просто прикрылся, чтобы увести следствие по ложному следу, а заодно и подстрахо-

ваться. Он ведь хорошо знал, что предпримут в семействе Москальцов, лишь бы вывести из-под подозрения Дениса. Замнут дело, и концы в воду. Уж извините за невольный каламбур.

– Да, но кто это? Кто убийца? – пошла нервными пятнами Лиза. – Когда вы, тетя Марго, нам это скажете?

Да и все мы, если честно, были уже на грани нервного истощения. Быстрее бы эта Марго все выкладывала, а то как бы в «серпентарии» массовый падеж не начался!

– Уже скоро, недолго осталось, – пообещала Марго. – Сейчас мы это выясним и с твоей, Лиза, помощью.

– С моей? – ахнула Лиза.

А я пригляделась к ней повнимательней, как на девяносто девять процентов вероятной убийце. Ну все, думаю, приехали. Вот это поворотец. Хотя я ее с самого начала недолюбливала, но такого предвидеть не могла.

– Ну, конечно, – кивнула Марго, – ведь это ты, сбежав от Дениса на вокзале, столкнулась со своей предшественницей в должности горничной по имени Света, и та спросила у тебя о Максе. Верно?

– Ага, – поддакнула Лиза, – точно так и было.

– Ну, так вот, эту-то Свету и выловили из Беглянки, а потом приняли за тебя, – сообщила ей Марго, – и именно по ее поручению Макс приходил в дом в тот день, когда там по случайному совпадению оказалась Люба. Ну, а теперь о том, чего он хотел. А хотел он слегка шантажнуть одного человека, чтобы поиметь с него определенную мзду. Но тот предпочел решить вопрос радикально.

И она снова замолчала, словно собираясь с мыслями, в то время как приглашенная публика взывала от изнеможения.

По счастью, пауза не очень сильно затянулась, Марго вскинула голову и вперила свой пронзительный взгляд в домоправительницу, до сей поры не проронившую и словечка:

— А теперь ваша очередь, Анна Трофимовна. Расскажите нам, по какой причине то и дело увольнялись горничные?

— Как? Это всем известно. За кражи! — Банный Лист пробила крупная дрожь, естественно, вызвавшая у меня законную подозрительность. А что, она тетка здоровая. Так что ей Макса завалить труда бы не составило. Не говоря уже о какой-то там девчонке.

— Кражи — это, так сказать, официальная версия, — поморщилась Марго. — А мне бы хотелось правду и только правду.

— Но-о... — заерзала на диване Банный Лист.

Зато Москалец снова всех удивил, когда на нее прикрикнул:

— Анна Трофимовна, говорите, что от вас требуется!

— Хорошо, если вы так хотите, — домоправительница уставилась в пол. — Кражи — это был только предлог, потому что их не было до того случая с Лизой. Но причина имелась. И Ира, и Света вели себя неподобающим образом...

— А именно? — уточнила Марго.

Банный Лист склонилась еще ниже:

— Они... В общем, крутили с Олегом. Но об этом знала только я и никому не рассказывала. Просто, когда мне становилось это известно, я говорила Виктории Васильевне, что недовольна их работой, и она их увольняла...

Она еще и договорить-то толком не успела, а наш театр одного актера, под которым я подразумеваю Марго, пополнился вторым. Слащавым блондинчи-

ком, муженьком Инны, который, как подкошенный, рухнул с Зойкиного стула и на коленях подполз к своей сидящей на диване благоверной. Обхватил ее за ноги и заголосил, как баба:

– Инночка! Это все клевета! Ничего у меня с ними не было! Особенно с этой Светкой! Да на кой она мне сдалась, дура деревенская! Я тебя люблю, только тебя!

Ну и так далее и тому подобное. Я особо не вслушивалась, потому что концы с концами сводила. А они, к вашему сведению, с маниакальным упорством отказывались сходиться. Так, что мне даже пришлось к Марго за помощью обратиться.

– Но, послушай, Марго, – заметила я вполголоса, – как же блондинчик мог убить Макса, если его в тот день в доме не было?

– Да, а на чем основывается эта твоя уверенность? – прищурилась Марго. – Только на том, что ты его не видела?

– Да, Олег был дома, – глухим эхом отозвалась Банный Лист, – просто он не выходил из своей комнаты. Сказал, что плохо себя чувствует...

– Ну вот, мы во всем и разобрались. – подвела черту Марго и добавила: – Видите ли, я очень устала, а потому попрошу вас всех удалиться. – Честно говоря, она и впрямь очень усталой выглядела. – А если у кого-то появятся какие-либо вопросы, милости прошу завтра, после десяти утра.

– А Денис? – одновременно закричали ликероводочный магнат и Лиза.

– А что Денис? – ответила за Марго домохозяйка. – С ним все в порядке. Он у меня, на городской квартире. Ведь теперь ему не нужно скрываться.

А Марго откинулась на спинку кресла и сказала «Вот именно!», прозвучавшее почти как «Аминь».

* * *

Ну, не знаю, как вы, а лично я ждать до завтра, да еще аж до десяти утра, не собиралась. Тем более, что я вполне выпалась. А потому, быстренько проверив, что творится в детской, и вдоволь налюбовавшись на спящих вповалку Яна, Туську, Стаса, кота и щенка, я вернулась в гостиную и устроилась в ногах у Марго, все еще сидящей в кресле, только с закрытыми глазами. И тихонечко заканючила:

– Марго, только один вопросик... Что-то я не понимаю, как эта тупая корова Вика до такой авантюры додумалась? Ведь Кирка ее дурила по-черному, вместо таблеток от похудания витамины подсовывала. А в последний раз и вовсе слабительное...

Бедная Марго еле ворочала языком:

– Ну, во-первых, пока она отиралась в секретаршах, в кое-чем поднатаскалась. Во-вторых, я больше чем уверена, что всем Кармен заправляла. Она умело использовала Викину страсть ко всяким сомнительным новомодным штучкам, вплоть до нетрадиционных сексуальных отношений. Наверняка, наплела ей, что это последний писк в лучших домах Парижа и Лондона.

– Теперь мне понятно, почему «дружок» Кармен там, на пруду, мне довольно-таки плотным показался, – спохватилась я. – Нет, в жизни не догадалась бы, что это женщина. Нет, но то, что она была в штанах, – это ерунда. Сейчас все так ходят. Вот объятия их меня с толку сбили, это да!

– Да ладно, не переживай, – заколыхалась в кресле Марго. – Да, а что до таблеток... Слабительное – это не Кириных рук дело, а Инны. В смысле Кира продала Вике витамины в пузырьке из-под импортного чудо-средства, а Инна заменила их на

слабительное. Что, как ты понимаешь, очень даже в духе их теплых родственных чувств.

– Ну, надо же! – зацокала я языком и, пользуясь тем, что Марго, хоть обессиленная, но благодушная, еще одним, не дающим мне покоя моментом поинтересовалась: – А деньги на эти акции они откуда взяли? Ну, Вика с Кармен.

– Да, у того же Москальца и взяли, – не открывая глаз, обронила Марго. – У него денег много. А еще у него громкое имя, под которое можно получить кредит в банке или у богатеньких буратинок.

– А... А этот осведомитель, который помог тебе эту, как ее, эмиссию распутать, он кто? – наконец добралась я до самого главного.

– Имей совесть, Люба, это уже третий вопрос, – попеняла мне Марго, но все-таки ответила: – А это, между прочим, тот самый сопливый менеджер, который приходил в наше агентство наниматься и которого ты с лестницы спустила. А еще кое-какую полезную информацию я почерпнула у Шапокляк, ну, бывшей секретарши Москальца. Помнишь, она к нам тоже трудоустроиться хотела?

И это было все, чего я от нее добила, потому что Марго заснула, сидя в кресле. А мы с Лизой еще немного почаяевничали, посплетничали и разбрелись по своим спальным местам.

А завтра ровно в десять ноль-ноль в нашу дверь позвонили. Мы открыли и увидели ликеро-водочного магната, его сына и наследника и главного их охранника Пал Палыча. Все трое были тщательно выбриты, надушены хорошим парфюмом и имели при себе по букету. Два из них, от Москальца и Пал Палыча, достались Марго, один, от Дениса, – Лизе. И только мне – ни цветочка!

Впрочем, я была уже была близка к тому, чтобы оставить без внимания этот вопиющий не-

справедливости, когда Москалец вручил мне очень симпатичный конвертик, явно не с поздравительной открыткой. Однако же точно такой же он поднес и Марго. Вернее, почти такой же. Поскольку тот, для Марго, мне все-таки потолще на вид показался. А что до устных благодарностей, то они, хоть и были выражены в сдержанных тонах, все до единой исключительно Марго предназначались.

На этом, собственно, торжественная часть и закончилась. Ликеро-водочный олигарх с достоинством откланялся, пообещав нам и впредь пользоваться нашими детективными услугами, а также широко рекомендовать их своим деловым партнерам. Пал Палыч, естественно, тенью скользнул за ним, все же успев посетовать на то печальное обстоятельство, что Марго не выставила свои статьи на конкурс моделей для бронзового монумента в честь главного конратовского брэнда.

Что касается Лизы и ее Ореста-Дениса, то эти голубки куда-то удалились. Не исключая даже, что в дубравы. А в результате Лиза вернулась уже за полночь, усталая, но счастливая, и уже с порога выпалила:

– Денис сделал мне предложение!

– Надеюсь, ты не отказалась, как гордая княжна? – поинтересовалась я у нее на всякий случай.

– Не-а, – расплылась в улыбке Лиза и, пошатываясь, побрела к раскладушке.

Мы с Марго радостно переглянулись. А что, ведь о Лизе нам можно было не беспокоиться. Хотя бы потому, что теперь уж Денис ее точно не утопит.

– Да-а, была Лиза бедная, а стала богатая, – глубокомысленно заметила я, и мы на цыпочках проследовали на кухню. Пить чай с вишневым вареньем.

Литературно-художественное издание

Кондратовские хроники Елены Яковлевой

Елена Яковлева

БОГАТАЯ БЕДНАЯ ЛИЗА

Роман

Ответственный за выпуск *Д. Хвостова*

Художественный редактор *А. Гладышев*

Технический редактор *В. Кулагина*

Корректор *И. Опищенко*

Компьютерная верстка *О. Измайловой*

Подписано в печать 26.07.04.

Формат 84×108/32. Бумага газетная

Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,8. Тираж 4 000 экз.

Изд. № 04-6806. Заказ № 2604.

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»

129075 Москва, Звездный бульвар, 23, стр. 10

ОАО ПФ «Красный пролетарий»

127473 Москва, ул. Краснопролетарская, 16

входят в группу компаний

ЗАО «ОЛМА МЕДИА ГРУПП»

Полиграфическая фирма «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»

127473 Москва, ул. Краснопролетарская, 16



НОВАЯ ДЕТЕКТИВНАЯ СЕРИЯ

Елены Яковлевой

Это захватывающие расследования преступлений детективным агентством «Мозги и ноги», состоящем из двух подруг, *Марго* и *Любы*. Свои роли подруги — эти новые «Шерлок Холмс и доктор Ватсон» — распределили между собой просто: *Марго* — генератор идей, *Люба* — двигатель прогресса.

Когда в городе Кондратове произошло убийство сотрудницы киногруппы, прибывшей из Москвы для съемок сериала по романам популярной писательницы Ульяны Дунайцевой, предприимчивой, склонной к авантюрам Любе пришло в голову расследовать убийство своими силами.

Ведь все очень просто: раскрытие убийства даст возможность заработать и получить бесплатную рекламу детективного агентства подруг. И все за счет модной Ульяны Дунайцевой!

Марго настроена скептически, но... вот тут-то начинается самое интересное...

Елена Яковлева

«Мозги и ноги»

«Вечность с комфортом»

«Богатая бедная Лиза»



**РОМАНТИКА, ЮМОР И ДЕТЕКТИВ —
В ОДНОМ ФЛАКОНЕ!**



« Д В Е С Т Р А Н Н И Ц Ы »

Лучший женский роман последних лет. Такого не было со времен "Унесенных ветром".

В детстве братьям Раевским нравилось листать альбомы с фотографиями из семейного архива. Один из портретов привлекал особенно. На нем была запечатлена необыкновенно красивая женщина. К сожалению, о ней ничего не было известно, даже имя. Многолетние поиски в архивах Публичной библиотеки помогли авторам разгадать тайну портрета. Так появилась эта книга.

Судьба красавицы с портрета Полины тесно переплелась с судьбой Александры Неживиной. Им предстоит долгий путь по дорогам разрушенной войной России, они переживут вместе страх, голод, лишения, ради любви...

Разоренные дворянские гнезда и роскошные парижские салоны, любовь друзей и ненависть врагов, рубище нищих и шелка бальных платьев — в жизни подруг Полины и Александры будет все.



VIRGINIA BEACH PUBLIC LIBRARY

Discover the World

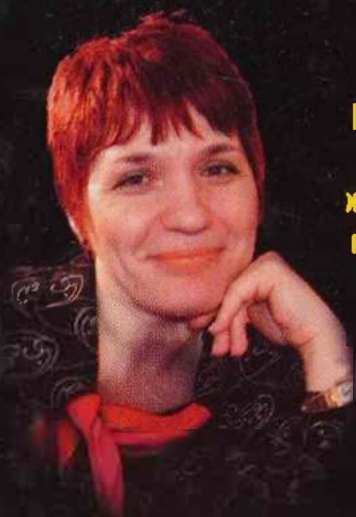
VIRGINIA BEACH PUBLIC LIBRARY
4100 VIRGINIA BEACH BLVD
VIRGINIA BEACH, VA 23452-1767

KV

VA BEACH PUBLIC LIBRARY SYSTEM



A18231 274555



Елена Яковлева

Гордая дочь кубанских степей Елена Яковлева, однажды перекочевав в ближнее Подмосковье и окончив журфак МГУ, приравняла перо к казачьей шашке своих предков. С тех пор извела немало бумаги, сочиняя все, что придется, от фельетонов до научных отчетов, а между делом обзавелась мужем и двумя детьми, пока не оседлала любимого конька — иронический детектив. В результате сегодня на ее счету около 20 повестей в этом увлекательном жанре, героини которых веселые и никогда не унывающие чудачки.

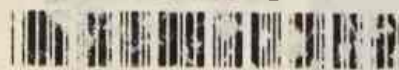
В доме одной из владелиц детективного агентства «Мозги и ноги» Марго появляется четвероюродная родственница мужа Стаса голубоглазая Лиза. Девушка работала горничной у Кондратовского ликеро-водочного магната. Хозяева обвинили горничную в краже крупной суммы, и хозяйский сын потребовал возвращения денег. Люба сильно сомневается в правдивости произошедшего, да и в родстве Лизы и Стаса, особенно после того, как Лиза ночью сбегает...



ISBN 5-

Яковлева Елена

Елена Яковлева. Лиза



110 574

Distributed by

A2070467

EAST VIEW PUBLICATIONS

eastview@eastview.com

Fax (763) 552-2

www.eastview.com